

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№4 2018

ISSN 0130-8173

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 26.04.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилуйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

К 100-летию со дня рождения
выдающегося якутского поэта
Г.Г. Вешникова — Баала Хабырыыса

Иван МИГАЛКИН

ПОЭТ, ДАРИВШИЙ РАДОСТЬ

4

Проза

Николай ЛУГИНОВ

Кюёх Ары — маленький
уголок Большого Мира

(Повесть четвертая)

8

К 90-летию народного писателя РС(Я)
В.С. Яковлева-Далана

Анатолий БУРЦЕВ

Романы
В. ЯКОВЛЕВА-ДАЛАНА
как синтез науки
и искусства слова

24

К 80-летию юкагирского учёного,
поэта и общественного деятеля
Г.Н. Курилова - Улууро Лдо.

Ирина КУРИЛОВА

**СЫН ОЛЕРЫ
ГАВРИЛ КУРИЛОВ**
36

Проза

Владислав АВДЕЕВ

Чужие письма

Повесть
44

Поэзия

Наталья Доменицына

*Кофейно-перечное
безумие*

Ольга Янцен

*"И от сердца к сердцу
Нитью ляжет стих..."*

66-69

Экскурс в историю
Людмила ЖУКОВА

**ИСТОРИК, ЭТНОГРАФ,
КРАЕВЕД...**

Григорий ПОПОВ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯКУТОВ
И ИХ ПРАРОДИНА**
72-73

Писатели России.

Два рассказа

Фёдор ОШЕВНЕВ

**Верующий
батюшка
•
У каждого –
своё**
76

Документальная
проза

Светлана ФЁДОРОВА

Дети СССР
85

Иван МИГАЛКИН,
народный поэт Якутии,
председатель Союза писателей РС(Я)

ПОЭТ, ДАРИВШИЙ РАДОСТЬ

Мы – поколение, вырвавшееся в 60-е годы прошлого века, учились читать и писать, опираясь на произведения Гавриила Григорьевича Вешникова – Баал Хабырыыс. А в юные годы, впервые влюбляясь, мы с упоением читали проникновенную лирику поэта, воспевавшую красоту якутских девушек. Прожив много десятков лет, в жизни хлебнув и счастья и горя, познав успехи

и победы, пережив немало потерь и невзгод, опять с удивлением осознаем глубину поэзии Баал Хабырыыс, его жизненную мудрость, умение философски видеть далеко вперед. В этом, на мой взгляд, и есть великая сила таланта Гавриила Григорьевича. Потому я его с юных лет всегда беру себе в пример.

В своем стихотворении “Стерхи среди дров”, написанном более шестидесяти лет назад, Баал Хабырыыс отмечает:

“Будто стерхи зимовали
Среди сложенных дров”, –
Загадка про юрту глиняную
Со стародавних времен.

Славные наши предки
В те еще темные времена
Себя увидели в стерхе,
Оо, как мысль их была чиста.

***

Из тьмы веков наследство великое
Нам оставили в завещание предки –
В этой юрте с хотоном зазвучали
Песнь олонхо и музыка хомуса.

Наверное, не ошибусь, я не припомню другого поэта, кроме Баал Хабырыыс, так умело сочетавшего в своем творчестве истинную сущность олонхо и хомуса для нашего народа. В приведенном стихотворении поэт предугадал знак нашего времени, он был уверен, что народ саха в будущем во всем мире будет известен посредством великого олонхо и журчащего хомуса.

Любимец народа, выдающийся поэт-лирик Гавриил Григорьевич Вешников – Баал Хабырыыс родился в 1918 году в Борогонском улусе. Умер 22 апреля 1969 года в самом расцвете творческого пути. Баал Хабырыыс прожил короткую жизнь. Он ушел из жизни всего в 51 год. В этом году, 15 апреля, исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося якутского поэта.

Более тридцати книг, опубликованных на русском и якутском языках, оставил поэт в наследство своему народу. Последние годы жизни он проживал в Москве. Я был знаком с его женой, скульптором Ольгой Степановной Скубченко. Она была очень доброжелательна к землякам своего мужа. Ее мастерская была полна скульптурами якутских

ИВАН МИГАЛКИН. ПОЭТ, ДАРИВШИЙ РАДОСТЬ.

К 100-летию со дня рождения выдающегося якутского поэта Г.Г. Вешникова — Баала Хабырыыса

писателей. После смерти Ольги Степановны судьба этих работ неизвестна. К сожалению, при жизни жены поэта Якутия не смогла выкупить бюсты своих писателей.

Баал Хабырыыс было всего 27 лет, когда он в 1945 году выпустил свой первый сборник “Өлбөт мэһэ” (Бессмертный). В книгу вошли стихи и поэмы, написанные поэтом в годы Великой Отечественной войны. Именно с этой книги, со дня великой Победы, имя Баал Хабырыыс окончательно закрепилось в памяти якутских читателей.

В том победном году была опубликована первая часть романа в стихах “Уйбанчик” выдающегося якутского поэта и переводчика Гавриила Ивановича Макарова – Дьуон Дьянгылы. В этом замечательном произведении Гавриил Иванович, как старший товарищ, предвещал творческое будущее молодых тогда писателей Макара Хара, Таллан Бюрэ, Валерия Чиряева, Чагылгана и Баал Хабырыыс.

Думаю, что Дьуон Дьянгылы уже тогда возлагал большие надежды на своего друга Баал Хабырыыс. Его слова подтвердил народный поэт Якутии Савва Иванович Тарасов. В Литературном музее имени П.А. Ойунского на вечеру в честь 80-летия Баал Хабырыыс он в своей речи вспомнил слова Дьуон Дьянгылы: “Баал уол бааллаан турдагына...” – то есть, “как созреет добрый молодец Баал, когда перо его окрепнет, когда его поэтический голос будет литься свободно, мы, читатели, дождемся еще более ярких произведений”.

Подтвердил также эти слова Дьуон Дьянгылы о Баал Хабырыыс народный писатель Якутии Софрон Данилов: “Все те огромные события, произошедшие в стране в течение тридцати лет, затронули сердце поэта, прошли через его тонкую лирику и звонкие струны его души”.

Секрет лирики Баал Хабырыыс в том, что он открыт и для детей, и для взрослых. Он искренен со всеми. Он чужд заумности, свойственной некоторым авторам-стихотворцам. Он никогда не стремился учить, указывать, ругать, так и потакать всем.

Гавриил Григорьевич сам как-то отметил, что “старается передать простые понятия через личное восприятие читателя, словно только для него и писались эти слова”. Красотой своего поэтического слова, как говорится, не всколыхнув ни травинки, ни единого растущего в аласе цветка, он умел осторожно коснуться безмятежной глади озера. Так проникновенно и трепетно писал Баал Хабырыыс, раскрывал в стихах всю свою душу, пел

от всего сердца... “Чтобы сделать людей счастливей”, – этими словами Баал Хабырыыс предугадал свое бессмертие в памяти все новых молодых поколений.

Песней своей и благими мыслями,
Чистой и светлой любовью
Подарить я хочу людям счастье,
Хочу исполнять всем мечты
Вопреки личному счастью,
Про свою жизнь позабыв.

Я считаю подарком судьбы свои встречи с двумя крупными поэтами, выходцами из Усть-Алданского улуса – с Сергеем Степановичем Васильевым – Борогонским и Баал Хабырыыс.

Про творчество Баал Хабырыыс написано более двадцати литературоведческих работ, начиная от простых заметок благодарных читателей, заканчивая серьезными рецензиями, крупными обзорными статьями С.Т.Руфова, И.Е.Федосеева, С.Р.Кулачикова-Элляя, Н.Е. Петрова, Феоктиста Софронова и других.

“Я уверен, в якутской поэзии он не был случайным гостем, забредшим на один ночлег, он неразрывная часть своей родной литературы”, – писал Н.Е.Петров. В своей статье “О поэзии Баал Хабырыыс” доктор филологических наук Н.Н.Тобуроков оценивает творческое мастерство поэта следующим образом: “Он (Баал Хабырыыс) могучая ветвь Аал Луук Мас. Эта ветвь и сегодня цветет и плодоносит...”. С душевным трепетом откликнулись о творчестве Баал Хабырыыс также Д.Федоров, В. Новиков, С.Данилов, ученый Н.Копырин, Н. Винокуров – Урсун и другие.

Из последних работ о жизни и творчестве поэта мне особенно запомнились “Баал Хабырыыс” (воспоминания ровесника поэта, ветерана Великой Отечественной войны, ветерана педагогического труда Николая Даниловича Бурцева), “Росли мы вместе” (воспоминания ветерана труда, почетного гражданина Мегино-Кангаласского улуса, родного брата поэта Романа Вешникова), “Рассказ простого человека” (статья ветерана Великой Отечественной войны, известного ученого-критика Николая Копырина), “Разноцветный лепесток” (статья лауреата Государственной премии Республики Саха (Якутия) имени П.А. Ойунского Н.Е. Винокурова – Урсун), статья “Высокое призвание поэта” Василия Копырина. Видимо, предвосхищая такое признание в будущем, Баал Хабырыыс пишет следующие душевные строки:

Дитятки мои выпестованные,
Верные мои друзья –

Мои стихи,
Мои стихи,
Отдал я вам
Частичку тела,
Души и сердца яркий пыл.
За меня вы останьтесь,
Потомки мои,
Детки мои.

С 70-х годов прошлого века я встречался с писателями и людьми, которые тесно общались с Баал Хабырыыс. Они все как один отмечали исключительную скромность поэта, его особую требовательность к своим произведениям, жизнерадостность и доброе отношение к людям. В тот момент я – молодой поэт, только начинавший свои первые шаги в волшебном мире поэзии, с головой устремился в творчество, ставя себе в пример творчество Баал Хабырыыс, в частности, его следующие строки:

Когда поэт перестает писать,
Душа его грустит в печали,
Словно засохшее русло реки
Сердце пустеет в мели.
(1961 год, май)

В молодом возрасте Баал Хабырыыс как-то написал о том, что преклонялся перед Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым и Блоком. Он так писал в 1954 году. В том же году родился и я. Я тоже рос, преклоняясь стихам Тютчева и Блока.

В пригорках аласа Мюрю,
В ивовых кустах над речкой Танда
Осталось детство мое золотое,
Не желая меня отпускать...

Я также написал сходное по духу стихотворение: “Был я ребенком, был бусинкой-брусничкой, не знавший жизни...”

Оставивший замечательный след в якутской литературе поэт-лирик Баал Хабырыыс посвятил всю свою жизнь и творчество родному народу, “чтобы сделать людей счастливее”, щедро расплескал ярчайшие “осколки солнца” для детворы, великолепным произведением “Рассказ простого человека” завершил свой творческий путь.

*Перевод с якутского
Марии Никитиной*

Гавриил ВЕШНИКОВ
– Баал Хабырыыс

Зачем стихи читают мне ночные звёзды в вышине?

ОЗЕРКО

В тени своей прохладной,
Играясь отблесками вод,
Песней детства колыбельной
Встречает радостно мой пруд.

Бывало в жаркий летний день
В воде плескался десять раз,
Помню, матушка ругала
За то, что я коров не пас.

Твоя прозрачная вода
Купала нас, детишек, в зной.
И вспомнил я те детские года,
Что вновь предстали предо мной.

Когда растешь, живешь и крепнешь
Не замечаешь жизни ход,
Когда ты счастье строишь, ищешь,
Оно закончится, и вот!

Напоминая мне привольно,
Играясь отблесками вод,
Песней детства колыбельной
Встречает радостно мой пруд.
1940

ПРОВОДЫ

Бесшумно с обрыва реки
Выпал желтый лист тальника,
Пыль дорог поднимая с земли,
Исчезает лошадка в дали.

ИВАН МИГАЛКИН. ПОЭТ, ДАРИВШИЙ РАДОСТЬ.

К 100-летию со дня рождения выдающегося якутского поэта Г.Г. Вешникова – Баала Хабырыыса

Желтый лист уплыл от меня
Вниз по течению реки,
Все быстрее бег у коня ...
На учебу мой друг уходил.

Когда вновь расцветет листва
И теплый ветер коснется лица,
Ты приедешь – наступит весна,
И тогда обниму я тебя.

Бесшумно с обрыва воды
Выпал желтый лист тальника,
Сколько дней было в длинном году
Буду знать я об этом всегда.
1949

ОСЕНЬ

В родном аласе, у речушек,
Вдоль неистоптанных дорожек
Оставил снежные следы
Суровый иней-господин.

В полудень теплынь и ясно,
Золотое пламя бьет в глаза,
Стоит мой лес березок стройных,
Ветвями желтыми светя.

С лугов вороньи своры
Стаями взмывают вверх,
То там, то тут открыты взору
Стога, и слышен смех.

Уж очень я люблю смотреть
На меди цвет и золота,
Богатства осени букет –
Итог больших трудов за лето.
1948

***

Скажи, Лена-матушка,
Волны синие твои,
Зачем, играя, шепчут мне
На якутском языке?

Лесов бескрайних, гор, долин,
Лугов цветущих и равнин
Речь в моих ушах звучит,
Они умеют говорить?

Зачем стихи читают мне
Ночные звезды в вышине?
А лебеди и журавли
Хомуса звуки принесли?

Кто всем этим одарил,
Умением с камня слог лепить,
Чудесной силой наградил
Огромный мир в стихах любить?

За жизни срок, что мне дан,
Сполна я счастье испытал!
Язык огня, воды познав,
Поэтом скромным стал!
1940

МОРЕ

Много раз я сидел на твоём берегу,
Красотой не нашей наслаждаясь.
Увлеченно все смотрел в синеву,
Напрочь во времени забываясь.

Не нашел я такого умельца,
Кто тебя кистью или словами опишет.
Рядом с тобой много дум рождается,
О том, что в жизни моей произошло.

Было бы тебе интересно, о, Море,
Поведал бы я, что в душе у меня...
Нет на свете того, кто ошибок не делал,
И того, кто лишь правильный путь выбирал.

Я стремился в жизни всегда к красоте,
Это было идеалом высоким моим.
И по душевной, детской, порой, доброте,
Что было я роздал и своим и чужим.

Послушай меня, великое Море,
Речи мои сокровенные...
Всегда ты молод и весел, любимое Море,
Прощаясь, слова говорю я заветные!
1960

*Перевод с якутского
Марии Никитиной*

Николай ЛУГИНОВ,
народный писатель РС(Я)

Кюёх Ары – маленький уголок Большого мира

(Повесть четвёртая)*

9. ТЫ И ВОЛЧИЦА

Окой расстроился: поставленная вчера утром морда оказалась пустой – рыбы почему-то не было, а он уже привык к ежедневному улову.

Странно, куда она подевалась? Две-три рыбины ему бы хватило для сытного ужина. Жаренные на костре – они бесподобны. А теперь что на вечер приготовить? Придется опять варить суп из сушеного мяса. «Для правителя Саратая слишком скромный получится ужин», – подумал он совсем без иронии.

Опечаленный, он уж было побрел обратно, но, услышав настойчивый свист Гургана, оживился, обрадовавшись неожиданной встрече. Без дела этот человек никогда не приходил. Внимательно осмотревшись, нет ли кого, Окой не торопясь направился вброд на другой, густо заросший молодым бамбуком, берег.

Рядом с жадно поедающим зеленую траву вороным скакуном на огромном валуне сидел

Гурган, а у ног его лежал объёмистый мешок, на который он сразу же указал Окою. Мешок был не только большим, но и тяжелым.

– Что это? – Окой, не отличающийся терпеливостью, сразу заглянул внутрь. – Мясо!

– Баранья нога.

– О, дорогой друг, как ты верно угадал! Давно хотелось мяса. Вот так удача мне сегодня подвернулась! Но слишком много для одного.

– Ничего, зажаришь свежатинок на костре, а остальное высушишь. Не пропадет. Что мне тебя учить...

– Ну, разве что... Махтал тебе.

– У нас нынче с твоей волчихой недоразумение вышло, – усмехнулся Гурган. – Мои ребята недавно добыли двух баранов, жирных-жирных. Куда девать? Ну, думали-думали и решили присоединить к твоим овцам, в расчете, что целее будут. И что ты думаешь? Возвращаемся через

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

* Окончание. Начало в №3 «ПЗ» за 2018 г.

несколько дней, а баранов, именно наших баранов, и след простыл. Остальные – те, что твои – все до единого живы-здоровы.

– Странно... что-то на нее не похоже, – очень удивился Окой. – Надо же, получается, учуяла чужих.

– Ну, я с ней рассчитаюсь! Не того собралась она обижать. Вот подкараулю у норы... – в глазах Гургана блеснул злой огонь, хотя сначала Окою показалось, что он шутил.

– Это не лучший выход... Убьешь ее – убьешь и меня, потому что бродячие волки сразу съедят всех овец, – сказал Окой, едва сдерживая раздражение. – Ты же не хочешь, чтобы я пропал. Лучше давай я возьму тебе пропажу. Хорошо?

– Сказал тоже – возьму... Чтоб я у тебя взял? Не будет этого никогда. Ты думаешь, мне жалко двух баранов? Стоит мне захотеть, их сотнями пригонят. Забыли об этом... Я пошутил, не было ни съеденных баранов, ни глупых моих людей, – и, словно начиная разговор заново, с широкой улыбкой сказал: – Я так благодарен тебе, Окой! Ты мне не коня, а крылья подарил. На таком «крылатом подарке» многое, о чем прежде не смел и мечтать, стало возможным. На этом скакуне я себя впервые почувствовал настоящим, сильным человеком. Дорогой Окой, разреши отблагодарить тебя, – сказал Гурган и достал из своей поясной кожаной сумки три увесистых мешочка. – Вот, в этом – золотые самородки, а в других – драгоценные камни. И это ещё не всё, я позже еще принесу тебе с дальнего схрона. Этого добра у меня много.

– Нет и нет, дорогой мой Гурган, мне ничего этого не надо, – неожиданно резко стал отказываться Окой.

– Почему же? – удивился ответу нищего хозяина Кюёх Ары Гурган.

– Честно? Потому, что боюсь. Где золото и драгоценности – там людская алчность. А жадность – начало всех бед. Никогда такими ценностями не обладал, и лучше с ними не связываться. Живее буду.

– А на черный день? Ты спрячь их подальше и воспользуешься, когда потребуется, – пораженный отказом, посоветовал Гурган. – Ты меня

удивил... Никогда не встречал человека, который бы отказался от такого состояния... Но как тогда мне отблагодарить тебя – моего благодетеля? В моей жизни не было человека, подобного тебе, Окой!.. Мне никто никогда ничего по доброй воле не отдавал.

– Благодетель... – смягчился Окой. – Хорошо, коли так... Я, пожалуй, приму твою благодарность. Но возьму не эти маленькие мешочки, а большущий мешок с мясом, – и счастливо усмехнулся. – А если серьезно, возвращаясь к твоим словам про «чёрный день», – у меня есть одна просьба, касающаяся моего благополучия. Очень серьезная просьба.

– Слушаю, дорогой мой брат! Ты только скажи, я постараюсь всё сделать ради тебя.

– Я прошу одного – береги себя, – еще больше озадачил этими словами Гургана. – Я много прожил в этих краях, но только познакомившись с тобой, впервые почувствовал себя в безопасности. Мне ли не знать цену этому ощущению? Я до этого жил под страхом. Да пропади она – такая жизнь – пропадом! Каждый гость был для меня господин. Угощаешь его и гадаешь: убьет – не убьет. Меня оставляли в живых не из жалости, а просто я всегда старался быть для них незаметнейшим человеком. Не убивали еще и потому, что лень было клинок от крови отмывать, после моей смерти... – Окой на время замолк. – У меня вас только двое, только на вас двоих держится мое хрупкое благополучие.

– А кто же второй? – вопросительно посмотрел Гурган.

– Ты и ... и волчица Оу, – про себя Окой подумал, конечно, о брате.

***

Прошел почти месяц с того дня, когда Окун неожиданным для себя образом так удачно обустроился в Кюёх Ары. Мысли и выводы, взбуряемые слухами из Саратая, стали потихоньку оседать на дно сознания.

Удивляло его всегда это дарованное Всевышним излечивающее душу человека беспамятст-

во. События, будоражившие всё существо и глубоко волновавшие, со временем, как сгоревшие поленья, превращались в пепел, становясь всего лишь воспоминанием, которое, правда, при случае вновь бы возбудило воображение и могло превратиться в мечты о будущем... Как это удивительно!

Окун вздохнул. И никто бы не смог разобраться – с сожалением или с удовольствием.

Мечты – мечтами, но теперь они совсем не так безобидны, как прежде, ибо ныне он знает, что от них исходит опасность. Это уже не просто наивные мечтания, мысли эти на деле подталкивают к рискованному, а то и губительному действию.

Для Окуну после изгнания они стали еще более опасны. Сколько раз за жизнь совершал он необдуманные поступки, полагаясь на «авось». Поступки, которые вовсе не следовало делать, которые в итоге влекли за собой множество неприятностей.

Но, тем не менее, – тут он не мог удержаться от похвальбы, – иногда случались же удачи, которые перечеркивали разом все неудачи. Не рискнешь, не решишься и ничего не добьешься. Это точно. И в этом есть своя правда.

Несколько лет назад Окун даже в самых дерзких мечтах не представлял себя на троне. Но получилось же...

И вот – исподволь – стала его посещать навязчивая мысль: «То, что однажды получилось, может повториться и еще раз, если с умом, осторожно, на основании приобретенного опыта...» Тут он всё с большим трудом останавливал себя. Мысль была слишком опасной и крайне сомнительной...

Тогда он был внутри строя, который сам его выдвинул на вершину власти. А теперь он вне этого мира... Никому не нужный, беглый, имеющий множество врагов, мечтающих выгодно продать его голову... Это остужало горячие мысли и требовало смирения и покорности своей судьбе. А кроме этого, следовало бы неустанно благодарить Тэнгри, что предоставил такое прекрасное убежище, где он спокойно проведет остаток жизни.

Ан, нет... Он продолжает рваться туда, где его ожидала неминуемая смерть, и откуда он чудом убежал... Человек неисправим! Что же делать, если он так глупо устроен? Окун усмехнулся над своей по-детски неосторожной мечтательностью. Опять надежда, хотя самое время было бы настрожиться и придержать лихие химеры воображения.

10. НОМОХ¹ О ХАРАТАЙЦАХ

Отец Окуну и Окоя был родом из харатайцев, обитавших возле южных подножий Алтая. Так их называли степные хунны, которые состояли с ними в глубокой древности в родстве по материнской линии. От хуннов и досталась часть слова «таай», присоединившаяся к «хара» – означающей «север».

Так что столь звучное и емкое имя на поверку оказалось свидетельством о родстве: «северные дядья по материнской линии».

Харатайцы были полуоседлым родом. Они жили в деревянных домах, обложенных дерном, умели класть довольно сложные по строению печи, дым из которых, проходя под нарами и между двойными стенами, обогревал весь дом так, что у себя дома они ходили в летней одежде даже в лютые морозы.

Каждая семья харатайцев имела по четыре-пять таких домов, возведенных в разных местах между степью и горными пастбищами. В них они и жили, переезжая в зависимости от времени года из одного в другой.

Тэнгри словно привязал их к одному определенному месту – к ставшим родными горам, речкам и озерам, к домам, возведенным на всю жизнь. В отличие от остальных хуннов, они предпочитали жить и умирать у себя дома. В обычае у них была и забота о мертвых соплеменниках. Тело харатайца, умершего вдали от дома, неважно, в бою ли, в пути ли погибшего, родственники обязательно хоронили в родной земле. А если не удавалось найти даже кости, брали с предполагаемого места гибели землю и доставляли ее домой.

¹ Номох – легенда, быль.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

Для остальных хуннов родиной и домом были бескрайние степные просторы, простирающиеся на тысячи кёс во все стороны. Хунн, где бы ни оказался, везде чувствовал себя, как дома. Видимо, поэтому для каждого пожилого хунна умереть в бою или в походе было мечтой, овеянной ореолом доблести. А вот умереть дома в постели – расценивалось недостойной участи истинного воина.

Как ни странно, они уважали привычки харатайцев, волей Всевышнего привязанных к определенному месту жительства. Сами же продолжали считать родиной ту местность, где в данный момент обитал их род – и это было нормальным и никого не удивляло.

Мощью своего оружия и силой духа хунны могли любую местность на земле объявить своей, даже такую, на которой не один век жили другие народы. И пока никто не смел им перечить. Они жестоко подавляли даже намек на сопротивление. Легко завоевывая новую местность, без сожаления её оставляли, продвигаясь вперед и вперед, расширяя владения Ила.

Уж так повелось – в этом мире испокон веков был прав тот, на чьей стороне сила. И никто не сомневался, что и впредь так будет.

Харатайцы же осели накрепко еще в те времена, когда предки нашли местечко, удивительно богатое плодородными пастбищами и настолько труднодоступное и удаленное от привычных для хуннов степей, что никто и не думал зариться на их родину. А еще большей защитницей и спасительницей стала для них тайга. Укрывая от врагов, она же обеспечивала харатайцам достаточно сытую жизнь, благодаря обилию разнообразной дичи.

Обычно харатайцы не участвовали в войнах степняков. Извечно так сложилось в этом краю, что по одной лишь прихоти своей никто не уходил из рода. Известные неразговорчивостью и медлительностью, они славилась и верностью сказанному слову и честностью. Всякий харатаец, проявивший хоть раз слабость или поступивший бесчестно, становился изгоем, их без особых угроз, но настойчиво принуждали покинуть род.

Надо полагать, отец Окоя и Окуна оказался одним из тех, кто некогда преступил неписанные законы рода. Эта загадка заставляла любопытных делать всякие предположения.

По слухам, которые еще не успели стать легендами, Саратай основали несколько изгнанных из различных родов семейств. Как было на самом деле, никто не знает, и знать не мог – при свойственной саратайцам тяге к перемене мест. Может, поэтому название для селившихся в этих местах людей дали очень ироничное, как бы в насмешку. «Сара» означало «желтый» или «южный», скорее всего, здесь подразумевался ругательный, уничижающий смысл «чужаки» или «отщепенцы».

Нравы, которые закрепились в Саратае, были полной противоположностью традициям Харатая. В Саратае уважаемыми в обществе людьми становились наипервейшие воры и лжецы, перехитрившие более посредственных прохиндеев. До смешного странным казалось, что основатели этого подобия государства требовали от своих подданных кристальной честности. Это было просто невозможно, ибо такие люди здесь не водились. А появившись они случайно – их тут же превращали в изгоев. Но причина, заставляющая этих верховных воров тянуться к иному окружению – честных, преданных и умных людей, крылась, видимо, в том, что ни один вор не терпел рядом с собой другого вора. Слишком ненадежным и опасным оказывалось такое соседство.

Окун, любивший прилгнуть и схитрить, именно в Саратае нашел подобных себе деляг, быстро сошелся с ними. Дела его пошли в гору. Всем он нравился. По крайней мере, ему так казалось. А спрашивая себя: «Почему?» – ответа найти не мог.

11. ДУМЫ О САРАТАЕ

Окун проснулся, когда неожиданно занули старые раны и заломило в переломанных когда-то костях. Это обычно случалось к непогоде, хотя, вроде бы, ничего еще не предвещало перемен. Еще во время своего побега он заметил,

что в этом году ранняя весна выдалась необычно знойной. Громоздящиеся на горизонте высокие барханы Саракумов, заслоняющие оазис от пустыни, казались кипящим котлом. Он легко представил себе, какой ужас творится теперь там. Незавидна окажется доля тех, кто по воле случая или рока топчется сейчас на той сковороде.

Окун встал, разминая колени и спину, походил по «главной площади», от стены до стены ровно в девять шагов. Он давно уже дал каждой площадке, залам и коридорам скального убежища свои имена. Но заметил, что сегодня у него получилось на три шага больше, из-за этого и «площадь» как бы стала больше. Посчитав шаги, он понял, что и подниматься вверх по коридору раньше ему удавалось куда быстрее.

В итоге, он сделал вывод: одно из двух – или Сартас становится выше и шире, или он слабеет. Всё, конечно, относительно. Но, как ни иронизировать над собой, иных выводов сделать не удастся. Тело живет своей жизнью, а сознание человека – вне истины и действительности ... Мысли, видимо, почти независимы от соответствующего возрасту состояния тела, порождающего их, поэтому не стареют они вместе с дряхлеющей оболочкой.

Как в былые времена, к нему вернулась способность предчувствовать предстоящие события. Удивительное волнение поднялось в груди. Видимо, что-то случится очень важное для него, и вместе с этой непогодой придут и перемены. А здесь это означает только одно – забредут очередные путники, но на этот раз не случайные, а ниспосланные Высшей волей.

Нынешним вечером красивого заката не случилось, а так хотелось еще раз полюбоваться чудесными нерукотворными переливами на гранях небесного алмаза. Не выдалось, небо затянуло облаками, бил волнами о скалы порывистый ветер, принёсший горячий жар из глубин пустыни. Это было неприятно Окуну. Изгнаннику и беглецу особенно скучно и муторно во тьме, если ночь подступила не по коврам заката, и нет никакой возможности следить за звездными хороводами, развлекающими праздного одинокого наблюдателя.

Окун, чаще всего бодрствующий ночи напролет, на этот раз неожиданно заснул, сидя на камне. Приснился сон, ставший привычным для него после свержения. В том небытии сознания он, как обычно, занимал и трон Саратая и принимал просителей-простолюдинов, большинство из которых – обманутые хозяевами работники золотых приисков. Окуну, в который раз, было жаль этих трудяг, но он не мог наказать хозяев, слишком богатыми и сильными людьми они были. Жалость к обиженным людям не давала ему покоя. Но, как бы больно не было смотреть на обращенные к нему просящие, умоляющие лица, разве это повод, чтобы ссориться со столь влиятельными господами? Он допоздна готов был сидеть, выслушивая жалобы на хозяев и власть, пытаясь проникнуться заботой и тревогами обездоленных, стараясь помочь хоть некоторым из них. Но просителей с каждым сном становилось всё больше, а возможностей почему-то не прибавлялось.

Проснулся, когда еще не рассвело. Непривычным было не только это, но и общая разбитость. Словно от непосильных трудов накануне всё тело его болело.

По завыванию, ставшему почти непереносимым для слуха, понял, что ветер еще усилился... Это прибавило неюта и тоски. Из-за отсутствия каких-либо забот, Окун, в очередной раз никуда не спеша, начал перебирать в памяти необычные подробности последнего сна.

Было не ясно – к чему бы он опять и опять повторялся. И опытному звездочёту трудно разгадать смысл таких снов. По-всякому можно их объяснить. Если же судить по тому, что большинства людей, увиденных во сне, уже нет в живых, то встреча с ними ничего хорошего не сулила, а, возможно, несла и худшее предвестие – его собственную смерть.

Но он уверял себя, что сознание настойчиво пытается извлечь только добрые предзнаменования, потому мучает его надеждой: «А может быть, всё это к возвращению трона?» А пока Окун и представить себе не мог, как это вообще может случиться? Разве вот так – во сне! И всё же он оставлял себе лазейку, говоря: «А вдруг?! По-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

чему бы и нет? Вдруг, доведенный до крайности, народ восстанет против засилия воров и бандитов и призовет на трон именно его – Окуна. Почему бы и нет? Это не такая уж невозможная и нелепая мысль. Народ же продолжает невыносимо страдать от несправедливости. А на их памяти он – единственный правитель, который постоянно защищал народ.

Кто, как не Окун, всего за два года привёл полностью разоренное государство к процветанию? Ведь сколько раз говорилось ему, что простому народу только при нем впервые в истории Саратае удалось «распрямить спину», согнутую непосильной нуждой. Нет! Народ, наконец, просто обязан проявить себя».

Окун, воодушевленный этими мыслями, снова зашагал по своей «центральной площади». На этот раз, наверное, от размеров его мечтаний, она показалась ему тесноватой, и он пошел по кругу. Даже не обратил внимания, что ходит против солнца, но скоро спохватился и принялся нарезать свой круг по-прежнему.

Эта незначительная оплошность расстроила его, показавшись недобрым знаком.... Теперь, после сокрушительных ударов судьбы, он сам себя перестал узнавать, впадая не только в суеверия, но и в некотором смысле – в набожность...

А всё началось с поиска причины своих несчастий.

Раньше он не придавал особого значения ничему сверхъестественному. Жил как живётся. И ничего – всё шло с рук. Правда, до поры до времени. И в итоге – всё закончилось отвратительно...

Всё-таки несправедлив этот мир...

«Чего ты размышляешь?. Так и бросятся они искать тебя... Как бы не так... Разве не знаешь ты лучше многих других, что никто ничего не помнит и не ценит, хотя знают точно, что ради них кто-то порою работал не покладая рук и, как оказалось, рискуя жизнью.

Если отстраненно посмотреть на всё, то народ покажется лишенным всякого разума. Они идут за любым горлопаном, куда бы он ни вёл. Опьяненная надеждой толпа, не считаясь ни с какими жертвами, всё сокрушит и опрокинет, и

сама же в итоге опять сунет голову в ярмо. Большинство из людей любят обманываться. Ну как умному человеку не воспользоваться такой недальновидностью?

Почему так печально устроен мир?.. Кто его создал таким?..

Тут Окун опять вздрогнул, каким-то странным и непостижимым образом почувствовав на себе чужой, строгий «взгляд».

Ну, да... Я немного переборщил... Разве можно выносить такие безжалостные суждения обо всём огромном мире? Многие края он повидал. Но сказать такое можно только о маленьком Саратае. Известно же, что за народ составляет население этой страны. Это же не «настоящий» народ, а «избранный» сброд и отщепенцы, изгнанные из своих родов. И по местечку этому, конечно, никак нельзя судить обо всём мире. А мир-то большой. Уж он-то может за это поручиться перед кем угодно. И населяют эти бескрайние просторы разные народы. Множество родов украшают его своей необычностью и своеобразием.

Взять хотя бы хуннов, в армии которых несколько лет удалось прослужить Окуну. Совсем иные взаимоотношения в их Иле. Но и их нельзя брать за образец. Инородец не сможет жить по их законам и установлениям, не удастся ему быть таким прямым и честным даже в мелочах. Но сами хунны к этому настолько привыкли, что не замечая и совершенно не страдая от этих волчьих стайных правил, живут по ним.

Для них и вопроса такого просто не стоит: нравится им это или нет. Скорее всего, они просто не подозревают о возможности иной, вольной жизни, привыкнув безропотно подчиняться правилам, раз и навсегда установленным в далекой древности старейшинами родов. Потому иного поведения и взаимоотношений между людьми не приемлют. Воспитание и традиции – великая сила, особенно, когда они веками не меняются и усваиваются следующими поколениями с молоком матери.

Хорошо это или нет? Для хуннов – нормально, а для постороннего?

Окун так далеко зашел в своих мыслях, что

позабыл и про сон, и про свои предчувствия. Он впитывал жгучий ветер пустыни всем своим телом, и ему легче всего сейчас было представить, что растворенный в пространстве, он одновременно веет в любой из сторон света: хочет – в Саратае промелькнет, захочет – к хуннам умчится, а если очень постарается, так взовьется и на самую Луну, только что выглянувшую между тучами.

Ночь промелькнула. Наступил новый день.

12. НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Окун, по обретенной в Кюёх Ары привычке, в очередной раз окинул взором просторы пустыни. Каждый раз делал он это без особой надежды что-нибудь увидеть. Но чем еще было заниматься-то в этом убежище? Погрузившись в привычное созерцание барханов, вдруг увидел фигуру одинокого путника. Кто бы это мог быть?! Станным было даже не само появление, а то, что он был пешим. Присмотревшись внимательнее, понял, что путник явно издалека пришел, слишком часто тот спотыкался и падал. Спустя некоторое время он снова вставал и упорно шел вперед. По всему видно, человек идет из последних сил. Видимо, его караван остался в песках, выбившись из сил, а он в поисках спасения ушел вперед один.

Окун бросился в пещеру, схватил валявшуюся в изголовье трубу и извлек из неё тот полужвериный звук, которым должен был известить брата о чрезвычайных обстоятельствах.

На тревожный клич к речке довольно быстро прибежал Окой, а узнав, в чем дело, отправился навстречу несчастному путнику.

Окун со скалы видел, как брат, встретив путника, первым делом напоил его, а затем, поговорив о чём-то, усадил его на гребень бархана, а сам поспешил куда-то дальше. Окой пропал недолго. Он взобрался на бархан, вынырнув, словно из воды. И оказалось, что не один. Он почти волоком втащил за собой второго. Видя всё это и жалея несчастных путников, Окун выбрался из своего убежища, с трудом сдерживая

себя – так хотелось ему быть рядом с братом в это время. Окуну было всё хорошо слышно, и он довольно быстро понял, что первый из забредших в Кюёх Ары – слепой паломник, а второй – его поводырь.

Поняв, что путники – люди безобидные, Окун покинул убежище, устремившись на помощь брату.

Напоив путников, помогли им ополоснуться, принеся воды, очистили от песка – ветер забил им носы, уши и рты. Если слепец, к удивлению братьев, со всеми делами управлялся самостоятельно, то его поводырь был не просто слаб, а едва жив, но постепенно вода и прохлада вернули его к жизни.

Тем временем Окун стал осторожно выспрашивать, кто они такие, откуда они, и кто их родители.

Слепой отвечал скупой, но Окун много знал про роды и народы ближайших государств, поэтому быстро разобрался, что тот из хуннского рода Ханглы. Выяснилось, что он – сирота, отец рано умер, мать чуть позже. Воспитал его дед, занимающийся коневодством.

– Оказывается, ты круглый сирота! – воскликнул жалостливо Окун, хотя совсем не верил слепому. Он сразу понял, что путник не за того себя выдает. Это по всему было видно: как он уверенно держится, как правильно и гладко говорит, даже по манере держать голову. Во всём угадывалась порода людей, которые в течение многих поколений «были на коне»...

И ещё... Облик слепого до боли был знаком Окуну, но мучительно припоминая, он так и не смог вспомнить, на кого же тот похож. Его сбивал с толку типичный хуннский облик: крупный нос с горбинкой, светлые волосы, голубые глаза.

– Хорошо быть скотоводом! – завистливо вздохнул Окун. – До чего же, наверное, вольготно жить в постоянном кочевье со скотом. Каждый раз на новые земли, новые красоты. Сам себе позавидуешь. А тут сидишь, словно пригвожденный, на одном месте – круглый год. И так – из года в год. Видишь и слышишь одно и то же.

– А вы, почтенный, по молодости, видно, немало поездили, много знаете. Я не ошибся?

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

– вдруг спросил слепец, каким-то неведомым образом понявший, что его собеседник не такой уж простой старик.

– Да... Бывало... Но, так себе... не очень... – чуть не поперхнулся от неожиданности Окун, потому и не смог сразу найти верный ответ. – Поездил... по торговым делам. Был помощником, погонщиком, закончил – старшим погонщиком. Уж я знаю верблюжьи нравы. А почему вы в такой дальний путь отправились без верблюда или коня? Пешком не только тяжело идти, смертельно опасно.

– Ну, так нам нельзя иначе, – усмехнулся слепец. – Верхом... была бы всего лишь прогулка. Паломничество по святым местам возможно только на своих двоих. В этом вся суть...

– Да-да... Понимаю. Я очень хорошо понимаю, – соврал Окун без задней мысли, просто, чтобы поддержать собеседника. Понимаяще качал головой, хотя вся эта затея с путешествием к каким-то непонятным святыням была для него полным бредом.

«Зачем это делать? Какая может быть от этого польза? Весьма сомнительная, должно быть. О таких богомольцах слышать-то он слышал, но воочию никогда не видел. Трудно было ему поверить, что совершив дальнюю, полную опасностей поездку, человек сможет чего-то добиться. Если такое случилось бы, то об этом ходили бы легенды. А легенд нет. Вот про богатство Саратая много рассказывают всякого. Во всяком деле такие рискованные усилия человека должны окупиться, если не немедленно, то, как можно, скорее. Потому что жизнь быстротечна – так устроен мир, что запоздалая помощь, благодарность, выгода теряют свою силу или даже смысл. А коли так, зачем всё это затевать?»

Окун тяжело вздохнул: «Такие шатуны по пустыням порождают не только будоражащие душу мысли, но и сожаление о прожитой жизни. А лично для него ничего хорошего это не сулит. Что теперь об этом думать – удалась жизнь или нет? Бесплезно терзать себя... Ну, признается он себе, что были редкие случаи, когда он побеждал, и что конец оказался печальным. Что это даст ему? Только боль в душе от такого итога:

вместо золотого трона Саратая обрел каменный «трон» Сартаса, а от пожирающей скуки на голых камнях рад общению со странным слепцом и лицемерию его полуживого поводыря.

Жизнь – печальная штука, стоит только начать рассматривать ее в подробностях. Всех её граней – не счесть. Каждый раз она так вывернется, что обнаруживаешь новую сторону, ранее неведомую».

Тем временем поводырь окончательно пришел в себя и сразу же стал дико озирается вокруг, видимо, не понимая, как он попал под тень цветущих деревьев. Наверное, действительно покажется не только удивительным, но и подумаешь о сказке – потеряв сознание посреди глгучей пустыни, очнуться в благоухающей зелени.

Он испуганно тарачил глаза на всю эту невидаль. Видно было, что страх и ужас от пережитого, от казавшейся неминуемой смерти крепко поселился в его измученном сердце. Присмотревшись, Окун понял – тот-то действительно сирота, запуганный, несчастный, трусливый.

13. СЛЕПОЙ И ЕГО ПОВОДЫРЬ

Как же сильно он был потрясен своим свержением, если встретив странных паломников, почему-то опять начал вспоминать о прожитой жизни, задавая мучительные вопросы: «В чем же её смысл? Зачем он жил?» Вот перед ним чьи-то дети. Они вполне могли быть его сыновьями. А он даже не обрел семьи. Так что же тогда он нажил? Неужели ради камней и золота жил? Ради скоропроходящей власти? Многие он повидал и испытал, но всё, как песок или вода, просочилось сквозь пальцы. Разве добро может так растворяться? Конечно, нет! Неужели совсем ничего доброго не сделал он за всю жизнь?

Видимо, так, если остались только сожаление и горечь. Перед ясным взором слепого паломника, сам не понимая, что делает, словно в непонятном наваждении, Окун вдруг взмолился:

– О... Если бы я мог пойти с вами, чтобы хоть на миг забыть беспутную, греховную жизнь и стереть боль воспоминаний о ней.

– Неужели у вас так много было греховного в прошлом? – тихо спросил слепец.

– Да, дорогой, в моем прошлом всякое было. Прежде, казалось, что много добрых дел творил, помогая людям. Но если это – добро, то почему они оказались столь неблагодарными? Но больше всего душа болит из-за совершённых некогда вроде бы самых незначительных прегрешений. Посмотрел я на вас и понял, что надо бы в конце жизни грехи свои отмолить. Говорят, Тэнгри Всемогущий может понять твое состояние и простить. Как ты думаешь?

– Тэнгри – добр и жалостлив, Он способен пожалеть любого кающегося. Но вот простит ли Он все прегрешения твои – не знаю. Наверное, грех греху – рознь, и вряд ли всё можно простить. Но это и от твоей молитвы зависит.

– А ты же еще совсем молодой... Какие у тебя грехи могут быть? Что такое совершить успел, чтобы из-за них в этот трудный путь отправиться? – спросил Окун.

– Грех – понятие сложное... Каждый из нас грешен. Если не личные грехи, то грехи ближних и дальних, родных и неродных лежат на нас... И я не исключение... – опять тихо и очень печально вздохнул слепец и продолжил: – Потому и пустился в путь ко святым местам, чтобы попытаться отмолить грехи и свои, и всего моего рода, а если получится – и всех хуннов. Натворили мы, хунны, много ужасного на белом свете, а сколько еще впереди наворотим, представить страшно.

– Ого-о! – Окун восхищенно присвистнул. – Надо же, с виду совсем ребенок, а на что замахнулся?! У хуннов-то грехов неисчислимо должно быть. И каких еще грехов... По сравнению с ними наши личные – почти безобидные.

Поводырь, какое-то время сидевший молча и бестолково озирающийся по сторонам, пришел в себя и внимательно слушал разговор слепого с Окунем. А в этот миг, откашлявшись, спросил хриплым голосом у Окуня:

– И что за грехи у вас, что про них до сих пор

забыть не можете, хотя прошло много лет? Интересно получается, с виду вы почтенный старец, а озабочены такой ерундой.

– Грехи?.. Как бы тебе объяснить, почему многовато их у меня поднакопилось, и я про них не забыл... Всю жизнь я занимался торговлей. А в ней без явного или скрытого обмана никак не обойтись... Приходилось без меры расхваливать не очень хорошие товары, сознательно скрывать недостатки, чтобы продать, а то и завышать цену без меры... Но это – мелочи.

Беседу прервал Окой, позвавший всех к столу. Путники последовали за ним, а Окун остался. Он не хотел есть, и единственный раз в жизни чувствовал себя «не в своей тарелке». В последний месяц он впервые заговорил с посторонними людьми. Люди эти оказались настолько необычны, что он переволновался. Возбуждение породило вопросы: «Кто же эти путники? Что за люди? Неужели, и правда, такими интересами можно жить?»

Размышляя, пытался постепенно понять суть потревоживших его паломников. Слепец явно из состоятельной семьи. Беднякам, еле сводящим концы с концами, не до паломничества с поводом.

Окун, мучительно вспоминая, вдруг угадал, на кого похож этот мальчик: конечно, на сегуна Турара! Это же его – сегуна – ухмылка в уголках губ, да и чертами, и ухватками – весь в деда. Уж он-то, Окун, хорошо запомнил этого выдающегося человека, в течение многих лет командующего хуннскими войсками! Значит, этот мальчик – его внук. А его отец, якобы погибший в бою совсем молодым, был знаменитый полководец и тоже сегун – Арслан. А еще, по слухам, у этого мальчика есть брат-двойник, про которого поговаривают, что талантливый будет полководец, сведущие люди прочат ему большое будущее.

– Вот так гости... – ошарашенно ловил воздух открытым ртом Окун.

Порадовавшись своей догадливости, он теперь понял, почему на него напало такое волнение: «Это Судьба дает мне, может быть, последний шанс для чего-то очень значительного... Для чего?»

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

В этом он пока не разобрался до конца. Надо продумать, как ему использовать этот счастливый случай. Но он знает точно – ни за что не выпустит из рук «золотую рыбку» удачи.

***

Поводырь все больше мрачнел – отвернувшись в сторону пустыни. Он сидел молча, уставившись, казалось, невидящими глазами на песчаные барханы, за которыми, и теперь он это знал точно, бушевали горячие вихри, чуть не убившие его.

– Нет! И еще раз – нет! – вдруг решительно заявил поводырь. – Я дальше не пойду... Никуда... Никуда не пойду!

– Как это не пойдешь?! – изумился слепец.

– А вот так! Просто не пойду и всё!

– А я? Я же должен идти дальше. Как я пойду без тебя?

– Это – твое дело, – упрямыствовал поводырь. – Когда меня нанимали, не предупреждали, насколько дорога эта тяжела и опасна. Я ведь чуть не умер. С того света еле вернулся. Но больше испытывать судьбу я не стану. Я не враг себе.

– Вполне возможно, что когда договаривались с тобой, не сказали обо всех предстоящих трудностях. Но тогда никто и знать не мог всю тяжесть выпавших на нашу долю испытаний.

– Всё равно, раз не оговорили, то и договор – не в силе, – вдруг сказал и заплакал поводырь. – Я ведь почти задохнулся от горячего песка. Я не хочу умирать... Я жить хочу... Жить... Будь существование мое хоть каким бедным, нищим, полуголодным, но оно всё равно – жизнь. Я хочу дышать свободно, полной грудью, а не захлебываться песчаным ветром, не высыхать под жгучим солнцем...

Вслушав, слепец печально вздохнул и отвернулся. При этом во всём его юном облике была некая величественность, выдававшая истинное его происхождение... И это еще раз отметил Окун.

«Удивительно... Ведь он – слепой, а чтобы подражать поведению, осанке, жестам деда,

надо было хоть раз увидеть его. Он же ничего не видит, – подумал Окун, вспоминая суровый облик сегуна Турара и его славного сына – отца этого слепца, повелевавших своей железной волей войсками. – Но каким-то образом все их повадки, даже многозначительное молчание, проявились в нём, вылезая наружу, как шило из мешка».

– Ну, ладно, давайте отдыхать. Утро вечера мудренее. Это не раз испытано, – сказал Окун и, обращаясь к поникшему поводырю, сказал: – А ты иди со мной. Нам есть о чем потолковать.

14. РАЗДУМЬЕ О ПРАВДЕ И ЛЖИ

Когда они поднялись на Сартас, солнце только начало садиться за горизонт.

Удивительная панорама открывалась отсюда во все стороны. На северо-востоке простиралась еще дышащая горячим жаром, но уже остывающая пустыня, на западе – зеленела густая растительность, за зеленым морем громоздились очертания отрогов Куньлуны. Внизу, прямо под ногами – радовал Кюёх Ары. Он был как на ладони, вызывая восторг благоухающими фруктовыми деревьями и буйной южной растительностью. Такую пестроту растительного мира не часто можно встретить в одном месте.

Окун развел костерок из сухих стеблей. А Хойгур сел на камень и опять безучастно уставился – теперь уже на разгорающийся огонь.

– Ничего... – постарался успокоить гостя Окун. – Во всяком деле главное – не впадать в отчаяние, не поддаваться панике. Всё утрясётся.

– Вы же не знаете ничего! У меня просто безвыходное положение! – вдруг очнулся поводырь. – Но всё равно, всё равно... Я твердо решил не идти дальше, потому что это – безумие, ведущее к верной гибели.

– И ты вернешься отсюда назад?

– Нет, конечно! – уверенно и продуманно ответил мальчик. – Назад у меня пути нет.

– Да, ханглы суровые люди...

– Так вы всё знаете? Откуда вы узнали, кто мы такие? – удивился поводырь.

– Мир тесен. По памяtnому мне облику сегуна Тура я узнал слепца. Ведь он – его внук, не правда ли?

– Да... Вы его признали верно, – поводирь, понимая, что случайно выдал не свою тайну, словно пытаюсь отменить сказанное, со страхом начал озираться, изменившись в лице. – Надо же... Как всё оказалось просто. Стоило с такими усилиями преодолевать безжизненную пустыню, чтобы встретить вас. Теперь вы понимаете безвыходность моего положения?

– Конечно... Поэтому скажу: зря ты отказываешься идти дальше, – сказал Окун и, подняв руку, остановил возражения Хойгура. – Да, я понимаю тебя, ты напуган. Но куда больше тебя должна страшить неотвратимость будущего наказания. В случае отказа и бегства возникает новая угроза, и притом на всю твою оставшуюся жизнь. Бросив слепого, тебе не удастся спрятаться. Грозный сегун всё равно поймает тебя, а это многократно страшнее простой смерти... Такого я даже злейшему врагу не пожелаю.

– О, горе мне!.. – возопил с еще большей силой поводирь в уже сгустившейся ночи, и было трудно понять, насколько он честен. – Что мне делать? Посоветуй, будь мне вместо отца родного.

– Нет, дорогой, для отца я староват, а вот учителем, советчиком мог бы стать...

– Хорошо, я бы с великой радостью согласился. У меня даже отца не было, не то что – учителя или советчика.

– Как же ты родился без отца? – усмехнулся Окун. – Человека без отца не бывает. Наверное, отец твой предпочел остаться неизвестным.

– Ну, может быть и так... Его даже мать точно не помнит, с какого он каравана был. Сирота я, самый-самый разнесчастный.

– Я тебя понимаю... – пожалев мальчика, вздохнул Окун, пытаюсь при этом показать, что и ему вовсе не сладко живётся. Умел хитрец в нужное время сгустить краски. – У тебя хоть мать есть. А я круглый сирота. Я – один-одинёшенек. Во всём белом свете нету любящего меня человека.

– В хуннской орде у меня мать осталась залож-

ницей. Бедная, ждет меня, плачет, наверное, каждый день, а я... – поводирь залился искренними слезами. – А я... Что же мне делать, как мне быть?

– По сравнению со мной ты богатый человек. Если бы у меня была мать, как бы я осчастливил ее, – продолжая врать, Окун неожиданно почувствовал, что говорит о матери искренне, от души.

– Я тоже очень хотел бы хоть чем-нибудь порадовать мать. Но – нечем. От меня одни огорчения.

– А ты порадуешь ее! Это же великое дело – осчастливить свою родную мать, – опять принялся привирать Окун, хорошо помня, что уйдя из дома, он и думать о своей забыл. – Я бывал безмерно счастлив, когда ей говорили обо мне хорошее. Я смотрю, ты – неплохой малый. Был бы у тебя хороший учитель, всё у тебя получилось бы в жизни. Я уверен!

– А вы, почтенный, не могли бы стать моим учителем? Я обещаю во всем слушаться вас! И только – вас! – попавший в безвыходное положение мальчик явно подлизывался, потому что искал опоры. Будущее его было темно, настоящее – страшило. С его характером в таком трудном положении за любую соломинку ухватишься.

– Хорошо... Но пойми, быть учеником значит очень и очень многое. Во-первых, потому что за этим стоит преобразование человека. Ты, если стараешься, станешь иным человеком, поэтому необходимо дать клятву, – сказал Окун и, ради торжественного случая, сделал подношение огню, который зашипел и радостно вспыхнул от жира.

– Клянусь! – с легкостью ответил поводирь, вскочив в возбуждении. – Клянусь во всём подчиняться Вам. Только Вам, мой Учитель!

– Вот и хорошо! – Окун был очень доволен, хотя в глубине души старый пройдоха догадывался об истинной цене этой клятвы, которая на самом деле ничего не стоила. Но ему было всё равно. Клятва верности, даже заведомо ложная, была приятна. Снова заработало в нём главное правило всей его жизни: «в этот миг – хорошо, а дальше не нужно заглядывать, проживем – посмотрим».

– Я вас слушаю, учитель... – поводирь принял

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

много раз виденную им позу денщиков перед оглашением приказа: выпрямил спину, руки по швам, пятки вместе...

– Так вот, дорогой мой ученик! – торжественно начал Окун, чрезвычайно довольный прежде всего самим собой: ведь ему с такой легкостью удалось вдруг обрести, может, и ненадолго, настоящего ученика, который, конечно же, особого доверия не вызывал, скорее, наоборот: маленькие, беспокойные, бегающие глазки выдавали его лживую натуру. Возможно, он большой притворщик. Но что делать? Окун и сам был таким. Всю жизнь был... И остался?.. Это большой вопрос. Ибо никто, в том числе и Окун, никогда не признается себе, что он такой. Любой наипоследнейший лжец рядится праведником. Не человек виноват в этом, а жестокая действительность, подлые обстоятельства или исключительные обстоятельства, заставляющие человека изворачиваться, врать, предавать. Что ему делать, когда выбора нет? Поступи иначе, и он – мертвец... Окун дожил до этих лет только благодаря изворотливости и умению вовремя соврать... Это самая горькая правда его жизни.

Тут Окун про себя усмехнулся, вспомнив давным-давно услышанное утверждение: «На правде далеко не уедешь». А это, как ни странно, на самом деле так. А на вранье – можно. Но врать надо уметь. Это похоже на умение обращаться с оружием. При неумении оно может обратиться против тебя самого.

Окун дернул головой, словно отряхиваясь от неприличных и бесполезных сейчас мыслей.

– Я сразу должен заметить, что ты мне чрезвычайно понравился. Ты мужественен и правдив, – уверенно заявил Окун и пристально посмотрел на мальчика, для которого эти слова были полной неожиданностью. Поводырь как-то нехорошо ухмыльнулся, посмотрев на своего учителя снисходительно: мол, несешь ахинею, старый, но ничего, продолжай.

– Давеча, когда ты прямо и честно отказался идти дальше со своим хозяином, я понял, что на подобный мужественный поступок не всякий способен. Тяжело в жизни быть правдивым, я знаю! Подобное поведение дорогого стоит!

Пусть даже до этого ты иногда кривил душой или врал, и это единственный случай проявления тобой мужественности и высокой нравственности, всё равно оно является украшением всей жизни.

– Да?.. – поводырь на этот раз был восхищен словами своего нового учителя, потому что впервые о нем лично, о его поступке говорили с таким проникновенным восторгом. И если сначала он принял слова Окуна снисходительно, ибо не поверил, то теперь, когда учитель обосновал свои похвальные речи, он был вне себя от радости. Впервые гордился собой. Это незнакомое чувство было для него полной неожиданностью.

– Значит, отныне я твой учитель, а ты – мой ученик. Не так ли?

– Истинно так! – высокопарно воскликнул пришедший в восторженное состояние поводырь. Это было одно из тех выражений, которые он некогда подслушал в орде у хуннов.

– Если так, то в наших с тобой отношениях не должно быть недомолвок, любое непонятное слово ты должен уточнить. Это первое. Второе – доверие. Я буду говорить тебе некоторые сокровенные вещи, про которые не должен знать посторонний. Потому что именно от чужаков может исходить опасность для нас обоих. А ты... умеешь хранить тайну? – глядя в упор, неожиданно спросил Окун.

– Умею... – навскидку соврал мальчик, ответив таким же прямым взглядом...

Окун понял сразу: малец соврал. Было ясно, что этому птенцу, скорее всего, никто еще никакой тайны не доверял, он и не знает, что это такое – хранить тайну.

Я умею хранить тайну! Доверяя тайну мне, вы доверяете ее камню, который никогда никому не выдаст, – сорвалось с языка поводыря, да так красиво он это завернул, что услышав собственные слова, сам удивился, потому что раньше всегда поступал с точностью до наоборот. Но спроси его, почему он так сказал, он бы уверенно произнес: «Может, в будущем будет так...»

Это очень ценное качество! – многозначительно улыбнулся «учитель», видимо, догадываясь о чем-то, поэтому довольно туманно продол-

жил: – Хорошо иметь, но еще лучше сохранить в целостности...

Окун молча посмотрел на поводыря, а тот под этим пристальным, пронизывающим взором как бы стал меньше. Отвернувшись, поняв всё, подложил в огонь бамбуковых веток и, не спеша повернувшись к мальчику, с серьезнейшим видом объявил:

– Я открываю тебе свою страшную тайну, приглашение которой может стоить мне жизни.

– Я клянусь перед этим священным огнем, что никогда, никому не поведаю о тайне, которую вы доверите мне, – тихо сказал поводырь и покорно потупил взор.

В этот миг наступила странная тишина, словно вся окружающая природа замерла в ожидании неведомого... А может, она была просто изнывающей от любопытства «женщиной». Словно для большей таинственности померк и ясный лунный свет – от небольшого облачка, заслонившего ее лучезарный лик. Настала напряженная тишина.

Где-то далеко-далеко в горах раздался протяжный волчий вой: «О-о... У-у-у!..»

– Что? Кто это? – от неожиданности испуганно спросил поводырь.

– Это волки...

– О, ужас! Разве здесь есть волки?

– Не только волки, но и другие хищники.

– А почему они воют?

– Кто их знает. Обычно так бывает в полнолуние. В это время в небесах, видимо, тоже что-то происходит, и волки приходят в возбуждение.

Луна, словно из-за занавески, выпрыгнула вся целиком, и вокруг стало светло, почти как днем.

– Дорогой мой мальчик, – торжественно начал Окун, как будто заранее ожидая именно этого мгновения, – в эту лунную ночь я открою тебе свой секрет. Потому что ты мне чем-то очень близок. Чем – не знаю... Так, слушай! Я был правителем Саратая... – негромко произнёс Окун и умолк.

Тишина нарушалась лишь треском дров в костре. Даже волки в предгорьях умолкли.

– Вы? Правителем?! Саратая, знаменитого своим богатством? – наконец, прошептал по-

раженный услышанным поводырь. – Не может того быть!

– Я правил Саратаем почти два года. Но меня свергли. Эту печальную поучительную историю я тебе когда-нибудь расскажу. И ныне я вынужден скрываться здесь.

– За что же вас свергли? И почему вам приходится скрываться здесь? – из поводыря сыпались вопросы, как из рога изобилия.

– Я сказал народу правду, которую нельзя было произносить вслух даже правителю. А скрываюсь потому, что многие нечистые на руку людишки, которых я возвел в вельможи, подозревают, что я унес с собой списки, в которых отражены их грязные дела.

– Ну, хорошо... – вдруг взволнованно заговорил поводырь. – Ну, я ваш ученик, вы мой учитель. Но почему же вы, совершенно не зная меня, первому встречному решили доверить сокровенную тайну?..

– Конечно, я рискую. Но это не безрассудство, а привычка, черта характера... Поймать за хвост проносающую мимо возможность... Это опасно, но у меня великолепное чутьё. Благодаря ему я всегда был удачлив. Подумай сам: я – голый сирота – сумел не только разбогатеть и войти в доверие к сильным мира сего, но и правил страной. Другие же, такие, как я, а может, намного лучше меня, из-за своей нерешительности не рискнули вовремя и упустили свою удачу...

– Но почему вы доверили свою тайну именно мне?

– А ты мне сразу понравился. И знаешь, почему? Ты чем-то похож на меня в юности. Всеми своими недостатками и дремлющими в тебе достоинствами, существование которых в себе ты даже не подозреваешь. Понимаешь?

– Искренне признаюсь, не понимаю, – печально промолвил мальчик. – Честно говоря, никаких достоинств я в себе никогда не ощущал. Я полон лишь недостатками, которые выпирают из меня во все стороны, словно множество шил из мешка.

– Вот такой – беспощадно честный к самому себе и перед учителем своим – ты мне нравишься. Это уже немало! Если ты будешь послушным,

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

добросовестным учеником, слушаясь меня во всем, я из тебя мог бы сделать...

– Кого?

– Правителя Саратая!.. И никак не меньше!

– Как? Я не ослышался? Вы или испытываете меня, или шутите, издеваясь над несчастным сиротой?

– Нет, – твердо отрезал Окун. – Подтверждением моих слов является тайна о саратайском троне, которую я только что тебе доверил. Эта тайна стоит моей головы! Скажи, зачем мне было так рисковать собой? Ради чего?

– Так-то оно так. Но я никогда не поверю в это. И вообще, как можно поверить в такие безумные, безрассудные мечтания.

– Это только похоже на мечтания. Я знаю, что говорю. Иначе как бы я дожил до этих лет? За моими словами – очень точный расчет. – Окун встал и возбужденно заходил по «площади». – Я не просто так выбрал тебя. Я настолько поверил в твои возможности и способности, что решил открыться только перед тобой... Ты сможешь! Ты, возможно, послан Всевышним Тэнгри для спасения несчастного Саратая!.. Поверь моему опыту и слову бывшего правителя, у меня глаз намётанный. Ну, как – по рукам?

– Не могу я в это поверить. Еще вчера – поводырь, умирающий от жажды в пустыне. А сегодня... Не может человек в единый миг так преобразиться и с самого дна общества, из самого низшего сословия возвыситься до звания Правителя...

– Ха-ха... – рассмеялся Окун в ответ. – По сравнению со мной, дорогой мой, ты полноправный человек и... господин. Мало того, что у тебя есть мать, и ты знаешь свои родовые корни, ты – доверенный человек одной из самых могущественных семей грозного народа хуннов. Ты поводырь Великого человека.

– Уже не поводырь... Я же отказался. Вы сами недавно слышали это и даже одобрили мой поступок за смелость и честность.

– А это ты брось! Не смей больше даже в мыслях допускать такое, – вдруг низким, скрипучим голосом повелителя прорычал с угрозой Окун. – Самым презренным во всяком обществе явля-

ется человек, на которого нельзя положиться в трудные времена, который может предать благодетеля, убежать от опасности или покинуть поле боя, отказавшись от данной им клятвы. Ты понял меня?!. Но ты же не таков! Ты никогда не предашь меня, как сделали это другие. Если нас с тобой окружит враг, ты не оставишь меня одного и, если потребуется, вместе со мной погибнешь?

– Так, дорогой мой учитель. Я никогда... – вдруг до дрожи в коленях испугался поводырь. – Я по... по-нял. Не допущу впредь даже мысли такой. Лучше смерть!

– Хорошо, что ты всё схватываешь на лету. Совсем будет хорошо, если не врешь. А если даже немного покривил душой, всё равно не страшно – ты на правильном пути. Завтра же проси прощения у своего господина. Скажи ему, что всё случилось со страху, по болезненной слабости. В твоём положении и не такие, как ты, могли спасовать. Страх... Весь мир держится на страхе.

– Да, почтенный, ваши слова так проникновенны... Я слишком испугался, когда почувствовал, что задыхаюсь, а меня – еще живого – заметает у подножия бархана, и в уши, нос, глаза забивается песок. Тогда я понял, что совершил ошибку, согласившись идти поводырем... Я же... почти умер.

– Я знаю, сам не раз умирал.

– Оказалось, очень страшно умирать. А так хотелось жить.

– Умирать, дорогой, может быть, и страшно. Но куда страшнее – никчемная, недостойная жизнь, – медленно произнес Окун, при этом внимательно следя за выражением лица мальчика.

– Я понимаю вас, почтенный, – робко произнес поводырь, потупив взор. – Знаю очень хорошо это состояние, ибо сам постоянно пребываю в таком унижительном положении.

– Вижу, дорогой, – Окун хлопнул мальчика по щуплому плечу. – Даже больше этого скажу: вижу, как ты мечтаешь о достойной жизни. А что для тебя означает «достойная жизнь»? Для кого-то это – отара овец или табун лошадей. Ну, хорошо, каким-то образом ты обрел их – заработал,

украл, выиграл или еще как. Но обрушится непогода или разбойники ограбят, и ты снова будешь ни с чем... Это печально и очень ненадежно – лелеять такие зыбкие мечты и уповать на столь скоропроходящие блага.

– Так... – кивнул мальчик, еще не понимая, куда ведет «учитель» свою мысль.

– Человек должен поставить перед собой разумную, выполнимую цель, соответствующую его способностям и возможностям. Нельзя и недооценить, и переоценить свои силы. Это в равной мере опасно.

– А почему же?

– Потому что, если переоценишь – погибнешь, гордый – гибнет от гордыни. А недооценишь себя – упустишь удачу и всю жизнь будешь кусать локти, исходить желчью... Это еще хуже, болезненнее.

– Но ведь не каждый может вовремя определить выгоды от мига удачи. Тем более, если не знает своих возможностей, не понимает – на что они ему даны и насколько этих сил ему хватит... – сказал мальчик.

– Молодец! Ты умен и сметлив! Я рад, что сразу увидел все твои достоинства и недостатки. Я не ошибся. Ты точно заметил, что не каждый сам может определить свои возможности... Для этого и нужен сторонний непредвзятый взгляд опытного человека, каким в данном случае являюсь я. Главное, положишься на меня, полностью доверься мне. Хорошо?

– Да, учитель, полностью полагаюсь на вас. Я, конечно, мало пожил, но успел натерпеться на большую жизнь. Даже привыкать начал к постоянному страданию, – печально произнес мальчик, украдкой смахивая наворачивающиеся слезы. – Как себя помню, все меня не только ругали, поправляли, оскорбляли, но и не упускали возможности поиздеваться и побить. Но никто и никогда не замечал во мне хоть какие-то достоинства. Вы первый человек в моей жизни, так высоко оценивший меня. Поэтому я никак не могу поверить вашим словам, при всем уважении. Так и продолжаю себе твердить: не может быть! По крайней мере, мне трудно принять ваши слова о моем будущем правлении Саратаем.

– Опять говоришь разумные вещи. Действительно, из такого положения, в котором находились мы с тобой, трудно вообразить мое возвышение, – с воодушевлением заговорил Окун. – Но тебе многократно легче, чем было мне. Ты являешься приближенным и доверенным лицом великой семьи. У тебя есть учитель – я, твой советчик, который был Правителем Саратая. Согласись, ведь так?

– Да, теперь я вижу, что так... Но у меня всё-таки не умещается в голове... Настолько я был затюкан. И вдруг...

– Еще бы! Ты очень разумен! Конечно, в одночасье вместить в себя такое трудно. Главное, ты понял, что сказанное мной не лишено оснований. Доведешь своего хозяина до святых мест, и потихоньку сам молись там за наше общее дело, проси помощи, убеди Всевышнего в чистоте своих помыслов. И когда вернетесь обратно, всё уложится в твоей голове и образуется в жизни. Ты должен будешь вернуться полный решимости добиться намеченной цели. А я тем временем здесь всё продумаю, отыщу самый прямой путь к трону. Изучу существующую сейчас обстановку, найду слабые места.

– Честно признаюсь, что совсем не представляю, как и почему народ Саратая поверит нам и пойдет ради меня крушить власть.

– Ты тут ни при чем. Главный человек здесь я – поверженный ворами и проходимцами бывший правитель, по которому соскучился народ. А ты – мой человек. Поэтому – доверившиеся мне, поверят и в тебя.

15. НАПУТСТВИЕ

Окун был чрезвычайно возбужден, он нарезал круги вокруг сидящего у костра мальчика.

– Ну, тогда еще один вопрос, – обратился к нему поводырь. – Только не знаю, насколько он уместен.

– Не робей, отныне у нас с тобой должно быть полное доверие.

– Тогда почему я-то нужен? Почему бы вам самому сразу не вернуться к трону?

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

– Молодец! Я рад, что ты спросил прямо о такой щепетильной стороне дела. Мне вернуться на трон было бы намного проще. Ты прав, – усмехнулся Окун. – Но усидеть долго будет невозможно.

– Тогда и меня свергнут.

– А вот и нет. Ты для них человек новый, незнакомый, ни с кем из них не враждовавший. В первый год все попытаются повлиять на тебя, влезть в доверие. Но и ты времени зря терять не будешь. За тобой буду стоять я, знающий всю их подноготную. Так что мы обеспечим себе долгое правление. На этот раз мы не прогадаем...

– Почтенный, что от меня требуется?

– Решимость! Убежденность в своей правоте. Это – главное для правителя. Например, видя черный камень, ты должен убедительно утверждать, что на самом деле этот камень – белый... Уточняя: изнутри, но затем из-за обстоятельств он почернел. Но сказать надо очень уверенно, чтобы заставить поверить сначала свое окружение, а затем и всех своих подданных. Главное, ты должен понять одно – очень трудно убедить одного человека даже в очевидных вещах, а целый народ – многократно легче, как ни странно... Между нами говоря, целый народ – «единый дурак», его можно убедить даже в совершенно немислимых вещах.

– Неужели?

– Да, дорогой, это мой первый урок тебе!.. И как только крепко усвоишь этот урок, ты далеко пойдешь.

– Учитель, меня ожидает долгий путь. У меня будет предостаточно времени вникнуть в суть всех наших разговоров.

– Это хорошо, – сказал довольный собой Окун и широкой ладонью провел по своей лысине.

Давно наступила ночь. Напитанный влагой прохладный воздух, поднимающийся с реки, был приятен. Внизу мерно шумели кроны зеленых деревьев, где изредка чирикали ночные птицы. На небе таинственно мерцали звезды. «Что-то будет...» – шептали они заговорщикам, а потом отражались от вод реки и оседали песчинками в барханах.

Утром, чуть раньше условленного времени,

Окун с мальчиком спустились со скалы. Слепец уже был готов в дорогу. Поводырь, как подобает виноватому, не поднимая головы, робко подошел к своему господину и опустился перед ним на колени.

– Мой повелитель, я прошу вас простить мне вчерашнюю дерзость, вызванную смертельным страхом, который сковал мою волю... Для меня долг превыше всего. Данное слово – непоколебимо. Еще раз простите меня, неразумного, неблагодарного, ничтожного.

– Конечно, друг мой, – без удивления, но печально произнес слепец. – Только прошу тебя, встань с колен. Я же не судья, не представитель власти, чтобы у меня вымаливать прощение. Главное, чтобы Тэнгри Всемогущий тебя простил.

– Всё равно – простите меня... Иначе я не вынесу этот позор, – тут поводырь заплакал и заплакал. – Я клянусь: больше подобное никогда не повторится. Только простите меня...

– Ладно-ладно... Но встань же с колен. Не люблю я этого, – сказал слепец и отвернулся, словно он его прекрасно видел.

Совсем скоро путники окончательно были готовы, и Окун сказал им напутственные слова:

– Вы прошли к святым местам половину пути, и самый опасный участок – Саракумы – позади. Но впереди у вас самые тяжелые деньки – переход через горы. Будьте осторожны и терпеливы. Всевышний, именем которого вы встали на этот путь, пусть откроет закрытые перевалы, выпрямит запутанные тропы, пусть отнесется к вам благосклонно... Аминь!

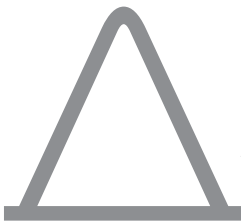
Два брата, совсем не похожие друг на друга – один высокий, светловолосый, худой, а другой маленький, чернявый, с согбенной спиной, стояли и смотрели вслед уходящим.

Отойдя на приличное расстояние, поводырь обернулся назад и помахал рукой. Окун ответил ему тем же. Теперь им оставалось только терпеть, ждать, надеяться и верить. Как это просто звучит, но как трудно исполнимо.

Анатолий БУРЦЕВ,
доктор филологических наук,
профессор

Романы В. ЯКОВЛЕВА-ДАЛАНА КАК СИНТЕЗ НАУКИ И ИСКУССТВА СЛОВА

алан относится к числу не просто самых самобытных, но и концептуальных, конструктивных якутских писателей. Он одним из первых в национальной литературе заговорил о сущностных, основополагающих характеристиках бытия. В его произведениях на конкретном национально-временном материале рассматриваются коренные начала мира, ставятся вечные экзистенциальные проблемы войны и мира, жизни и смерти, добра и зла, свободы и необходимости, преемственности поколений.

Определенная философская проблематика, в частности, философия истории, прослеживается в его многоплановых исторических романах «Глухой Вилюй» (1983) и «Тыгын Дархан» (1993). В них отразился его интерес к ранней

истории народов Якутии, в первую очередь к проблеме генезиса народа саха и формирования его традиционной культуры.

Василий Семенович Яковлев – Далан (1928–1996), историк по образованию, художник-мыслитель по дарованию, создал в своих произведениях о далеком прошлом своеобразный синтез исторической науки и искусства слова. В романе «Глухой Вилюй» писатель в художественном плане достоверно и убедительно изобразил атмосферу 16-го – начала 17-го веков, то есть эпохи формирования народонаселения Якутии. На основе глубокого изучения и осмысления фольклорных, исторических и этнографических материалов он воссоздал сложные исторические судьбы туматов, тонг биисов, саха-уранхаев и других племен, населявших тогда территорию Якутии. Тем самым он подтвердил современную концепцию о том, что Якутия изначально складывалась как страна диалогов, контактов и симбиозов культур, языков, народов.

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. РОМАНЫ В. ЯКОВЛЕВА-ДАЛАНА КАК СИНТЕЗ НАУКИ И ИСКУССТВА СЛОВА.

Василий Семёнович с супругой Яной Викторовной.

В романе «Тыгын Дархан» действие переносится в Центральную Якутию. На этот раз в поле зрения автора оказалась эпоха известной исторической личности Тыгына Дархана, одного из самых знаменитых потомков легендарного Элэя. Он жил в конце 16-го – первой половине 17-го веков, то есть в период завершения этногенеза и формирования традиционной культуры народа саха на Средней Лене. Тыгыну удалось ценой огромных усилий стать повелителем большинства якутских родов, хозяином благодатной долины Туймаада, превратившейся в средоточие политической и культурной жизни только что сформировавшейся якутской народности. А.П.Окладников не только назвал Тыгына «якутским царем», но и обратил внимание на то обстоятельство, что еще при жизни эта фигура «мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника самого Улуу тойона» в глазах сородичей «сливалась с величественными образами эпических богатырей и божеств» [1].

С точки зрения идейного содержания и сюжетно-композиционной структуры романы Далана представляют собой единую историко-художественную диалогию. Согласно авторской концепции, грозные и трагические события и эпизоды прошлого имеют прямое отношение к современной эпохе. Романы Далана проникнуты философской идеей, носящей вневременной характер и в якутской литературе выраженной А. Кулаковским: «проклятие, как эхом, отзывается кровью, благословение, как эхом, отзывается любовью».

Носителями идеи «вражды, убийства и кровопролития» выступают туматы, которые названы в «Глухом Вилюе» «кровожадным племенем, славящимся своей жестокостью» [2]. Сведения о них сохранились в письменных источниках: «Сборнике летописей» персидского историка Рашид-ад-Дина, «Алтан тобчи» («Золотом сказании») ученого ламы Лубсана Данзана. В «Сокровенном сказании монголов» упоминаются хори-туматы, оказавшие сопротивление самому Чингисхану и восставшие в 1217 году против монголов.

Большинство специалистов считает туматов воинственным племенем, обитавшим первоначально на территории современной Бурятии и Иркутской области. Когда походы монголов привели к своего рода «великому переселению народов» на юге Сибири, туматские роды продвинулись на запад до Горного Алтая и Тувы, а также на север вплоть до бассейна Вилюя. Можно, таким образом, предположить, что туматы обитали на Вилюе до прихода туда саха-уранхаев и постепенно растворились среди местного населения.

В романе «Глухой Вилюй» судьба туматов описана следующим образом: «Откуда пришли туматы – неведомо. Верно, в незапамятные времена покинули они родные края, никто из них не знал, от кого они происходят, в каких местах берет истоки их кровь. Тревожный век, усадив на холку беспокойного и ненадежного коня, что зовется роком, гнал их по земле, не давая опомниться и задуматься над тем, куда мчит их время...» [2, с. 6–7]. В том же романе со

ссылкой на С. Боло о туматах сказано следующее: «И потомки их, ставшие ветром, исчезли из наших краев, и даже духа их не осталось...» [2, с. 236].

Однако и среди туматов были сторонники мирной созидательной жизни. Хранитель старинных обычаев, почтенный старец Арчикаан дает прощальный завет соплеменникам: «Убийства к добру не приводят... Живите в мире с другими племенами... Чем держать в руках копыя и пальмы, лучше взять за рога верхового оленя» [2, с. 329]. В стане тонг биисов тоже оказались противники войны и насилия. Это, прежде всего, сын воинственного Магана Мэкчэ Ерегечей, убитый туматами в расцвете сил, и его сестра Нюрбачаан. Среди саха-уранхаев олицетворением добра и мудрости выступает белый шаман Люксюрээни. Всех их объединяет мужество, самоотверженность и любовь к жизни.

На этом фоне наиболее сложной и противоречивой выглядит фигура Тыгына. В романе «Глухой Вилюй» он снабжен однозначно негативной характеристикой. Бежавшие от его преследований якуты в один голос твердят о его жадности и мстительности. «Такого алчного двуногого, как Тыгын, нет больше на свете», – говорит Тюмэрэй Беге. В подтверждение ему шаман Люксюрээни напоминает, что он разобрал по суставам своего убитого по ошибке коня и потребовал за каждую его косточку по лошади. А когда Дагдагар Баатыр выражает уверенность, что теперь Тыгын их не настигнет, его резко обрывает шаман Миикээн: «Друг мой, или ты забыл: нельзя дышать на морозе и болтать на ветру... Такого мстительного человека, как Тыгын, еще не рождала якутская кровь!» [2, с. 83–84]. И действительно, той же осенью властитель Туймаады совершил набег на берега Вилюя, ограбил якута Баджайы, не пожалел старых Мохсохо и Хаттыану, попутно увез с собой маленькую Нюрбачаан.

В романе «Тыгын Дархан» происходит определенная трансформация образа, и если в «Глухом Вилюе» он был изображен как человек действия, то теперь превращается в гармоничного героя, который раскрывается не только посред-

ством его поступков, но и через внутренний поток мыслей и чувств. Основным средством создания характера становится внутренний монолог [3]. «Сила мысли, не ведающая преград», уносила Тыгына «и в глубь морей, и в даль степей, и за уступы скалистых гор. Оторвавшись от путей-дорог Срединного мира, он облетал ярусы высокого Белого Неба и доныривал до дна самой преисподней» [4].

Выполняя завет своего отца, родоначальника и старейшины Хангаласского рода Мунньана Дархана, Тыгын пытается объединить всех саха-уранхаев. Чтобы убедить в своей правоте старшую дочь Тесани, он напоминает восходящую к «Сокровенному сказанию монголов» легенду об испытании связками прутьев. Но его проблема состояла в том, что для осуществления этой благородной цели, своего рода «национальной идеи», он использовал насильственные методы. Впрочем, это типовая ситуация извечного разрыва между идеалом и действительностью, восходящая в мировой литературе к роману Сервантеса «Дон Кихот», а в национальной традиции – к легенде о Кудангсе Великом.

Идейным наставником Тыгына является шаман Одуу, который подобно своему inferнальному собрату из поэмы А.Кулаковского «превратившись в грозного царственного Орла», взмывает в небо и «обозревает с высоты всю землю» [4, с. 87]. Он внушает повелителю Туймаады мысль о том, что «великий Мир можно установить лишь силой, принесением больших жертв» [4, с. 158]. И Тыгын после «нелегких дум», исходя из «опыта, вынесенного из сорока четырех рискованных походов», соглашается с ним: «Мир без Войны немыслим. Мир и Война столь же неразлучны, как день и ночь, как лето и зима... Так что Мир возникает из Войны. В этом выводе – конечный узел многолетних размышлений Тыгына Дархана» [4, с. 150].

Однако в конце концов Тыгын осознает, что ему не удалось «построить Улуу Ил», и он подводит безрадостный итог своей жизни: «...я потерпел крах. Мой народ не послушался меня». Чтобы усилить художественный эффект этого самодиагноза, автор вводит символический

образ: «В голову Тыгыну пришел увиденный в Борогоне огромный, расколотый надвое тухлявый листвень. Таков ныне он сам: с ущербленной больной душой и опустевшим сердцем» [4, с. 410–411]. Финальные размышления Тыгына сродни трагическим раздумьям героя рассказа П. Ойунского «Александр Македонский», который сравнивает свою славу, добытую огнем и мечом, с «каплей воды, упавшей в песок».

Этот символический финал романа Далана весьма напоминает заключительную часть поэмы А. Кулаковского. Шаман Одуну, подобно своему собрату из «Сновидения шамана», окидывает внутренним оком «необозримую ширь будущих времен» и тоже создает мрачную футурологическую картину грядущего: «В госпоже Туймааде не осталось ни птиц пернатых, ни тварей бегающих, ни рыб с серебряной чешуей... Над горой Чочур-Мыран, изрыгая огонь и дым, с ревом проносятся железные птицы. По гладкой равнине Туймаады рыскают железные звери со стальными внутренностями. Взбаламучивая воды Великой Кормилицы, плывут железные суда...» [4, с. 428–429]. Но, как и в поэме А. Кулаковского, священный «туёрэх» предрекает в будущем успех и благополучие. Одуну ободряет больного, павшего духом Тыгына и благословляет его на продолжение борьбы за объединение народа саха.

Трагедия Тыгына усугубляется тем обстоятельством, что он не находит поддержку со стороны собственных детей и братьев, хотя, согласно завету Мунняна Дархана, «связь поколений не должна прерываться, дети обязаны продолжить путь отцов» [4, с. 149]. Более того, люди считают, что ответственность за гибель старшего сына Керемеса лежит на нем самом. Вообще конфликт «отцов и детей» характерен не только для клана Тыгына Дархана. Постепенно испытывает разочарование в идее кровной мести, внушенной дедом Бакамдой, молодой предводитель туматов Даганча, которому были чужды повадки и нравы соплеменников. Принципиальным противником жизненной философии отца, великого хосууна тонг биисов Магана Мэкчэ, исповедовавшего «убийства, сражения,

ссоры и грабежи», является его сын Ерегечей, считавший, что «лучше жить в мире, чем истреблять друг друга».

В связи с образом Тыгына Дархана писатель затрагивает вопрос о роли и статусе личности в истории. Судя по положению, которое занимают в повествовании Даганча, Туога Баатыр, Нюрбачаан, Люксюрээни, Одуну и некоторые другие персонажи, Далан склонен подчеркнуть значение вождя, предводителя, а также Матери и шамана, для судеб рода и племени. Но при этом автор обращает внимание на личностные качества героя и учитывает результаты его деятельности, что особенно наглядно проявляется в оценке роли Тыгына. Впрочем, он сам осознает, что для создания Улуу Ил – Великого Мира – «одному человеку недостаточно ни сил, ни срока, отпущенного на жизнь» [4, с. 411]. Тем не менее роман «Тыгын Дархан» содержит глубокую идею, обращенную к современности: негативный опыт героя не отменяет необходимости «общего дела» и национальной идеи как необходимых условий консолидации и объединения народа.

С вопросом о роли личности в истории тесно связана философская проблема свободы и необходимости. Тыгын Дархан, подобно герою романа Н. Лугинова «По велению Чингисхана», несмотря на свою огромную власть, по существу не свободен, так как вынужден действовать по воле обстоятельств, то есть по необходимости. Зато обретает свободу бежавший от Тыгына на Вилуйскую землю со своими людьми Туога Баатыр: «Теперь он понял: свобода – вот что самое дорогое в среднем Материнском мире! Потеряв ее, потеряешь все – родину, имущество, скот и пищу! Вот почему бежали они от Тыгына, спасая свою свободу...» [4, с. 208]. Всю жизнь прожили «вольными, никому не подвластными людьми» на лоне естественной природы Хаттыана и Мохсохо, уверенные в том, что «нет ничего в этом мире дороже свободы» [4, с. 260–261]. «Непримиримым противником» своего отца, всемогущего Тыгына Дархана, считавшего, что «толпа любит твердую руку», был его сын Керемес, который, наоборот, утверждал: «Человек должен жить сво-

бодно, как вольная птица» [4, с. 374–375]. Юный Батас, познавший чувство любви, тоже мечтает жить «вольно и легко, как весенний жаворонок» [4, с. 185]. Свободный нравственный выбор делает шаман Люксюрээни, добровольно решивший выступить в качестве посла доброй воли. Но коварные туматы не пожелали принять предложение о мире и жестоко расправились с ним. Все эти герои осознанно стремились к свободе, без этого не мыслили само свое существование.

Совершенно другой характер носила свобода для туматов, она не была для них осознанной необходимостью. «Первобытная свобода была основным законом их жизни, иных правил и запретов они не знали. Людям, для которых смерть не была в диковинку, не ведавшим ни прошлого, ни будущего, постепенно становились чужды такие понятия, как отцовский или материнский род, родство кровное и дальнее, а равно и законы, существующие у других племен» [2, с. 135].

Далан полагал, что историческое развитие в целом носит закономерный характер, но при этом в соответствии с менталитетом саха допускал долю фатализма. Не случайно первая жена Тыгына, которая была из рода Хоро, перед смертью сказала мужу: «Того, что написано на роду, не избежать никому». Кюнней имела в виду заповедь мудрецов Хоро, учивших, что жизнь идет по порядку, установленному свыше. Поэтому она верила, что Тыгын живет и действует согласно этому закону [4, с. 264]. Умудренный опытом жизни, старик Мохсохо тоже убежден в некой предопределенности происходящих событий. «На удальца найдется удалец, на молодца – молодец... В этом мире все так – не хвались упрямым, найдутся еще упрямее; не хвастайся силой, обнаружатся посильнее тебя», – утверждает он [2, с. 251].

Согласно философии Далана, подобная упорядоченность мира обусловлена самой Природой. С одной стороны, «госпожа Прекрасная Природы всему предопредила смерть», но, с другой стороны, именно она стимулирует жизнь, ее пробуждение, расцвет и торжество «отрицают самую возможность смерти» [2, с.

33, 36–37]. Родная природа не дала погибнуть маленькой Нюрбачаан: «Испокон веков госпожа Бабушка Природа верно служила их племени, из ее неиссякаемых кладовых черпали они и пищу, и одежду. Значит, надо хорошенько поразмыслить, придумать что-нибудь, и тогда Бабушка Природа откроет и ей свои закрома» [2, с. 161]. Даганча, «естественный человек», выросший на лоне природы и уже в сознательном возрасте попавший к туматам, под ее влиянием «выпрямляется» и отвергает чуждые ему повадки соплеменников.

Мохсохо и Хаттыана, тоже люди «природы», мирно жили по ее законам, пока их хрупкое счастье не разрушили безжалостные люди «цивилизации». Их философия жизни была очень простой и в то же время достаточно сложной. Однажды старик Мохсохо задал жене очень важный для себя и, по всей видимости, долго мучивший его вопрос: «Старуха моя, Хаттыана, ты права, мы свое прожили и недолго нам осталось доживать наш век, так ответь мне: как тебе жилось со мной?» и получил не менее откровенный ответ: «Не отними беда у нас сына, я бы считала свою жизнь очень счастливой, ведь я прожила ее с любимым человеком! Не знаю, как другие живут, а мы до сей поры не обижали и не унижали друг друга, обделенными себя не чувствовали, питались тем, что сами находили, не голодали, оборванными и голыми не ходили». Ее понимание счастья вполне конкретно и основано на изначальных, естественных ценностях: «Счастливый человек удачлив в охоте, у него хорошая жена, дети, семья. Он здоров, не болеет, всю жизнь живет спокойно, не зная забот и утрат» [2, сс. 276, 279].

По-другому, исходя из своего не лишеного внутреннего трагизма жизненного опыта, понимает счастье Нюрбачаан: «Коротка человеческая жизнь, но еще короче – счастье человека. Оно будто солнечный зайчик, блеснувший на серебряном кружке девичьей шапки». Подруга ее юности, удаганка Тесани, предлагает ей, ради спасения сыновей и в поисках лучшей доли, бежать на родную Вилюйскую землю. Тыгын Дархан не будет их преследовать. Согласно

пророчеству шамана Одуну, там, на Глухом Вилюе, потомство Нюрбачаан умножится. Ее сыновья прогонят остатки туматов, заживут богато и счастливо, станут прародителями четырех великих Уусов под названием Нюрба, Сунтар, Марха и Хочо[4, сс. 143, 393, 408].

Как своеобразный философский итог, навеянный судьбами героев, звучат авторские размышления о жизни: «Коротка человеческая жизнь, не длиннее расстояния, какое пролетает брошенное копьё, но как разнообразна она – то плывет изо дня в день медленно и одинаково, словно спокойная широкая река, то вдруг бурным водопадом низвергается с отвесной скалы и с грохотом и ревом скачет с камня на камень, мчится по зубчатым перекатам, не давая опомниться и остановиться» [2, с. 134]. Не случайно через оба романа проходит сквозной образ Реки, – в одном случае Глухого Вилюя, в другом – Великой Кормилицы Лены, – символизирующей вечный поток жизни.

В романах Далана представлены три концепции жизни. Одной из них придерживается сам Тыгын Дархан, который когда-то желал «безраздельно и единолично» владеть Туймаадой. Теперь, когда «его мечта стала явью», он задумал «расширить дорогу, проложенную его отцом Мунняном Дарханом», собрать под свое крыло все десять якутских Уусов и создать великий Ил. Но как он сам говорит, «предводители этих Уусов глухи к добрым словам», «им понятнее язык брани и силы». Замыслы и методы Тыгына разделяют Чаллаи и Беджекё, младшие сыновья от второй жены Аабый Дархан, готовые «служить отцу, как два могучих крыла» [4, сс. 112, 161, 263]. Другую жизненную стезю избрал Марга Бай, старший сын Тыгына от Аабый Дархан. Он не одобряет политику и образ жизни отца. По его глубокому убеждению, «достойно живет тот, кто неустанно трудится, неусыпно блюдет добро»; богатство «приносит человеку счастье, лишь когда оно добыто и увеличено своим трудом»; «тому, кто наживается на слезах и горе ближних, возмездия не миновать, ибо народная мудрость гласит: что вошло с ветром, выйдет со смерчем» [4, сс. 78, 154].

Причем Марга в соответствии с восточным принципом «среднего пути» и менталитетом саха «не любил выпячивать свое превосходство над главами других семейств. Стремление выделиться из среды сородичей, страсть к роскоши и блеску, желание быть на гребне славы и успеха – черты, так свойственные его отцу, были чужды и противны его естеству» [4, с. 77]. Наконец, приверженцем еще одной, «гедонистической», философии жизни был дальний родственник Тыгына, лентяй и самохвал Сатай, слывший среди сородичей «человеком бесполовым и несуразным». В отличие от Марги, он «вообще никогда не переживал» и не был склонен к рефлексии, но зато мог теоретически обосновать свою программу: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее следует в свое удовольствие»; «нет, не стану я унижаться, как Марга, раздирая глаза с утренней зарей, работать до глубокой ночи, не разгибая спины и не покладая рук. Все равно все уйдем к предкам, и, как ни хлопочи, как ни трудись, вечной жизни не заслужишь» [4, сс. 75–76, 100].

Таким образом, философские взгляды Далана отличаются внутренней диалектикой. Через его романы сквозной линией проходит система оппозиций: война и мир, свет и тьма, жизнь и смерть, любовь и смерть, добро и зло, богатство и бедность, свобода и необходимость, чувство и разум, молодость и старость, благословение и проклятие, сила и слабость.

События, происходящие в романах писателя, тоже имеют причинно-следственную связь. Нюрбачаан не оказалась бы в Туймааде, если туматы не перебили бы ее сородичей, тонг бисов. Сама судьба предназначила ее для Керемеса, но она вынуждена была стать женой его деда Мунняна Дархана. В свою очередь, этого бы не случилось, если тонг уусы не похитили Кюнней, первую и любимую жену Мунняна Дархана, мать Керемеса и Тесани. Тогда, скорее всего, на долю Керемеса не выпал бы трагический жребий, и по-другому сложилась судьба Тесани.

Свидетельством глубины и богатства философии Далана является то, что мир и человек

Президент РС(Я) М.Е. Николаев вручает Государственную премию им. П.А. Ойунского В.С. Яковлеву-Далану.

виделись ему гораздо сложнее и иррациональнее, чем с традиционных материалистических позиций, которых придерживалось, за редким исключением, большинство писателей советского времени. В этом отношении показательными выглядят образы шаманов в его романах. Туматские шаманы Илээнки и Мэлмэнэй лишены традиционных качеств служителей языческого культа. Жадные и ненасытные, по характеристике Арчикаана, привыкшие получать «главную долю» из награбленной добычи, они только и знали, что «разжигали в туматах черную злобу» и толкали соплеменников на опасный путь вражды и раздоров [2, сс. 115, 318]. Шаман тонг биисов Ойуу Нэлэкэ занимал более почетное положение, его «очень боялись женщины и дети, а взрослые мужчины чтили и уважали». Но он тоже пытается внушить молодому вождю племени Ерегечею мысль следовать тропой войны и насилия, проложенной его

отцом Маганом Мэкчэ: «Издrevле, с тех пор как появился на земле двуногий, жизнь зиждется на вражде и убийствах... В этом мире счастлив бывает только победитель, удел побежденного – беда и горе. Так было испокон веков, так есть, так будет и впредь!» [2, сс. 61, 64].

Подлинно новаторскими выглядят образы якутских шаманов, которые полностью сохраняют свои культовые функции. Белый шаман Люксюрээни, жрец добра, посредник между людьми и добрыми духами-божествами, в соответствии со своим статусом до последнего дня защищал и оберегал соплеменников, нес людям мир и добро. «Он был в отцовском роде хранителем старинных обычаев и обрядов, и смерть его стала тяжелой утратой, люди горько оплакивали его: доброта, пусть величиной с мошку, запоминается лучше, чем злоба, огромная, как верблюд». Напротив, Миикээн, как Черный шаман, служил посредником между

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. РОМАНЫ В. ЯКОВЛЕВА-ДАЛАНА КАК СИНТЕЗ НАУКИ И ИСКУССТВА СЛОВА.

людьми и злыми духами. Он использовал приемы черной магии, «всегда предрекал плохое», хотел запугать людей и тем самым подчинить себе [2, сс. 231, 286, 299]. Шаман Одуну, при всей своей типологической близости к герою А. Кулаковского, в отличие от него, не теряет свой культовый статус и не превращается в своеобразный рупор идей автора [5]. Именно он выступает как главный прорицатель и не только предупреждает о «студеном ветре с запада», но и предрекает благополучие и процветание народу саха. Не случайно в начале и конце романа «Тыгын Дархан» звучат песнопения и заклинания Одуну.

Но все же иррациональное, эзотерическое начало в наибольшей степени воплощено в образе удаганки Тесани, которая «знает незнание, понимает неведомое, видит невидимое» [4, с. 160]. Ее символично-мистическое появление происходит в романе «Глухой Вилюй» в виде вырезанной Ерегечеем костяной куколки, которая неоднократно оживает в снах Нюрбачаан и приводит ее в страну саха-уранхаев. У самой Тесани происходят «приступы ясновидения», ей во сне и наяву мнится «страна вечного добра и света», «страна с неувядающими травами, с солнцем, восходящим по утрам круглый год». Однажды в присутствии Нюрбачан силой колдовства Тесани вызывает тень своего погибшего брата Керемеса, и они узнают трагическую историю его любви и смерти. В последнем монологе-камлании она объясняет свой окончательный нравственный выбор: «Я, Белый Дух добра, не выдержала смрадного дыхания Черного Зла. Как белая пуночка, прежде срока прилетевшая вместе с могучим орлом на север, как нежный цветок, распутившийся в пору весенних заморозков, я угасла раньше времени. Я хотела умножить добро и дарить людям красоту, но не вышло – мой черед еще не приспел. Жить дальше в Срединном Мире не могу... Здесь меня не держит ничто, и я улетаю в беспорочно чистый, сияющий, как рассветное солнце, и блистающий, как закатное солнце, светлый мир – в страну Джабын» [4, сс. 160, 230, 376, 383–388]. Не случайно основным средст-

вом раскрытия образа Тесани служит суггестивная поэтика сна и ясновидения.

В.С. Яковлев-Далан в своих исторических романах зарекомендовал себя как незаурядный художник слова. Если в «Глухом Вилюе» представлен довольно ограниченный круг персонажей, то «Тыгын Дархан» отличается обширной художественной антропологией. Но и в том, и в другом случае характеры индивидуализированы. Для достижения этой цели автор использует целую систему приемов и средств.

Английский писатель С.Мозэм в своей книге «Подводя итоги» писал: «Физический облик человека отражается на его характере, и, с другой стороны, характер, хотя бы в самых общих чертах, проявляется во внешности» [6]. Действительно, в романах Далана значительную роль в раскрытии характера играет описание внешности персонажей. Именно такую функцию выполняет в «Глухом Вилюе» портрет юного Даганчи: «От отца унаследовал Даганча высокий рост и стройное, упругое телосложение – настоящий тумат! От матери получил проворство и ловкость движений, присущих джирикинэям. На смуглом скуластом... лице грозно поблескивали узкие, под тяжелыми веками глаза, широкие крылья носа раздувались, темные, только начавшие пробиваться усики чернели над полными яркими губами, придавая всему его облику мужественный и вместе с тем по-детски благонаправный вид» [3, с. 23]. Перед нами не нейтральный портрет, напротив, он не лишен оценочного момента: автор не только подчеркнул мужественность облика будущего хосуна-удальца с Тремя Отметинами, но и его естественность, природную неискушенность.

Другой, восходящий к устной народной поэзии, вариант портретистики представлен в романе «Тыгын Дархан»: «В сопровождении двух девушек-служанок прославленная Арылы Ко Айталы вышла, потупив глаза, из отчей урасы и, плавно ступая, совершила перед гостями круг. И вправду была прекрасна славная Арылы Ко Айталы, ибо, говоря языком древних, высшие божества ай, создавая такой лик, восемь тысяч лет у восьмидесяти племен выбирали вели-

колепные черты; сотворяя такой стан, многие века в извилах множества рек высматривали точеные линии; а вдыхая в нее душу, сотни веков среди сотен народов отбирали отменные качества...» [4, сс. 14–15]. Примерно так же, как красота Елены Прекрасной в «Илиаде» Гомера передается через восприятие убеленных седой старцев, изображение внешности якутской красавицы носит функциональный характер: «Увидев это бесподобное чудо, дрогнуло нутро у всего сонма доблестных мужей и статных юношей, пожаловавших на праздник» [4, с. 15]. Такой же способ создания портрета в якутской литературе был применен А.Кулаковским в поэме «Красивая девушка» [7].

Для создания портретов своих героев Далан широко использовал образную анималистику. Например, тойона Лекея, отличавшегося своей любвеобильностью, сородичи за глаза обзывали «атыром, то есть жеребцом». Он же, «крупный и дородный», уподобляется то «девятилетнему лосю-рогачу», то «сохатому-быку» [4, сс. 45, 213, 221]. У старика Бахсыгыра «широкая спина, как бы не выдержав тяжести большой лобастой головы, была согбена, что делало его похожим на старого быка». В другом месте этот не только «хитроумный и дальновидный», но и алчный предводитель баягантайцев сравнивается со «старым волком» [4, сс. 39, 41].

Образная анималистика нередко выполняла характерологическую функцию. Так, тонг биисы, убившие хосууна Юрэна, «трубили над руслом Великой Кэллээмэ, словно лоси-самцы, ревели, как медведи-шатуны» [2, с. 52]. Грозное имя Тыгына Дархана «прогремело по всем путям-дорогам, подобно зычному реву быка-пороза», его «громкая слава донеслась до дальних горных перевалов, словно звонкое ржание жеребца-скакуна». Подданные властителя Туймаады от его притеснений «разбегаются, точно коровы, покусанные оводами» [4, сс. 20, 403]. Любопытные юнцы, Тоюк и его приятели, «быстро, как бурундуки, подкрались к окраине аласа и стали глядеть во все глаза» на испытание бо-отуров [4, с. 179].

Анималистические аналогии использова-

лись писателем и в картинах природы. Красота долины Туймаады описывается им следующим образом: «... с южной оконечности подпирает ее громадная каменная закраина – ни дать, ни взять стережет ее покой матерый медведь-шату; с северной стороны венчает ее величественная горная гряда, о которой так и просится сказать: бродяга-сохатый застыл, замороженный ее прелестью» [4, с. 6].

Наряду с образами и сравнениями из мира животных, в романах Далана встречается и так называемая «птичья» символика, придающая повествованию торжественно-красочный характер. Согласно традиционному обычаю народа саха, в открытии ысыаха участвуют «восемь юных красавиц – нежных, словно стерхи, в белоснежных нарядах и высоких головных уборах с султанами», «девять удалых парней – стройных, как журавли, в желтых замшевых одеждах и шапках с орлиными перьями». Во время обряда погони жениха за невестой Арылы Ко Айтала «легко, точно белая куропатка, облетела... большой холм... и полетела белой бабочкой... в сторону северной горы Ытык-Хая» [4, сс. 11, 26]. В романе «Тыгын Дархан» шаман Одуну, завершив финальное камлание, «подбросил трехглазый священный туорэх величиной с молодого глухаря... Ко всеобщему ликованию... туорэх опустился вниз дном» [4, с. 429].

В романе «Глухой Вилюй» часто упоминается ворон. В одном случае в образе «черно-серого ворона» получает воплощение «злостный дух» туматов, и, когда каркает ворон, проливается кровь. Но в другом случае, согласно обычаю тонг биисов, охотники просят прощения у духа убитого им медведя и «вину» возлагают на ворона, покровителя туматов. Тотемом самих тонг биисов служил сокол, и когда туматы их побеждали, «воронье карканье заглушало соколиный клекот» [2, сс. 65, 70, 213, 256–257].

Как писал А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике», в основе психологического параллелизма в фольклорных произведениях лежало сопоставление природных явлений с жизнью человека [8], а в качестве объектов сравнения использовались не только животные и птицы,

но и растения. В связи с этим необходимо отметить, что существенную функцию в романах Далана выполняют фитоморфы. К примеру, Тыгын Дархан требует, чтобы его дочь Арылы Ко Айталы «нарядили словно небесную оленуху, украсили так, чтобы поблекли перед ее красотой полевые цветы». Волнение и смущение Эгей Туллук от мужского внимания передано посредством выражения «вся порозовев, как земляника» [4, сс. 14, 34]. У борцов хапсагая, «мощных, как комель дерева», руки сравниваются с «корнями вековых лиственниц», ноги – со «стволами очищенных от коры столетних сосен» [4, сс. 21–22].

Художественный мир романов Далана не лишен романтического начала. В связи с этим особую значимость приобретают образы природы и, в частности, проходящий через оба романа мотив реки, который становится развернутой поэтической метафорой судьбы отдельных героев и целых племен. Герой романа «Глухой Виллюй» Даганча по совету своего деда Бакамды плывет «вниз по речке Тюнкэтэх», впадающей в Великую Кэллээмэ, и находит своих сородичей. Но даже заслужив звание хосууна-удальца с Тремя Отметинами и став вождем туматов, он не смог убедить их жить в мире с другими племенами. В поисках новых, богатых мест они поплыли на плотах по безымянной речке на восток в сторону великой якутской реки Лены и «сгинули в бескрайней шири Великого Белого простора, испарились, как роса на льдистых, заиндевелых берегах Муус Кудулу Далая – Ледовитого океана, навсегда рассеялись, словно туман» [2, с. 331].

Роман «Тыгын Дархан» начинается с величавого гимна в честь «троерусельной, благодатной и щедрой Улуу Эбя – Великой Кормилицы Лены-реки-Бабушки», которая «властно вбирает в бурливую стремнину строптивую свою сестру Алдан, в чьи быстрые воды, стиснутые отвесными скалами, плавно вливаются две равнинные красавицы Амга и Татта, и гордого брата Виллюя, угрюмо катящего горбатые мутные волны через чащобы и буреломы Богатой Черной Тайги» [4, с. 6]. В среднем течении этой

великой реки в одной из трех благодатных долин – счастливой Туймааде, – ее владыка Тыгын Дархан устроил Ысыах Белого Изобилия. На протяжении всего романа Тыгын мечется между Виллюем, Амгой и Таттой, пытается «построить Улуу Ил», и в конце концов, повторив печальную судьбу Кудангсы Великого, все же сохраняет надежду на объединение народа саха. Шаман Одуну требует «не отступаться от великой цели» и предрекает успех.

В свое время не кто иной, как В.Белинский упрекал В.Скотта и Ф.Купера в отсутствии в их романах «субъективного начала» и «внутреннего человека» [9]. В романах Далана такая проблема не существует. Раскрытию внутреннего мира героев способствует состояние природы. В одном из начальных эпизодов романа «Глухой Виллюй», когда туматы напали на стойбище тонгибиисов, «непроглядная, мрачная ночь окутала землю», низко нависли «тяжелые, влажные тучи с рваными краями, напоминавшими клочья шерсти на брюхе линяющего оленя», «мерно шумел прибой на огромном озере». Не могла уснуть в эту ночь маленькая Нюрбачаан, «она лежала в тордохе... и напряженно прислушивалась к жадному рокоту волн», «звенящая тишина неба, сливаясь с тяжелым грохотом волн, почему-то внушала тревогу, и сон бежал прочь» [2, с. 55]. Состояние другого героя романа тоже передается через природные явления: при виде «пробудившейся от зимней спячки Прекрасной Природы... все молодое, расцветающее в лад весенней природе существо Даганчи охватило вдохновенное ликование». И в дальнейшем, когда он попал к туматам и, не приняв их воинственную мораль, «затосковал» среди «злых двуногих», «лес звал его к себе», но зов сердца и обстоятельства не позволили ему вернуться на лоно природы [2, сс. 36–37, 135].

Внутренний мир человека раскрывается Даланом посредством поэтики сновидений и воспоминаний. В романе «Глухой Виллюй» сны часто посещают Нюрбачаан, причем все они сбываются. Ей является во сне ожившая костяная кукла, вырезанная Ерегечеем: сначала она предупредила о надвигающейся опасности, посоветовала

быстрее «плыть по течению большой реки», потом предрекла, что ее ждет счастливая судьба в «великой, бескрайней долине» [2, с. 176]. В этом же романе пророческие сны видят хосуун-удалец Тюрэчээн – перед гибелью, и старая Хаттыана – перед появлением Тыгына, отнявшего Нюрбачаан [2, сс. 125–126, 261].

В романе «Тыгын Дархан» костяная кукла приняла облик Тесани, ставшей близкой подругой Нюрбачаан. Именно она предлагает ей, ради спасения сыновей и в поисках лучшей доли, бежать на родную Вилуюскую землю. Но перед этим Нюрбачаан снова снится костяная куклолка, которая «начинает скакать у ней на коленях», и она воспринимает это как знак. В этом же романе вещие сны и видения посещают служителей языческого культа. Сначала старейшина нахарцев, шаман Бекирдян увидел зловещий сон о кровавой речке [4, с. 56]. Затем Одуну приснился «знаменательный сон»: подобно своему inferнальному собрату из поэмы А.Кулаковского, превратившись в грозного Орла, взмыл в небо и облетел восточные улусы. И там, на землях Борогона и Баягантая, он увидел «потоки горячей крови» [4, сс. 87–88].

Что касается воспоминаний героев, то они находят выражение в их внутренних монологах. Наряду с Нюрбачаан, часто вспоминающей детство и свое опасное плавание, много размышляют Туога Баатыр и тойон Лекей. Туога Баатыр, первым проложивший путь на Вилую, озабочен проблемой обустройства рода на новом месте, подготовки к зимовке, налаживания добрососедских отношений с местными племенами. К тому же Тыгын обещал «в будущем году нагрнуть к нему тяжким гостем и грозным ночлежником». Все это заставляет его постоянно ломать голову в раздумьях о судьбе сородичей [2, сс. 220–221, 294]. Тойона Лекея, вступившего в открытое соперничество с самим Тыгином Дарханом, тоже терзают тяжелые думы. Он «не терпел вмешательства посторонних в его жизнь», и когда повелитель Туймаады, заявив, что «мы разобщены, живем только одним днем, думаем лишь о себе, боимся друг друга, потому каждый из нас одинок и беспомощен», предложил объединиться и

создать «Улуу Ил – Великий Мир», решительно выступил против: «Нам нет никакого дела ни до кого. Живем сами по себе. До сих пор никого не трогали и хотим, чтобы и в наши дела никто не встревал!» [2, сс. 208, 214–218].

Даже Маягатта, «умеющий держать свои мысли при себе», порой был склонен к рефлексии и самоанализу. Он осознавал, что находится между двух огней: с одной стороны, считался лучшим борогонским боотуром, и на него рассчитывал тойон Лекей, а с другой – стал мужем Арылы Ко Айталы и зятем самого Тыгына. Это тоже вынуждало его размышлять о взаимоотношениях с главами двух самых крупных отцовских родов. «Властелин Туймаады желает сделать из него рачительного хозяина, пусть думает, что переубедил зятя. Но у Маягатты на этот счет есть и собственное мнение. Свою свободу он не променяет на вонючий коровий помет... Маягатта будет по-прежнему охотиться и ловить рыбу» [2, сс. 205, 207–208].

Важнейшим фактором, определяющим этногенетическую сущность любой национальной литературы, служит фольклорность. Далан, тонкий ценитель и собиратель устного народного творчества, автор книги «Священная чаша» (1988), органически вписал в текст своих романов легенды о Кудангсе Великом, Быке Зимы, якутские сказки о зверях и птицах.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно отметить, что в романах Далана проступают черты, характерные для восточного сознания:

- ориентированность на коллектив (род, племя) и подчиненность ему человека (мечта Тыгына о Великом Иле);
- уравновешенность прошлого и настоящего, опора на традиции пращуров, духовные ценности прошлого;
- стремление человека к гармонии с Природой, ощущение ее силы и могущества;
- иное от западного сознания отношение к смерти, преодоление страха перед небытием (восприятие туматами смерти как «сна»);
- в противовес западному, порожденному страхом смерти, острому ощущению быстро-

течности времени признание множественности жизненных циклов («время – это топкая бездна»; 4, с. 411);

– опора на идею трехсоставного устройства мироздания и, в частности, признание существования некой «страны Джабын», куда улетает Тесани;

– воплощение принятого в древней восточной этике принципа «золотой середины», отказа от крайностей, чрезмерных желаний, нарушающих гармонию «правильного пути»;

– отражение философии фатализма, осознание предопределенности общего хода жизни и судьбы человека.

Кроме того, исторические произведения Далана имели определенное надсюжетное содержание. Не забудем, что они создавались в сложный переходный период 80–90-ых годов прошлого столетия. Колоритные картины природы, исторические события и реалии, легендарные характеры создавали в его романах мир, более богатый и привлекательный, чем будничная и регламентированная окружающая действительность. Более того, романы «Глухой Вилюй» и «Тыгын Дархан» могут быть восприняты как выражение принципиального авторского эскепизма, как сознательное противопоставление смутному времени героического прошлого. Именно поэтому сегодня творчество В.С. Яковлева – Далана нуждается в «перечтении» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Окладников А.П. История Якутской АССР, т.1. – М.-Л., 1955. – С. 400, 419.
2. Далан. Глухой Вилюй: Роман / Пер. с якутского Л. Либединской. – Якутск: Бичик, 1993. – С. 204. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.
3. Литература Якутии XX века. Историко-литературные очерки. Якутск, 2005. – С. 414.
4. Тыгын Дархан: Роман / Пер. с якутского А. Шапошниковой. – Якутск: Бичик, 1994. – С. 149. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.
5. Бурцев А.А. Классики и современники: Вершинные явления и избранные лики якутской литературы. – Якутск: Сфера, 2013. – С.48.
6. Моэм С. Подводя итоги. – М., 1957. – С.161.
7. Бурцев А.А. Классики и современники. Вершинные явления и избранные лики якутской литературы. – С. 31.
8. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Изд. АН СССР, 1940. – С. 126.
9. Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. V. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 25.
10. Надъярных Н.С. Аксиология перечтений. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 8.

Ирина КУРИЛОВА

СЫН ОЛЕРЫ ГАВРИЛ КУРИЛОВ

Улуро Адо – особый феномен
юкагирского народа

Гаврил Николаевич Курилов - Улуро Адо – известный человек нашего времени, просветитель юкагирского народа, основоположник юкагирской письменности. Мы можем только гордиться тем, что живём с ним в одно время. Слова «первый», «впервые» сопутствуют Гаврилу Николаевичу Курилову во всех его делах, и в этом мало кто может сравниться с ним. Поэт, прозаик, публицист, драматург, переводчик и педагог, учёный-лингвист и этнограф, доктор филологических наук, общественный деятель – и это все Гаврил Николаевич Курилов - Улуро Адо.

В апреле 2017 года, накануне 79-летия Гаврила Николаевича, я готовила материал для газеты «Илкэн». Тогда он рассказал мне удивительную историю о своем друге детства, маленьком щенке по кличке Тоариш, который ценой своей жизни спас его от бешеной лисы. Кто знает, если бы

не этот щенок, какова была бы сегодня судьба юкагирского народа?

Сын последнего шамана
юкагирского народа

Гаврил Курилов родился 30 апреля 1938 года в тундре, названной Олеринской в честь расположенных там двух для юкагиров священных озер – Большой Олеры и Малой Олеры. Николай Курилов, отец Улуро Адо, был последним юкагирским шаманом. Каждый из трех его сыновей унаследовал тяжелый шаманский дар, но отец решил не приводить ни одного из них к посвящению. Впоследствии эта врожденная экстрасенсорная восприимчивость и умение понимать природу, слышать голоса параллельных миров, хранить в себе этническое наследие своего народа воплотилось в их творчестве. Старший Семен стал прозаиком, автором известного романа «Ханидо и Халерха». Младший Николай стал известным художником, писате-

ИРИНА КУРИЛОВА. СЫН ОЛЕРЫ ГАВРИЛ КУРИЛОВ.

Г.Н.Курилов- Улуру Адо.

лем и журналистом, а Гаврил – средний сын в семье – поэт, публицист, переводчик, ученый-лингвист, этнограф и общественный деятель.

Улуру Адо – юкагирский просветитель современности

Улуру Адо всю свою жизнь занимается делом сохранения родного языка, проблемой выживания юкагирского народа, численность которого сегодня составляет чуть более 1600 человек. Этот древнейший народ, прибывший на северо-восток Азиатского материка, по одной версии, 10 тыс. лет тому назад, в результате многочисленных причин оказался в XIX веке на грани исчезновения. Об этом в 1906 году написал ученый В.И. Иохельсон в своей книге «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора»: «...Через несколько десятилетий юкагирский язык может исчезнуть, а племя, как таковое, прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах, и имя этого народа не будет пустым звуком».

Об этом много писал Г.Н. Курилов в своих научных статьях и книгах.

Пророческие слова В.И. Иохельсона были известны ученому-этнографу Н.И. Спиридонову. Он родился в 1906 году на территории современного Верхнеколымского района. Николай Иванович первым начал работу по возрождению своего народа, но рано погиб – был расстрелян в 1937 году (в 31 год), обвиненный во времена репрессий в шпионаже в пользу Японии. Н.И. Спиридонов-Тэки Одулок, как известно, был первым дипломированным ученым из юкагириков, основоположником юкагирской литературы. И спустя 32 года после смерти Тэки Одулока его дело продолжил Гаврил Курилов, защитив кандидатскую диссертацию, как и Тэки Одулок, в Ленинграде. Его друзья думали, что он скоро станет первым доктором наук из юкагириков, но он отложил докторскую диссертацию и начал собирать материалы для юкагирско-русского словаря, пытаясь собрать побольше лексического материала по тундренному (нижнеколымскому) диалекту. Это нужно было делать быстро, пока были живы пожилые юкагиры – истинные носители родного языка. На это у него ушло 20 лет.

Результатом стал фундаментальный труд «Юкагирско-русский словарь», где почти каждое слово имеет фразовые примеры. Словарь стал настольной книгой тундренных юкагириков. Однако он не ограничился сбором материалов для словаря. Г.Н. Курилов стал разработчиком юкагирского литературного языка и автором его орфографии, создал первый букварь юкагирского языка. В 1990-ых годах он, будучи активным членом Комиссии по языковому строительству при Президенте Республики Саха (Якутия), разработал Концепцию возрождения юкагирского языка.

Г.Н. Курилов, как никто другой, понимает, что одним из главных условий сохранения народа является его действующая система образования. Еще с 70-ых годов прошлого века он вплотную занимался вопросом преподавания родного языка в местах проживания юкагириков, разработал программу юкагирской национальной школы и добился преподавания родного языка в школах Нелемного и Андрюшкино. Автор этих строк как раз была одной из первых учениц, которая стала

изучать родной язык в школе. Гаврил Николаевич составил учебное пособие «Юкагирский язык». Еще одна крупная работа юкагирского ученого – «Современный юкагирский язык», где наиболее полно раскрываются лексические, фонетические и грамматические особенности юкагирского языка. Капитальный труд «Юкагирский фольклор», изданный в 60-томной серии «Фольклор народов Севера и Дальнего Востока», собрал воедино все наиболее интересные фольклорные произведения и также адресован, прежде всего, подрастающему поколению юкагиrow.

С 1993 г. Гаврил Николаевич читает курс лекций на северном отделении филологического факультета ЯГУ им. М.К. Аммосова, занимается подготовкой преподавателей юкагирского языка. Под его руководством студенты пишут дипломные работы. Он вырастил целую плеяду молодых ученых из числа юкагиrow и представителей других народов, которые занимаются юкагиrowедением – это Элида Атласова, Самона Курилова, Александра Прокопьева, Маргарита Лукина. Все они кандидаты наук.

Улуро Адо – основоположник юкагирской поэзии, писатель, драматург

Г.Н. Курилов, выступающий в литературе под псевдонимом Улуро Адо, что в переводе с юкагирского означает «Сын Олеры», давно известен народам Якутии и всей России как талантливый певец, воспевающий суровую красоту родного северного края и своих земляков. Его поэтическое творчество отличается особой философичностью, лиричностью и яркостью образов. Первая подборка стихотворений молодого поэта вышла в 1965 г. в популярном литературно-художественном журнале «Юность». Его стихотворения публиковались во многих известных литературных журналах, коллективных сборниках поэтов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Выпустил около 30-ти книг на юкагирском, русском, якутском, эстонском, французском языках, в которых воспеваются родная тундра, отражается боль и тревога за судьбу древнего юкагирского народа.

Он участвовал в трех Всесоюзных семинарах

Улуро Адо и председатель Ассоциации юкагиrow РС(Я) В.С.Акимова.

писателей, помогал становлению молодых поэтов – эвенка Дмитрия Апросимова, эвена Василия Баргачана, чукчи Григория Вельвина-Гырголя Пура, юкагира Николая Курилова. Участвовал в работе V Всесоюзного совещания молодых писателей Советского Союза. Он член Союза писателей СССР с 1976 г. Заведовал на общественных началах отделом северной литературы при Союзе писателей Якутии. Его пьеса «Мой друг Чага» несколько раз ставилась в детском кукольном театре г. Хабаровска, а по либретто Г.Н. Курилова балетмейстером М. Сайдыкуловой в Театре оперы и балета в Якутске был поставлен балет «Амо и его друзья» на музыку В. Каца.

Улуро-Адо – неутомимый пропагандист родного языка и культуры

Впервые благодаря Улуро Адо стала звучать юкагирская речь на республиканском радио. Он в 60-ых гг. XX в. начал вести передачи на юка-

ИРИНА КУРИЛОВА. СЫН ОЛЕРЫ ГАВРИЛ КУРИЛОВ.

гирском языке и давать уроки родного языка по якутскому радио. Вместе со своими коллегами, сотрудниками Сектора северной филологии Анной Даниловой и Полиной Багаевой, с 1968 года Гаврил Курилов вел программу «Долчили». Потом была возрождена всем известная сегодня радиостанция «Геван», где он продолжил свою пропагандистскую работу по сохранению и популяризации родного языка. С 2003 г. преподаёт юкагирский язык в воскресной школе при Доме народов Севера. Перевел «Евангелие от Луки» на юкагирский язык, переводил стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, Т. Шевченко и др. Он до сих пор выступает на радио и телевидении, публикуется в периодической печати по проблемам сохранения языка и культуры юкагирского народа.

Улуро Адо – известный общественный деятель

Г.Н. Курилов – профессионал высочайшего класса по проблемам коренных народов Севера, до конца преданный избранному жизненному пути. В свое время он вместе с Семеном Гороховым создал Совет старейшин юкагиrow, почти 10 лет был его председателем. Организовывал созывы первых Съездов юкагирского народа. Принимал активное участие в создании юкагирских общин «Чайла» и «Тэки Одулок». Благодаря его деятельности в 1992 г. села Андрюшкино и Нелемное получили статус национальных сельских советов. После ликвидации советов Гаврил Николаевич выдвинул идею создания Суктулов – формы национального самоуправления юкагиrow. Только благодаря неутомимой и многогранной деятельности Улуро Адо эта идея, преодолев многочисленные препоны, воплотилась в Закон Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского народа», реализация которого началась с 2008 г. Сегодня Суктулы созданы и работают в п. Андрюшкино и с. Нелемное. В настоящее время Гаврил Николаевич – Почетный председатель Совета старейшин юкагирского народа.

Семья

Можно спросить, как это все может сделать один человек? И здесь нужно рассказать о роли семьи в жизни Гаврила Николаевича. После окончания факультета народов Севера Педагогического института им. А.И. Герцена в Ленинграде молодой ученый, чтобы прокормить семью, подрабатывал шорником в артели. Тогда он был женат на коренной ленинградке, блокаднице Майе и имел уже троих сыновей. Вскоре Гаврилу Курилову предложили должность инженера во вновь созданном предприятии по пошиву спортивной одежды «Спорт Интер», хорошую зарплату. Но тут лингвист и этнограф Ю.А. Крейнович предложил командировку на родную Колыму. На родине, где он не был 10 лет, у него состоялся разговор, который изменил все планы молодого человека на будущую жизнь.

Дочь шамана абучиэ (бабушка) Христина за чашкой чая сказала ему: «... Современная жизнь юкагиrow похожа на неуправляемую нарту, катящуюся по склону холма вниз в какую-то яму. И, главное, нет силы, которая остановила бы эту несущуюся в пропасть нарту. ...Теперь вот на тебя смотрим с надеждой». «Этот разговор перевернул все в моей жизни», – рассказывал Гаврил Николаевич. – После возвращения из экспедиции я решил, что в Ленинграде не останусь». Молодому ученому предложили работу в Якутске, заверили, что каждый год у него будет возможность ездить на Колыму в командировки.

Но жена Майя не захотела оставлять сыновей без ленинградской прописки (в те времена прописка была важной составляющей в жизни советского человека) и не поехала с ним в далекую Якутию. Так они и расстались. После он женился на молодой эвенской исследовательнице из Оймьякона Анне Даниловой. Вместе они прожили 38 лет. «Благодаря Ане, я многое успел», – признается Гаврил Николаевич. Сама Анна Андреевна Данилова выпустила ряд исследовательских работ по эвенскому и юкагирскому языкам. Вместе они вырастили троих детей.

Смысл предназначения Улуро Адо

Улуро Адо

Доктор филологических наук и сын последнего юкагирского шамана Гаврил Курилов никогда не смирится с тем, что его народу предстоит окончательно ассимилироваться и повторить судьбу исчезнувших народов, как майя и ацтеки, кереки и алюторцы. В 2005 году он полностью потерял зрение, виной тому – глаукома. И вот уже девять лет рядом с ним нет верной жены Анны Андреевны, потерял сына Юко, погиб старший сын Вадим... Но, несмотря на все жизненные перипетии, он жаждет жить!

Он до сих работает главным научным сотрудником Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Сейчас составляет большой этимологический словарь юкагирского языка. Как мне признался Гаврил Николаевич, он хочет дожить до 100 лет! Пока он единственный из мужчин-юкагиров, доживший до такого преклонного возраста. В стихотворении «Мэт вальбэ – Тоариш», посвященном тому самому щенку, спасшему его от неминуемой гибели, поэт признаётся:

Есть мнение: мол, если б не щенок-заступник
Исчез бы юкагир как этнос от тоски,
Язык родной забыв от лености преступной,
Дух предков потеряв в момент критический.
Не знаю, но скажу: народу помогаю
Не от внезапного желания в душе,
Желание сие давно уж стало главным
В борьбе в защиту жизни близких мне людей.
Вот так оплачиваю как бы тот,
Ничем невосполнимый, свой долг святой.

Могу с полной уверенностью сказать, что если бы не тот маленький щенок, не имел бы сегодня юкагирский народ всего того, что мы имеем благодаря Гаврилу Николаевичу Курилову-Улуро Адо. Поэту Владимиру Маяковскому принадлежат строки: «Голос единицы тоньше писка», да и русская поговорка гласит, что «один в поле не воин». Но опровергает эти слова пример Сына Олеры – неустанного борца за сохранение своего юкагирского народа, его самобытной культуры и языка.

ИРИНА КУРИЛОВА. СЫН ОЛЕРЫ ГАВРИЛ КУРИЛОВ.

*”Я сегодня великую
силу обрёл –
На родном языке
говорил!“*

Юкагирский костёр

Посмотрите, люди Земли,
Юкагиры костер развели.

Пусть он жалок еще и мал
Но как жарок уже и ал!

Приходите, братья, к нашему костру –
Наших песен вкусить простоту.

Принесите, подкиньте дровец
В наш костер, в наш пожар сердец.

Чтобы он веселей запел,
Чтобы звезды крылом задел.

Чтоб увидел огромный мир,
Огонек, что зажег юкагир!

*Перевод с юкагирского
Г. Плисецкого.*

Родной язык

Родной язык!
Ты — как птичка-амулет,
Что вешают у нас над колыбелью.

Ты — наших предков песенный привет,
 Ты для души — и радость, и веселье...
 Над нашей тундрой начали летать
 Твои неповторимые глаголы,
 Когда вокруг,
 Живым холмам под стать,
 Еще бродили
 Мамонты-холголы!
 ... Ты не родил,
 Так много пережив,
 Ни одного ругательского слова!
 Ты чист, как речь ребенка,
 Ты не лжив,
 Светла твоя глубинная основа.
 Пусть, может быть,
 Не очень и велик
 Запасник твой,
 Твой арсенал словесный —
 Ты мне мил,
 Вадульский¹ наш язык,
 Отцовский,
 Материнский,
 Добрый,
 Честный!..
 Ты для меня —
 Как птичка-амулет,
 Что вешают у нас над колыбелью.
 Лети,
 Неси потомкам наш привет,
 Дари сердцам их
 Радость и веселье!

*Перевод с юкагирского
 И. Фонякова.*

Снега милое скрипение

Брату Егору Третьякову

Ночь. Мороз. Дохнешь — и слышен шорох.
 Неуютна зимняя пора.
 Все живое — в логовищах, в норах
 Прячется до самого утра.

¹ Вадул — самоназвание тундренных юкагиров.

Лишь оленям некуда укрыться
 От порывов ветра ледяных.
 Может быть, свернуться, в снег зарыться.
 Нет, такая доля — не для них.
 Им своими сильными рогами
 Небо, подпирая, поддевать.
 Им, своими теплыми боками
 Тундру, сколько можно, согреть...
 И олени бродят в мире сонном,
 В полудреме ночи напролет,
 Слыша, как в озерах с громким стоном
 От мороза трескается лед.
 И порой покажется оленю,
 Что не встанет солнце никогда,
 Что вот-вот подломятся колени,
 Сердце превратится в глыбу льда...
 Может, не хватило бы терпенья —
 Так жесток мороз, так ночь глуха,—
 Если б не ритмичное скрипение
 Снега под ногами пастуха!

*Перевод с юкагирского
 И. Фонякова.*

Тизки Одулоку

Очень мало ты жил, Одулок...
 Лишь тридцать зим и одна
 смиряли снега у твоих ног.
 И грелась теплом задушевных строк
 лишь тридцать и одна весна...
 И все же, ты успел на Земле совершить
 такое, чего не смог и тот,
 кому было отпущено жить
 более долгий срок!
 Идя целиной созидательных дней,
 высокому ритму работы рад,
 сородич твой нынче идет быстрее,
 чтоб в жизни успеть совершить своей
 больше, чем ты — его старший брат.
 Очень мало ты жил, Одулок...

Но и за тридцать с немногим лет,
пламенем вдохновенных строк
ты род юкагиров прославить смог.
Я славой этой — согрет...
Как старший охотник, ты впереди.
Я слышу лыж твоих легкий шарк.
Веди нас, опытный брат, веди:
Пусть слов твоих эхо стучит в груди:
«Шире держите шаг...»

*Перевод с юкагирского
А. Пчелкина.*

Пусть будет так

Пусть в мире остаётся
всё, как есть,
В тот час, когда мы
этот мир покинем, —
Пусть будут птицы петь
и травы — цвести,
Пусть ясно светит солнце
в небе синем,
Солнце, похожее
на материнский лик,
Склонившийся с любовью
над ребёнком...
Пусть на ветру
колышется тальник
И славит жизнь
в своём напеве тонком.
Пусть будет так,
когда уйдём мы прочь
От наших рек, долин,
родных селений, —
Как от костра мы уходили в ночь
От волчьей стаи
защитить оленей...
Но в этот раз, свершив свои дела,
Мы навсегда во мрак
шагнём с порога,
Вернём Земле, как долг, свои тела

И, может, укрепим её немного.
И пусть пребудет в мире, всё как есть —
И пенье птиц,
и вешних зорь пыланье...
А людям всем,
что остаются здесь,
Мы добрые оставим пожеланья!

*Перевод с юкагирского
И. Фонякова.*

Маме

Один человек только есть на свете,
который пожертвует всем, что имеет
когда заблужусь я, усталый, во мгле,
и сердце на черном ветру занемееет.
Один человек, это — мама моя!..
Прости меня, мама, что родину предков
оставил для шумного города я.
Прости, что к тебе выбираюсь я редко.
Позвать бы тебя: «Приезжай, поскорей!
Квартира просторная, —
места в ней хватит...»
Но знаю: без наших родных матерей
и бабушка-тундра дыханье утратит...
Но мысленно я — каждодневно с тобой!
«За все тебе, мама, — шепчу я, — спасибо!
Над кровом твоим небосвод голубой
пусть светится, как покрывало аниба²...»
Под тем покрывалом когда-то я рос,
родительской речи язык постигая...
Ты вспомни меня, моя мама, без слез —
и знай, моя мама, пойми, дорогая:
Я в городе бьюсь не за жирный кусок,
ищу не дешевого сладкого меда,
— я верю, что избранный путь мой высок,
что труд мой — во славу родного народа.

*Перевод с юкагирского
И. Фонякова.*

² Аниба (юкаг.) — крытая нарта с покрывалом для перевозки детей во время кочевки.

***

Родная, юкагиры знают:
не все озера замерзают.
Зимой не замерзает взор
твоих сияющих озер.
Но ты опять не захотела
поехать в край, где пусто-бело,
где месяцами солнца нет,
где так необходимы мне
и маме
твои глаза...

*Перевод с юкагирского
Б. Сиротина.*

Супруге А. Даниловой

Когда рассвета белые орлы
меня освободят от сновидений,
которые когтисто-тяжелы, –
струится свет твоих прикосновений.
И черных сновидений воронье
враз исчезает, сердце отпускает,
и нежное присутствие твоё –
как над весенней тундрой птичья стая.
Я смело поднимаюсь в полный рост
и словно увеличиваюсь в росте,
и этот мир, который столь не прост,
на миг лишится зависти и злости.
О, мой светоносный Человек!
Давно исчез бы я, в землице лежа,
когда бы не была себе верна
твоя звезда, с рассветным солнцем схожа.
Не утай, скажи-ка мне:
А был ли я в поденной суете
Таким, какого видеть ты хотела?

*Перевод с юкагирского
Б. Сиротина.*

Обретаю силу

В. Третьякову

Я сегодня великую силу обрел –
На родном языке говорил!
Вновь из тундры мой старый
приятель пришел,
Радость вешнюю мне подарил.

До чего же силен ты бываешь порой,
Языка юкагирского дух,
И летят с плеч усталых тревоги долой,
Словно ветром развеянный пух.

И листом белой тундры навстречу словам,
Замирая, открылась душа,
А на ней засияла, светла и жива,
Строчка, словно следы малыша.

Я сегодня великую силу обрел,
На родном говоря языке,
Ты простою беседой, мой друг, поборол
Все печали, дав крылья строке.

*Перевод с юкагирского
А. Борисовой.*

Владислав АВДЕЕВ

Чужие письма*

Повесть

***

Назавтра Люба – она работала поварихой в столовой – отпросилась после обеда и вместе с Катей и Ивановым отправилась на кладбище помянуть отца с матерью.

Кладбище представляло собой убогое зрелище, как и сама деревня: покосились кресты, все заросло травой, ограда кладбища развалилась.

– А вот и папа с мамой. У нас семья интернациональная – у папы отец был русский, а мама якутка. А у меня мама эвенка, звали Сулакикан – лисичка. Папа так и звал ее «лисичкой».

Постояли возле оградки, выпили по стопке водки, съели по блину, что Люба принесла из столовой.

– Папа никому не давал браконьерничать, вот его и убили. И теперь делают в тайге, что хотят. А раньше так все дружно жили.

Только вернулись, появился Кычкин:

– Пошли ко мне, Зоя говорит, давно тебя не видела, да и хочет посмотреть на твою жену.

Ковалева Кычкин не пригласил, и Иванов подумал: «Они что, ходят тут все под Николаем?»

Пока шли к дому Кычкина, встречные сельчане уважительно, склонив голову, здоровались с Николаем, называя его по имени и отчеству. Свежесрубленный дом Кычкиных отличался от остальных домов своей белизной и казался лишним среди старых почерневших срубов, нарушая устоявшийся порядок.

Пополневшая Зоя встречала гостей на крыльце, обняла Иванова, поцеловала в щеку.

– Как я рада тебя видеть! – и внимательноглянула на Катю. – Выбрал все-таки? А мы думали, так и будешь холостяковать. Разбаловали тебя женщины. Ты, Катя, – Зоя сразу перешла на «ты», – держи его вот так, – она сжала кулак. – Мужик тебе хороший достался, но волю ему давать нельзя. А теперь всем мыть руки и к столу.

За столом Зоя снова оглядела Иванова, прижала руки к груди.

– Ой, как хочется всех наших увидеть!

– А где мой друг Николашка и Яна?

– В Чурапче, у бабушки.

– За встречу! – поднял стопку Кычкин.

Выпили, и Зоя попросила:

– Расскажи, Юра, как там наши. Ведь единой семьей были, да и Кате интересно будет послушать.

Некоторые из упоминаемых имен и фамилий были Кате знакомы, некоторые она слышала впервые. Кто-то продолжал служить в полиции, а кто давно уже был на гражданке. Но, как поняла Катя, они, те, кто в одно время закончил учевку и пришел в ППС, по-прежнему поддерживали отношения. И первые годы службы виделись им как самые счастливые.

Когда Иванов закончил свой рассказ, начались воспоминания. Воспоминания были разные, грустные и веселые. Катя смеялась вместе с ними и не

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

могла поверить, что заливающийся смехом Кычкин и есть тот участковый, что подселил к Любе бандита.

Когда Кычкин вышел покурить, и с ним за компанию Иванов, Зоя грустно сказала:

– Зря Николай согласился на эту работу. Родственники наши в Чурапче, кто сюда поедет? Вот жду не дождусь, когда его обратно в Якутск переведут. Начальник райотдела пообещал похлопотать.

Мужчины на крыльце говорили об этом же, но только совсем другое:

– Темнить, Юра, перед тобой не буду, оказался я здесь благодаря родственникам, и возврата в Якутск мне не будет. Хотя Зоя об этом не знает, сказал ей, что срок отработаю и вернемся. В Якутске обо мне скажи только Соловьеву. Натворил я дел в свое время, чуть в сторону свернул и понеслось. Вернуть бы все и начать сначала. Ладно, пошли. Я так рад твоему приезду.

И снова воспоминания, воспоминания, потом долго прощались на крыльце, поочередно глядя добродушную лайку, и, наконец, разошлись, когда уже начало темнеть.

Отшли от дома Кычкиных, и Катя сказала:

– Не верится, что Кычкин и есть тот участковый, что подселил к Любе бандита.

– В каждом человеке столько намешано... Когда стояли на крыльце, сказал: вернуть бы все и начать сначала.

– Прошло два дня, а мы ничего не выяснили. Со стороны посмотреть, Люба ведет себя как обычная жена. Как сказать ей, зачем мы здесь?

– Завтра утром мы с Ковалевым пойдем на речку, Кычкин будет испытывать новый лодочный мотор, из райцентра привезли. Вот ты в это время и поговори с Любой откровенно.

К дому подошли уже в темноте и не заметили бы Ковалева и Воронова, что сидели под сосной, если бы Ковалев не спросил:

– Наговорились?

– Наговорились.

Воронов с неожиданной злобой сказал:

– Менты любят языком чесать.

Иванов скрипнул зубами и прошел в дом. На предложение Любы попить чаю отказались:

– Спасибо! Мы – спать.

Если вчера Иванов уснул сразу, сказались усталость от дороги и выпитая водка, то сейчас прикос-

новение Кати, которого невозможно было избежать на узкой кровати, волновало его и не давало спать. Промучился до полуночи.

Катя не могла уснуть по той же причине.

***

Кычкин появился, когда они завтракали:

– Встали? Пошли, посмотрите, что я приобрел. Мотор – зверь.

Катя с Любой стояли на крыльце, смотрели им вслед, когда мужчины свернули с дороги к реке. Люба, словно Ковалев мог услышать ее, прошептала:

– Вы с Юрой не женаты.

– Почему ты так решила? – растерялась Катя.

– Сразу видно. Молодые муж и жена и смотрят друг на друга по-другому и лишний раз коснуться норовят. А вы просто знакомые. Да и не сестра ты мне: мама, когда умирала, сказала, что, кроме тети Эльзы, родни у нас нет.

Катя спустилась на ступеньку ниже, села на крыльцо. Люба примостилась рядом:

– Откуда ты знаешь тетю Эльзу?

– Эльза была нашей соседкой. Когда стали приходить твои письма на ее адрес, я попыталась найти ее и узнала, что она в Швеции. Когда пришло твое третье письмо, я подумала: вдруг человек в беде, и одно письмо прочитала. Прочитала и решила, что тебя надо отсюда увозить. А Юра, мы с ним недавно познакомились, согласился мне помочь. Он полицейский, старший лейтенант.

– Никто мне не поможет – если отсюда уеду, то в райцентре обязательно поймут. Я, прежде чем Эльзе писать, два раза пыталась убежать. Первый раз успела до райцентра добраться, Башев был в запое и проворонил меня. Но, как назло, в аэропорту нарвалась на Кычкина. Второй раз уехала с Нилом, так навстречу из райцентра выехала полиция, заставили Нила везти меня обратно. А Башев так избил меня, – голос Любы дрогнул. – Скотина! Я в положении уже два месяца. Кычкин сказал, что привезет медсестру и та сделает аборт. Я так на тетю надеялась, у нее в полиции были важные знакомые. А теперь всё, утоплюсь, наверное.

– Не всё. Мы тебе обязательно поможем. Юра, он такой...

– Как? Башев тоже понял, что вы не женаты, вчера говорил об этом с Михаилом. Решили, что

вас нельзя выпускать из Крестовой, а надо закопать здесь. Башев говорил, что Юра подсланный мент. Они испугались, ходили раньше по деревне, как хозяева, а теперь испугались. Вы хоть обнимайтесь, целуйтесь, а то ходите, как чужие. Если Кычкин узнает, что вы его обманываете, тут такое будет. Он страшный человек. Когда Кычкин здесь появился, то сразу стал браконьерничать. Папа его предупредил раз, два, а потом поймал с поличным, составили при свидетелях акт. Приезжал следователь или прокурор, я точно не знаю, завели на Кычкина дело, вылетел бы из полиции. Однако следователь до райцентра не доехал, говорили, утонул – мол, моторка налетела на топляк. Это дерево такое, намокло и плывет почти стоя, заметить трудно. Хозяин моторки выжил, в деревне говорили, он моторку специально на топляк направил. Еще говорили, что следователя просто убили и – в реку. Никто правды не знает. А вскоре папа ушел в тайгу и не вернулся, болтали, что встретился с Бальбукэ – это человек-зверь, но все понимали, что его убили. Кычкин привез из района нового охотоведа, Башева и Михаила назначили лесничими, и теперь Кычкин хозяин этого леса. Чувствуешь, дымом пахнет – тайга недалеко горит, а они пьянствуют. Когда мама умерла, он папе и мертвому продолжал мстить – привел в наш дом Башева и пьяный заявил: пусть, мол, твой отец «спасибо» скажет, что я дочь его пристроил, и засмеялся. Скотина! Его все боятся, видела, как с ним здороваются? Барин. Уезжать вам надо, и побыстрее. Ладно, пойду обед готовить, был бы яд – отравила.

Люба зашла в дом, а Катя осталась на крыльце, оглушенная услышанным. Знает ли Зоя, с кем она живет, или нет? Зачем она прочитала Любино письмо? Зачем, зачем они сюда приехали? И почему так долго нет Иванова? Надо рассказать ему все, что она услышала от Любы.

Но первым пришел Ковалев, вымыл руки под умывальником и, проходя мимо Кати, звучно хлопнул ее по заднице.

– Вы что делаете? – возмутилась Катя.

– Пока ничего. Но если бы ты знала, сучка, что тебя ждет! Ты будешь рада, я постараюсь.

Эти слова так напугали Катю, что она побоялась войти в дом и все высматривала Иванова, а когда он появился, то не вытерпела и помчалась навстречу.

– Где ты ходишь? Мне одной страшно.

– Да у них тут катер стоит – «Костромич». Кычкин попросил глянуть, я же бывший речник.

– Юра, когда мы уедем? Я больше не могу здесь оставаться!

– Как и говорили, на пятый день, я и Кычкину назвал день отъезда. Завтра поработаю на теплоходе.

– Я пойду с тобой, – решительно сказала Катя.

– Будешь у меня за моториста.

О том, что сделал Ковалев, Катя решила Иванову не говорить, зная его характер.

– Юра, Люба сказала, что Ковалев и Воронов догадались, что мы не муж и жена, а ты – подсланный мент. И Люба слышала, как они угрожали нас отсюда не выпустить, а закопать здесь.

– Мечтать не вредно.

Когда вошли в дом, Ковалев сделал в сторону Кати неприличный жест, и Катя была рада, что этого не увидел Иванов.

Перед обедом подъехал на мотоцикле Кычкин:

– Обедали? Нет. Это хорошо. Поехали к нам, Зоя такой борщ сварила и карасей нафаршировала. Объедение! Сергей, – обратился он к Ковалеву, – ты что, не видишь? Дым по деревне, тайга горит, и где-то рядом. Соберите мужиков и туда.

Если бы Кычкин видел, какими злыми взглядами проводили их Ковалев и Воронов!

За столом мужчины говорили о теплоходе:

– Прошлой осенью геологи здесь застряли, двигатель у них заглох, завести его, как не пурхались, они не смогли, и уехали. А зимой их фирму прикрыли, теплоход списали. Это точно, я узнавал. Так что он теперь наш. Если теплоход будет на ходу, мы такое дело провернем! В райцентре я уже давно присмотрел баржонку, много лет без дела стоит. Договорюсь с районным начальством и будем снабжать все наслеги, что вдоль реки стоят. Может, Юра, поживешь еще с неделку?

– Не могу. У Катиной матери большое сердце, начнет волноваться, если задержимся. Она вообще Катю не хотела отпускать. Лучше сделаем так: я отвезу Катю, а сам вернусь, доделаю двигатель. Заодно порыбачу и поохочусь.

– Это дело, – потер руки Кычкин, – а в райцентр я вас сам через два дня доставлю. Вот тебе ключи от теплохода, посмотришь. А я попробую дозвониться до лесхоза, пусть людей пришлют. Если

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

разгорится, потом не потушить, дождя давно не было, в лесу сушь.

Катя осталась с Зоей.

– Здесь одни старики и старухи, да малые дети, которых спихнули старикам. Даже поговорить не с кем, – начала жаловаться Зоя. – Николай уедет в район или на охоту – вообще одна. Не было бы детей, давно бы с ума сошла. Я же родилась в Якутске, и все время, пока не переехали сюда, прожила в городе. Родственники, знакомые, друзья – всегда вокруг было полно народу. А тут... Так бы пошла работать. А куда? Я по профессии бухгалтер... – Зоя плакалась, пока не вернулись мужчины.

***

Вернулись они к ужину, долго мыли руки, а когда вошли в дом, запахло соляжкой. По довольному лицу Кычкина было понятно – теплоход можно восстановить.

– Меня завтра до обеда не будет. Звонил глава наслег – драка со стрельбой. Видно, Нил водку туда привез. Заодно загляну в соседний наслег. Прямо сейчас и поеду. Так что, Юра, поработаешь один.

– У меня помощница, – Иванов поцеловал Катю в щеку. – Мы все делаем вместе.

– И правильно, так и надо, – похвалила Зоя. – Мы с Николаем даже на охоту вместе ходили.

– У них просто в топливо попала вода, и заклинило топливный насос, надо было слить воду, прокачать насос и все. А они, видно, торопились домой. Я нашел и новые плунжера к насосу, и распылители к форсункам. Все заменим, проверим и газораспределение. Твоя задача найти аккумуляторы. «ЗДб» движок мне знакомый, так что разберемся, – Иванов говорил это увлеченно, как человек заинтересованный.

И когда покинули дом Кычкиных, Катя не вытерпела:

– Тебе в самом деле нравится работать на теплоходе или ты так ловко прикидываешься?

– Во-первых, я моряк, речник. Короче, морская душа, и я не могу спокойно смотреть на идущие суда, и мне приятно, что появилась возможность повозиться с движком, побыть на теплоходе. Во-вторых, этот теплоход может нам ох как пригодиться, и делаю я двигатель не для Кычкина, а для нас.

– Ты думаешь, мы...

– Именно так.

– Ох, Юра! – Катя чмокнула Иванова в щеку.

Ковалев и Воронов сидели все за тем же столиком. Увидев Иванова и Катю, Ковалев заорал:

– Люба!

Та мгновенно появилась на крыльце.

– Разве это твоя сестра? Говорила, что приехала к тебе, а сама днями ошивается у Кычкиных. Ничего, мы выведем их на чистую воду.

Видя, что Люба по-прежнему стоит на крыльце, Ковалев лениво махнул рукой:

– Все. Свободна.

Люба вошла в дом, шепнула Иванову:

– Они собираются идти к Кычкину, чтобы он узнал, работаешь ты в полиции или нет. Уезжать вам надо побыстрее, и мне не поможете и сами погибните.

– Кычкин уехал, вернется завтра к обеду. А мы к этому времени что-нибудь придумаем.

Утром Катя пошла на реку вместе с Ивановым.

– И что ты там целый день будешь делать? – пытался отговорить ее Иванов.

– На тебя смотреть, – не могла же Катя сказать ему, что боится Ковалева.

– Тогда пошли.

У реки рыбачили ребяташки, горел костер.

– Ты рыбачила удочкой?

– Я вообще не рыбачила.

– Сейчас мы это исправим, – Иванов подошел к ребятам, спросил:

– Клюет?

– Понемногу.

– У вас не найдется лишней удочки и банки с червями? Я заплачу.

– Берите мою, я ухожу, и черви есть, вот, – веснушчатый парнишка ковырнул в банке землю пальцем, показывая, сколько в ней червей.

– Сто рублей хватит?

– Хватит. Вы никуда не уходите, здесь рыбачьте. Хорошее место, вот сколько поймал, – приподнял парнишка кукан.

– Молодец! – похвалил его Иванов. – Ладно, мы тоже постараемся.

Иванов показал Кате, как наживлять червя, как забрасывать удочку.

– Лови. А я поработаю.

Иванов поднялся на теплоход, глянул из рубки

на Катю, на ее стройную фигуру. Эта девчонка все больше нравилась ему, нравился ее характер, и он спрашивал себя: неужели влюбился? Этого еще не хватало. Иванов тяжело вздохнул, взял ведро, спустился с ним на берег, черпанул в него воды и поставил рядом с Катей:

– Это тебе под рыбу. Если что, крикнешь.

Рыбачила Катя с неохотой, но только до первого пойманного ельца. После этого рыбалка захватила ее, и все внимание Кати было приковано к поплавку. Когда Иванов пришел посмотреть, как у нее идут дела, в ведре плавали ельцы и четыре окуня.

– Да ты заправская рыбачка. Ты рыбачка, я моряк, ты на суше, я на море – нам не встретиться никак! Все, я за тебя спокоен, иду работать.

Иванов ушел, а Катя подумала: как было бы хорошо, если бы у Максима был характер Иванова. Максим, наверное, загорает в Таиланде с блондинкой Викой. Катя представила их вместе и тихо простонала, но тут рядом рыбачившие мальчишки дружно закричали:

– Тетя! Клюет!

И Катя схватилась за удочку, забыв и про блондинку и про Максима: уж слишком крупная рыба сидела в этот раз на крючке – даже согнулось удилище. Следуя советам обступивших ее ребяташек, Катя все же вытащила на берег огромного окуня. И не вытерпела, понесла его на теплоход, чтобы показать Иванову. Иванов глянул на окуня:

– Да ты молодец! И нравишься мне все больше и больше.

А насчет Максима Катя ошибалась. Черкашин уже прилетел в райцентр и даже нашел хозяина попутной моторки, но в Крестовую она шла только утром следующего дня. Никифор, хозяин моторки, посоветовал:

– Ты в заезжей переночуй, она недалеко. Иди прямо, увидишь вывеску, там и столовая рядом. Выезжаем в пять, смотри не проспай.

Заезжая пустовала, и Максим поселился в комнате один, чему был, конечно, рад.

В столовой Черкашин попал за один столик с двумя молодыми симпатичными женщинами непонятной национальности, которую трудно было определить – что-то русское – якутское – эвенкийское. Женщины были из Крестовой, в райцентр приехали за продуктами. Возвращаться они соби-

рались утром и, конечно, заинтересовались, что такому молодому и красивому мужчине делать в Крестовой.

И Черкашин от их взглядов, от внимания совсем забыл, в какое опасное место он едет, а может, еще и потому, что молодые женщины совсем не выглядели испуганными, а были веселы. Значит, в Крестовой не так уж и опасно. Во всяком случае, Черкашин распустил хвост и сказал, что едет в Крестовую, чтобы помочь своему другу полицейскому, который уже там, спасти от бандита Любу Тулушеву.

Вот это была новость! Бедные женщины чуть с ума не сошли – оттого, что этой новостью не с кем было здесь поделиться. И надо было как-то дожить до завтра, до прибытия в Крестовую.

***

К обеду Катя устала от жары, от рыбалки, и когда Иванов крикнул, чтоб она шла домой, он ее догонит, Катя стала послушно подниматься по косягу. Иванов занес на теплоход удочку, ведро с рыбой и пошел следом.

Уже возле дома Катя оглянулась. Иванова не было видно, но ей так хотелось пить.

На крыльце сидел Воронов:

– А где мент, не утонул?

– Не дождетесь.

Катя прошла в дом, и тут же очутилась в объятиях Ковалева.

– Попалась, сучка! – Ковалев занес Катю в комнату и бросил на кровать. – Сейчас ты у меня..

Катя изловчилась и пнула Ковалева в пах, и пока тот, согнувшись, стонал от боли, кинулась вон из дома. Но на крыльце ее перехватил Воронов:

– Кто же бегаёт от своего счастья? Я буду у тебя вторым.

Появился разъяренный Ковалев. Ударом кулака в лицо сбил Катю с ног, схватил за волосы и потащил в дом.

Крики Кати о помощи услышали соседи, но дальше своего крыльца никто не пошел. Правда, старик Мыреев схватился было за ружье, но дорожку преградила жена, запричитала: «Ты что, хочешь меня вдовой оставить?»

А Иванова задержал Нил Егорович, спрашивал, можно ли наладить катер. Иванов не стал говорить правду, а сказал, что вряд ли: все так запущено,

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

не хватает много деталей. Чем и успокоил Нила. Крики Кати Иванов услышал издали и перешел на бег, залетел во двор, ударом кулака сбил с крыльца Воронова, преградившего ему дорогу, и ворвался в дом. Увидел Катю, что отчаянно отбивалась от навалившегося на нее Ковалева. У стены лежала Люба, из носа у нее текла кровь. Ковалев услышал шаги, вскочил с кровати, но от страшного удара грохнулся на пол. Иванов начал было его пинать, но тут закричала Катя:

– Юра!

Ее крик заставил Иванова оглянуться – Воронов держал в руке топор. Недолго думая, Иванов схватил табурет и опустил его на голову Воронова.

– Ментовская сука! – стал подниматься Ковалев.

И Иванов, чтоб в драке не пострадала Катя, забрал топор у Воронова, который стонал, держась за голову обеими руками, вышел на крыльцо и подальше забросил топор. Следом вылетели Ковалев и Воронов. Ковалев оказался крепким мужиком, несколько раз Иванов сбивал его с ног, но тот поднимался и снова нападал. Иванов давно бы покончил с ним, но мешал крутившийся вокруг них Воронов, пытавшийся ударить Иванова ножом.

Драку остановил выстрел.

– Это что такое? Вы что творите? Сейчас перестреляю всех на хер! – Кычкин тряс пистолетом. – Юра, что случилось?

– Эта сволочь хотела изнасиловать Катю.

– Что? – Кычкин сунул пистолет в кобуру, подошел к Ковалеву, лицо которого было одним сплошным синяком, сильным ударом свалил его с ног и стал пинать. – Тебе что, сука, жить надоело?

Ковалев лишь прикрывал лицо, даже не собираясь оказать сопротивление Кычкину.

– А ты ножичком решил поиграть? – шагнул Кычкин к Воронову и с силой пнул того в пах. – Сейчас застрелю обоих и оформлю как нападение на участкового.

Иванов вошел в дом, обнял плачущую Катю, возле которой уже сидела Люба с заплывшим глазом. Вскоре появился Кычкин:

– Скоты! Напишешь заявление, посажу обоих. За попытку изнасилования надолго сядут. Взял бы и застрелил.

– Не убегут? – подыграл Кычкину Иванов.

– Куда? В тайгу? Так сдохнут там через неделю.

Никуда они не денутся. И что на них нашло, вроде нормальные были мужики. Выпить только любили. В этом доме вам оставаться больше нельзя, я подселю вас к Мыреевым. Они живут вдвоем, места в доме много.

– Я тоже пока поживу у Мыреевых, – сказала Люба. – Если останусь, он меня приберет. Я его несколько раз огрела кочергой, когда он пытался изнасиловать Катю.

– Да не тронет он тебя, я обещаю, – положил ладонь на грудь Кычкин. – У тебя свой дом есть, зачем куда-то идти.

– Нет, я к Мыреевым.

– Ну, смотри, – прозвучало это не как разрешение, а как угроза.

Мыреевы жили по соседству с Тулушевыми. Такой же добротный дом, чистый двор. Хозяин – якут небольшого роста, сухощавый и жилистый, и русская жена – широколицая, с добрыми глазами. На слова Кычкина, не поселят ли они у себя постояльцев, отреагировали сразу:

– Пусть живут, сколько хотят, мы будем только рады. Пойдем, дочка, тебе надо отдохнуть, – хозяйка обняла Катю за плечи и повела в дом. Следом ушли Люба и хозяин.

Кычкин тяжело вздохнул:

– Я бы подселил вас к себе, но не хочу, чтоб Зоя увидела Катю такой. Она и так боится одна оставаться. Я одного не понял: ты-то, Юра, где был?

– Да Нил Егорович остановил, спросил про катер, можно ли его восстановить. Я сказал, что восстановлению не подлежит.

– А на самом деле?

– Если аккумуляторы достал, то скоро можно будет выпить за первый дымок.

– Дымок?

– У нас на флоте, когда весной первый раз заводят двигатель, по традиции всегда пьют за первый дымок.

– Хорошая традиция. Обязательно отметим. А аккумуляторы есть, у нас в гараже стоит двигатель для аварийного освещения, вот там и обнаружил запасные аккумуляторы для него.

– Ладно, пойду посмотрю, как Катя.

Только Иванов вошел в дом, хозяйка приложила палец к губам:

– Спит Катя. Я ей настой травы успокоительной дала, до вечера будет спать.

– Поселились, а как вас звать – не знаем.
– Меня Дарья Акимовна, а мужа Семен Прокопьевич. Может, пообедаете?

– Спасибо! Я потом. Пойду поработаю, пока Катя спит.

Иванов шел, обзывая себя разными словами – это дьявол подсунул ему Нила с его расспросами. Как он мог оставить Катю одну? Что теперь она будет думать о нем? Как он посмотрит в глаза ее матери и тети? Люди доверили ее ему, а он... Еще никогда в жизни Иванову не было так плохо.

Однако, поднявшись на теплоход, он сразу взялся за работу. Первым делом слил воду из топливного бака. Воды было не так уж и много, и это обрадовало Иванова: значит, геологи просто забункеровались топливом с водой, и трещины в корпусе нет. После этого он прокачал топливный насос, проверил масло в картере. Для пуска двигателя не хватало лишь аккумуляторов. Иванов еще раз хозяйским взглядом оглядел машинное отделение и поднялся на палубу. Неподалеку на «своем» месте рыбачил веснушчатый парнишка. Иванов взял удочку, ведро с рыбой и подошел к парнишке:

– Возвращаю удочку и отдаю улов. Забирай.

– Вы же заплатили, удочка ваша.

– Бери, бери.

Парнишка заглянул в ведро и с уважением сказал:

– Вот это окунь! У меня недавно такой же сорвался. А тетя не будет больше рыбачить?

– Не будет... Не будет, – повторил Иванов, поднимаясь на теплоход. Зачем он отпустил Катю одну? Бедная девочка, он так виноват перед ней. И, главное, ничего нельзя исправить. Ничего. Иванов простонал, схватившись за голову.

Мчавшийся по берегу мотоцикл свернул к теплоходу и остановился у трапа.

– Юра, принимай аккумуляторы. Новые, муха не сидела, – Кычкин поочередно занес оба аккумулятора на палубу. – Заехал к Мыреевым, сказали, ты ушел. Когда выпьем за дымок?

– Завтра в обед.

– Ладно. Я поехал.

Иванов проследил, как Кычкин на мотоцикле лихо поднялся по единственному на всю деревянную взвозу, и начал спускать аккумуляторы в машинное отделение.

После того, как он присоединил аккумуляторы, Иванов проверил, в каком положении находится рычаг редуктора. Поднялся в рубку и, перекрестившись, нажал кнопку «Пуск». Двигатель завелся сразу, заработал легко, ритмично. Иванов глянул на приборы – давление и температура масла были в норме. Когда двигатель прогрелся, Иванов включил редуктор и поработал винтом. Теплоход был готов к работе.

– Ладно, – вслух сказал Иванов, – посмотрим, кто кого.

Он заглушил двигатель, закрыл двери теплохода на ключ и стал подниматься по косоугору.

***

Возле дома Мыреевых Иванов невольно замедлил шаги. Что он может сказать Кате, разве такое прощают. Он бы с удовольствием исчез, растворился, но об этом можно было только мечтать. Он вошел во двор, погладил черную с белыми бровями лайку:

– Вот такие, брат, дела, – и вошел в дом.

Мыреевы и Катя с Любой сидели за столом, ужинали.

– Вовремя вы, мы только сели. Умывальник во дворе, сейчас дам полотенце, – поднялась хозяйка.

Усаживаясь за стол, Иванов глянул на Катю – желто-синее лицо, один глаз заплыл, губы опухли. Дарья Акимовна заметила его взгляд:

– Ничего, Юра, сделаю вашей жене примочки, все быстро сойдет. Я что хотела спросить: зачем вы ремонтируете катер для Кычкина? Мало что на него работают Нил и другие. Да-да, все, кто занимается торговлей, берут у него разрешение, за деньги, конечно.

– Я ремонтирую теплоход для себя. Собственно, он уже готов к работе. Теплоход – это наш шанс уехать отсюда. Семен Прокопьевич, вот, к примеру, выехали мы из Крестовой, а Кычкин позвонил в райотдел – и нам навстречу выдвинулась полиция. Где нам лучше сойти на берег, но в таком месте, чтобы можно было дойти пешком до райцентра?

– Лучше всего, конечно, возле топографической вышки, ее с реки хорошо видно. И тропинка там идет вдоль реки до самого райцентра, не заблудитесь. И рядом глубокая курья, заросшая тальником, так что вы там сможете спрятать катер, чтоб они не узнали, где вы вышли на берег. Если

раньше высадитесь, там места болотистые, и придется идти берегом, с реки могут заметить. Сразу дам совет: вечером не шумите. Если будете кипятить чай, то костер сразу гасите, и не отзываетесь на незнакомые голоса. Потому как бродит в тех местах получеловек-полузверь. Эвенки называют его Бальбукэ. Встреча с ним опасна, приводит человека к помешательству или к болезням.

– Это что, легенда?

– Это жизнь. Вроде бы один охотник убил беременную олениху. Он не умер с голоду, значит, причины убивать ее у него не было. И боги наказали его.

– Боги?

– Да, боги, наши местные. Они всегда рядом, мы просим у них помощи, верим в них. Не потому, что мы такие темные, просто в городе древним богам не нашлось места, и они остались здесь с нами. Я молюсь своим богам, они ближе. Если сами не помогут, то скажут, кому надо, обо мне. Вера – это двусторонняя связь, если ты не веришь в Бога, то и тебя для Бога нет. Не придет, не поможет, как не кричи. А Бальбукэ – это мелочь. В городах, поди, что-то пострашнее народилось, только пока истинную рожу не показывает. Газеты почитаешь: что же это творится? Человек такого сделать не может, только абаасы... А про Бальбукэ говорят, что не трогает он только беременных женщин. Но мы ушли в сторону. Когда вы собираетесь отплыть?

– Есть два варианта. Первый – отплыть рано утром. Но Кычкин обязательно позвонит в райотдел и будет сам преследовать нас на моторке. И второй вариант – Катя с Любой прячутся на теплоходе. В обед туда обязательно придет Кычкин, посмотреть на первый дымок. Я его связываю, и он едет с нами в райцентр, звонить в полицию некому. Доберемся до райцентра, доложим в Якутск о беглых преступниках.

– Второй вариант, конечно, лучше, – одобрил Семен Прокопьевич. – Представляю, что будет чувствовать Кычкин, когда вы его свяжете. Он ведь ведет себя как барин. Но будьте осторожны, он хитрый и умный, и вполне может догадаться о вашем плане. У нас был тихий, дружный, интернациональный наслег, но с приходом Кычкина и его друзей все изменилось. Глава наслега полностью подчинился ему и без его команды ничего не делает. А Кычкин первым делом разъединил людей

– одних приблизил, других начал притеснять. Для нас охота и рыбалка всё, оленеводство давно в упадке. Так вот он одним разрешает охотиться и рыбачить в любое время, другим строго в те дни, которые укажут власти в Якутске. Если вышел на день раньше – всё, штраф. Заберет на время охоты ружье, членский билет. И люди как-то незаметно стали другими, вот что страшно. Заговорил я вас. Стели, хозяйка, ребятам постель, пусть хорошенько отдохнут, завтра у них трудный день.

– Сначала я девчонкам примочки приготовлю.

– А мы с Юрой посидим на крыльце, покурим.

На крыльце Семен Прокопьевич раскурил трубку, пустил струйку душистого дыма:

– Что не куришь, молодец. А я с малых лет курю и все не могу остановиться. Я что тебя позвал: в райцентр можно позвонить с почты или с фельдшерского пункта, но про разговор будет знать весь наслег. А у Егора Никифорова есть спутниковый телефон, никто про это, кроме меня, не знает. Узнают, быстро доложат Кычкину. Ты скажи, кому надо позвонить, и я завтра с утра схожу к Егору.

– Живет в райцентре Григорьев Алексей Петрович, вот ему надо передать...

Иванов подробно объяснил, что надо сказать Григорьеву.

Кате и Иванову постелили в небольшой угловой комнате. Катя лежала на спине, придерживая на лице примочки. Иванов присел на край кровати.

– Катя, ты прости меня, я так виноват перед тобой.

– Юра, это я виновата. За день до этого Ковалев ударил меня ладонью по этому месту и угрожал. Надо было сказать, а я не хотела лишнего шума и промолчала. Подумала, черт с ним, лишь бы побыстрей уехать отсюда. Дура!

– Нет, виноват я, никогда себе этого не прощу.

– Мы оба виноваты. Ты ведь вовремя успел и рожу ему так разделал, что долго будет помнить. Воронов даже с ножом побоялся к тебе подойти, так ты его измордовал. Хорошо Люба несколько раз кочергой огрела Ковалева, отвлекла на некоторое время. Я так отбивалась, так отбивалась... – Катя расплакалась. – А Любу мы все равно увезем отсюда. Да?

– Увезем. А этих ублюдков арестуем.

– Знаешь, когда Люба сказала Мыреевым, зачем мы с тобой приехали в Крестовую, они совсем

не удивились. Словно так и должно было быть.

– А почему они должны были удивляться? Это в городе каждый сам по себе, моя квартира – моя крепость. А здесь испокон веку все делали сообща, и помочь другому, даже незнакомому, человеку обычное дело. Тебя не тошнит?

– Нет.

– Я боюсь, как бы сотрясения не было.

– Все нормально, Дарья Акимовна какой-то отвар дала. А вот синяки не сойдут. Что скажу маме? Что в темноте свалилась с крыльца?

– Мои синяки тоже не сойдут. Скажем, что с крыльца упали вместе.

Катя улыбнулась и тут же скривилась от боли:

– Ложись, устал ведь. А завтра такой день.

Но всем было не до сна, ни хозяевам, ни жильцам.

Поднялись рано, после завтрака Люба начала собираться на работу:

– Надо сказать, что меня сегодня не будет, но, боюсь, этот бандит обязательно придет туда.

– Сиди, – махнула рукой Дарья Акимовна. – Я сейчас сбегаю до столовой, скажу бабам, чтоб тебя подменили.

Только Дарья Акимовна ушла, мимо дома Мыревых прошагал Ковалев. Увидев его, Люба быстро отпрыгнула от окна:

– Я говорила, припрется в столовую.

Дарья Акимовна вернулась быстро. Забежала во двор, дыша, как загнанная лошадь. И лишь отдышавшись, сказала:

– Беда, ребята, беда! Никифор привез из райцентра какого-то Максима, а тот растрезвонил бабам, что приехал помогать полицейскому спасать от бандита Любу Тулушеву.

– Какой черт его принес? – Иванов аж просто-нал. – Все, быстро собираемся и на берег.

– Я сбегаю за паспортом, – кинулась к двери Люба.

– Пойдем вместе. Катя, ты пока собирайся.

Иванов с Любой не успели вернуться, как к забору подошел Ковалев и закричал, не заходя во двор Мыревых:

– Где Люба?

– Домой ушла, – вынул изо рта трубку Семен Прокопьевич.

– Боже, что будет? – прижала ладони к щекам Дарья Акимовна.

– Юра свернет ему шею, – уверенно сказал Семен Прокопьевич, а ты пока собери ребятам поесть.

***

Бегущего Ковалева первой увидела Люба:

– Ковалев!

– Подождем его здесь, – Иванов снял со стены карабин.

– Я поесть возьму, – Люба стала складывать в старенький выцветший рюкзак продукты.

– Котелок прихвати.

Ковалев взбежал на крыльцо, открыл дверь и тут же свалился от удара прикладом в лицо. Иванов прихватил патронташ, и они с Любой выбежали со двора. Возле дома Мыревых их уже ждала Катя, рядом стояли Мыревы.

– Спасибо вам за все! – остановился Иванов.

– Да бегите, бегите! – замахала Дарья Акимовна. – Не дай бог, Кычкин появится. Бегите!

Отбежали немного и встретили неторопливо идущего Черкашина.

– Вы что, кросс сдаете? – остановился он. – Катя, что с тобой?

С каким бы удовольствием Иванов двинул Черкашину, но лишь приказал:

– Быстро за нами!

– А что случилось-то? Кто-нибудь скажет? Куда мы бежим?

– Рот закрой!

– Не понял.

– Да замолчишь ты, наконец?! – не вытерпела Катя.

– Что вы такие злые? Что случилось?

Черкашину никто не ответил. Сбежали по косогору, поднялись на теплоход. Погони не было.

– Я смотрю, вы тут теплоход приобрели, – сказал Черкашин, но ему снова никто не ответил.

Иванов завел двигатель и спустился в машинное отделение – посмотреть, не подтекает ли где топливо и масло.

– Катя, что с тобой, что случилось? Ты что, не хочешь со мной разговаривать? Что у тебя с лицом?

– Это тебя не касается.

В рубку поднялся Иванов, дал задний ход. И когда теплоход отошел от берега, включил передний ход... Скоро позади остались рыбачившие мальчишки, деревня...

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

– Что случилось? Скажет кто-нибудь, наконец? Юра!

– Зачем ты вообще сюда приперся?

– Помочь вам.

– Помочь? Растрепал первым встречным, что я полицейский и приехал спасать от бандитов Любу. Кто тебя за язык тянул?

– Так получилось.

– Теперь нас, и тебя в том числе, постараются убить.

– Убить? Ты же полицейский.

– Вот потому меня и хотят убить. А все из-за того, что у тебя тепленькая водичка в заднице не держится.

– Ну, виноват. Что теперь, вешаться? Да и кому мы нужны? Никто нас убивать не будет. Что они, дураки, нападать на полицейского? И почему у вас у всех синяки? Катя, кто тебя так?

– Целовались с Юрой на крыльце и упали.

– Сама придумала или кто подсказал? У вас чего-нибудь пожевать есть? Со вчерашнего вечера во рту крошки не было.

– А вот и по нашу душу, – глядя назад, сказал Иванов.

Их догоняла моторка.

– Как начнут стрелять, сразу ложитесь.

– Стрелять? – только сейчас до Черкашина дошло, в какой опасной ситуации они находятся.

Моторка быстро догнала теплоход, пошла параллельным курсом. Сидящий на корме Кычкин показал руками, чтоб они остановились. Но видя, что теплоход не думает останавливаться, передал управление Ковалеву и перебрался на нос. Там достал пистолет и показал Ковалеву, чтобы тот причалил к теплоходу.

– Хочет взять нас на бордаж. Катя, порули-ка, держи судно посередине, – Иванов зарядил карабин, приоткрыл дверь и выстрелил, целясь в мотор.

Моторка дернулась и остановилась. Кычкин дважды выстрелил вслед, полетели осколки стекла от разбитого окна.

– Вот так будет лучше, – поставил карабин в угол Иванов. – Пока они вернутся в Крестовую, пока переседут на другую моторку, мы, возможно, доберемся до топографической вышки.

– А почему не в райцентр? – Черкашин оглянулся, было видно, что он испуган.

– В райцентр нам хода нет, быстро всех перестреляют, – объяснил Иванов.

– А им-то что мы сделали?

– Ничего. Но они заодно с теми, что догоняли нас на моторке.

– Они охотятся за вами. А я-то зачем с вами поехал? Зачем? – повторил Черкашин, хватаясь за голову. – Вот дурак! А все вы – бежим, бежим, впустили меня в эту историю. А я вообще ни при чем.

– Вот когда снова догонят, им это и скажи, – посоветовал Иванов. – А то, давай, я тебя высажу, за светло доберешься до Крестовой.

– Высажу... Они, наверное, видели меня на теплоходе. Вот влип! Надо было оставаться в Крестовой, поселился бы у кого-нибудь.

– Ты скажи, зачем вообще сюда приехал? Лежал бы сейчас в Таиланде на пляже. – Иванов потянулся, мечтательно сказал: – Хочу на море, хочу лежать, слушать шум прибоя, крики чаек, смотреть на красивых женщин.

– Ну, и ехал бы туда! Нет, сам сюда примчался и других за собой притянул, – зло сказал Черкашин.

– Я так и планировал. После командировки – сразу на море, да у отца машина полетела, а им без машины никак нельзя. Поеду следующим летом, – Иванов словно не замечал, в каком состоянии Черкашин.

– Вот жизнь! Получается, я здесь только потому, что у твоего отца где-то за тысячи километров отсюда сломалась машина.

– А что здесь удивительного? Мы все в одной лодке, и каждое наше действие, хоть косвенно, но влияет на других. Только люди об этом не думают. Да и хватит об этом, давайте чего-нибудь пожем. Я смотрю, Максим, ты без сумки. Думал управиться здесь за день?

– Ничего я не думал. Украли сумку в заезжей, пока я в столовую ходил. Окно было открыто, но мне и в голову не пришло, что кто-то может залезть среди бела дня. Хорошо, куртка была на мне, а то бы остался без документов и денег. Еще подумал, что это знак: не надо мне никуда ехать. Нет, приперся. А мог бы уже сегодня быть в Якутске...

После перекуса Черкашин уже ничего не говорил, сидел впереди рубки на скамье, смотрел на проплывающие берега, не забывая время от времени оглядываться. Молчал и Иванов, лишь о чем-

то шептались Катя с Любой. Немного всполошились, когда увидели встречную моторку, Иванов схватился было за карабин. Но тревога оказалась ложной – Нил Егорович вез в наследи очередную партию спиртного. Появление катера поразило Нила, он даже на время забыл, что управляет моторкой, и чуть не врезался в берег.

Иванов поставил карабин на прежнее место и усмехнулся. Зачем он хватался за оружие? Если Кычкин позвонил, то навстречу им едут не какие-то бандиты, а полицейские, и стрелять он в них, конечно, не будет. Или будет? Если нет, то погибнут Катя, Люба и он с Максимом. Если да, он совершит преступление: ведь не докажешь, да и кто поверит, что районная полиция хотела их убить. Да и как стрелять в ребят? Они, поди, всей правды и не знают, наговорили им, что на теплоходе опасные преступники, и дали команду стрелять на поражение. С другой стороны, вот так просто отдать свою жизнь он тоже не может. И что все-таки в такой ситуации делать?

Иванов решал этот не решаемый вопрос, пока не показалась топографическая вышка.

– Девчонки, скоро высаживаемся на берег, а там комаров... Катя, ты под свой камуфляж надень спортивный костюм, а мой достань и отдай Любе, а то ей быстро ноги обглодают.

Переодевались девчонки за его спиной, и когда раздался смех, Иванов, не оборачиваясь, спросил:

– Что вас так развеселило?

– А ты посмотри, – предложила Катя.

Брюки от спортивного костюма доходили Любе почти до шеи.

– Ничего. Не в платье же лезть в тайгу. Сделайте лямку через плечо, чтоб держались. Смотрится хорошо, еще на нос красный шарик – и можно выступать в цирке. Главное, что комары не будут кусать.

Напротив вышки Иванов увидел вход в курью, в нее и повел теплоход. Почти сразу же курья делала крутой поворот и становилась такой узкой, что приходилось, буквально, продираться сквозь заросли тальника. Курья оказалась не только узкой, но и короткой. Ткнулись в берег, и Иванов заглушил двигатель.

– Все, дальше пешком. Выгружайтесь, я сейчас, – он спустился в машинное отделение, перекрыл топливо и отсоединил аккумуляторы – на всякий случай, если эти попробуют завести двигатель.

Под «этими» Иванов подразумевал компанию Кычкина.

Когда он спустился на берег, Черкашин спросил:

– И куда теперь, кто-нибудь знает?

– Дядя Юра знает. Двигаем к речке, там вдоль нее тропа, по ней и потопаем.

– Далеко до райцентра?

– Если никто не помешает, завтра вечером будем там.

– Завтра? Да нас комары уже сегодня съедят. Это ужас какой-то! – отмахивался Черкашин от тучи комаров, что кружилась вокруг него.

Такие же гудящие тучи висели и вокруг остальных. Иванов сложил в свой рюкзак содержимое рюкзака Любы, то, что дали в дорогу Мыреевы, а также котелок и что взяла из продуктов Люба. Закинул рюкзак за спину.

– За мной! – он на ходу тронул лист березы. – Еще не осень, а листья хоть и зеленые, уже не живые.

– Юный натуралист Юра Иванов на природе, – отозвался на его слова Черкашин.

***

Только подошли к реке, раздался шум мотора, а вскоре показалась и летящая моторка, и в ней пятеро вооруженных автоматами полицейских.

– По нашу душу, – прошептал Иванов. – Многовато, пятеро здесь да трое с Кычкиным. Надо нам с этого места побыстрее уходить.

Черкашин поднял воротник куртки, стараясь прикрыть им уши:

– Знал бы, с капюшоном куртку надел. Вам хорошо, у вас капюшоны.

– Зато у тебя красивая куртка. Значит, так: идем тихо, разговариваем шепотом.

– Это почему?

– Бродит где-то здесь получеловек-полужверь Бальбукэ. После встречи с ним человек или заболевает, или сходит с ума.

– Ты с ним, видимо, уже встречался, раз несешь такую чепуху. Пожил в деревне три дня и начал верить во всякую ерунду. Надо же, придумали – Бальбукэ. А почему не Баба-Яга?

– Вы зря смеетесь, – вступилась за Иванова Люба. – Прошлым летом у Трофимова Сергея гостил брат, и поехали они в это самое место, –

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

махнула в сторону тайги Люба, – пострелять рябчиков. Когда увидели Бальбукэ, Трофимов сразу побежал к реке, а брат решил получше рассмотреть, что это за зверь такой. Охотник он был опытный и ничего не боялся. Трофимов ждал его возле реки, ждал, но брат не появлялся, и он пошел его искать. Брата он нашел, но тот уже не узнавал его – сошел с ума.

– Обычные деревенские байки. Я, когда в деревню к бабушке ездил, чего только не наслушался. Если чего я боюсь, то не вашего Бальбукэ, а комаров, все уши изгрызли, – Черкашин закрыл курткой голову. – Боже, когда это кончится? Они так до самоубийства доведут. Кстати, вы так и не сказали, кто вас так избил, не втроем же вы падали с крыльца.

– Лучше ты скажи, почему приехал? То отговаривал меня, то сам примчался. Что за жареный пух тебя в задницу клюнул?

– Мама у меня, как ты знаешь, филолог. Живет где-то там, среди героев книг, которые совершают разные подвиги. А жизнь – она обыденнее и страшнее, – повторил Черкашин слова отца. – И, конечно, ей захотелось, чтобы сын тоже совершил героический поступок.

– Хорошая у тебя мать.

– А если меня убьют, что эта хорошая мать тогда скажет?

– Что ты погиб, как герой. Разве этого мало? Да никто нас не убьет, один надежный человек уже позвонил, куда надо. И наша задача: день простоять и ночь продержаться. А там и помощь подосплет.

– А как они нас найдут?

– Вот по этой самой тропе, – топнул два раза Иванов, и потому сворачивать с нее нам нельзя.

– Черт! Достали, – Черкашин закрыл курткой голову, и тут же его спину, прикрытую лишь рубашкой, атаковали комары. – Да что же это такое? – взвыл Черкашин. – Я до утра, точно, сойду с ума!

– Подожди, не сходи. Посмотрим, что у нас в рюкзаке, – Иванов достал Катин халат. – Обмотай им голову. Чего мучаешься?

Подождали, пока Черкашин обмотает голову, оставив лишь щель для глаз, и Иванов оценивающе заявил:

– Отступающий француз армии Наполеона. Ладно, двигаем дальше.

Тропа то уходила в сторону от реки, то вновь возвращалась. Возвышенные места сменялись болотистыми низинами, ноги у всех промокли, и Черкашин проворчал:

– Не хватало еще заболеть.

Солнце начало клониться к горизонту, тени от деревьев становились все длиннее. И возле очередного ручья, пересекающего тропу, Иванов сбросил с плеч рюкзак:

– Все! Привал. Ручей, можно руки помыть, – он достал из рюкзака котелок. – Я за водой, кто знает, какая она в ручье. Ваша задача – костер. Тихо! Моторка.

Иванов быстро прошел в сторону реки, спрятавшись за кустами – за рулем сидел Кычкин, кроме него и Воронова с Ковалевым в лодке находился еще и полицейский. Когда шум мотора стал стихать, Иванов спустился к реке, набрал в котелок воды.

Возле костра его встретили встревоженные взгляды.

– Бандиты и с ними полицейский. Отъедут подальше, высадутся на берег и пойдут нам навстречу, а следом за нами, выходит, идут полицейские.

– И что теперь?

– Ничего. Война войной, а обед вовремя. Поедим, сделаем еще рывок и будем устраиваться на ночлег.

– Рывок. Чем быстрее мы уходим от тех, кто нас догоняет, тем быстрее приближаемся к тем, кто идет нам навстречу, – голос Черкашина глушил намотанный на голову халат.

– Такова жизнь. Если будем внимательны, будем держать ушки на макушке и обнаружим бандитов раньше, чем они нас, то просто свернем с тропы и оставим их в непонятках. Тайга большая – пусть ищут, – Иванов быстро соорудил таган, повесил котелок. – Посмотрим, есть ли у нас заварка.

– Есть, – отозвалась Люба, – я целую пачку положила. И две кружки.

– Отлично! Сейчас такой пир устроим.

После ужина скорость сбавили. Всех тяжелей приходилось Кате, не привыкшей к таким долгим переходам. Заметно было, как она устала. И Иванов, наблюдавший за ней, с уважением подумал – настырная. И, жалея ее, не стал ждать сумерек, а объявил ночлег еще засветло:

– Отойдем с тропы так, чтобы нас не было вид-

но, и чтоб в случае чего можно было незаметно уйти.

Спрятались среди густой поросли молодого сосняка. Люба тут же наломала веток, соорудила из них постель и предложила Кате лечь. Катя, откровенно наблюдавшая за ее действиями, покорно легла, свернувшись калачиком и закрыв лицо отворотом куртки. Люба примостилась рядом, прижавшись к Кате спиной к спине. Иванов прилег прямо на землю:

– Будем, Максим, с тобой дежурить по очереди.

– Надо разжечь костер, я так больше не могу, они кусают сквозь штаны так, словно я голый. Может, дым отгонит их.

– Костер привлечет внимание бандитов и Бальбукэ.

– Бандиты тоже остановились на ночлег, а Бальбукэ... Я удивляюсь, что ты в твои-то годы веришь в эти сказки. Я развожу костер.

– Хорошо. Но только не здесь, отойди от нас метров на сто и делай там, что хочешь. Зачем нам рисковать из-за твоей прихоти?

– Я уйду, я вообще здесь лишний. Говоришь, сто метров? – Черкашин пошел в ту сторону, в которую они шли, делая большие шаги и громко считая: – Раз, два, три...

И уже издалека оповестил: «Сто. Спите спокойно, я вам не мешаю».

Иванов только подумал: «Ну, чего орет, дурак?», – как с той стороны, куда ушел Черкашин, раздался дикий вопль, заставив вскочить не только Иванова, но и Катю с Любой. К ним, крича, мчался Черкашин.

– Кто-то пришел рассказать ему сказку на ночь, – Иванов схватил карабин и пошел навстречу Черкашину.

Черкашин споткнулся и, видимо, сильно ударился, потому что простонал на весь лес, но тут же поднялся и снова побежал, оглядываясь на бегу. Притормозив возле Иванова, испуганно зашептал:

– Надо уходить, он там.

– Кто?

– Бальбукэ! Он так смотрел на меня. Я заболел?

– Это надо спросить у него.

Подошли к бивуаку, и на вопрос Кати, что случилось, ответил Иванов:

– К нему приходил Бальбукэ.

– Выходит, он существует на самом деле. А я не верила.

– Максим, может, это был волк или медведь, ты хорошо разглядел?

– Он был почти рядом. Я только начал собирать хворост для костра, поднимаю голову, а он стоит неподалеку. Вроде как человек, только голова у него волчья. Нам надо уходить отсюда.

– Куда? Темнеет. Если Бальбукэ подойдет, просто не надо на него смотреть, чтобы не встретиться взглядами. Ложитесь, девчата, – Иванов сел, прислонившись спиной к сосенке, рядом положил карабин.

Максим тронул лицо:

– Черт – кровь, и, наверное, будет синяк.

– Шрамы украшают мужчину. Ложись, Максим, завтра опять весь день шагать.

В тайге темнота наступает быстрее. Вроде вот только было видно пролетевшую припозднившуюся птицу, а уже темнота захватила близлежащие деревья, словно закрасила их черной краской, закрасила и Катю с Любой, снова занявших свою постель, Максима, прислушивающегося, не послышатся ли шаги. Зато ярче вспыхнули звезды.

Некоторое время Черкашин молчал, а потом зло зашептал. И Иванов подумал, что он шипит, как змея.

– Вы хоть понимаете, что происходит? Из-за одного человека страдают трое. Когда один спасает троих – понятно. Но трое одного, причем рискуя жизнью, такого не должно быть – это ненормально. И вообще ненормально то, что мы примчались в эту деревню. Не появившись мы, Люба продолжала бы жить с этим бандитом и понемногу привыкла бы к такой жизни. Сколько женщин в России живут в похожих условиях, и никто не едет их спасать. Человек ко всему привыкает.

– Но не к скотству. Думай, о чем говоришь.

– Думай? Я-то думал, предупреждал. Нет, вы же рвались спасать, чувствовали себя героями. Такие, как вы, вечно суетесь, куда вас не просят. А нам потом советуют брать с вас пример. Родная мать чуть не силой заставила меня ехать сюда. Надоели мне эти сраные романтики.

– Тут твоя будущая жена, а ты такое говоришь. Все, давай спать.

– Да какая она в ж... жена? Если бы не она, лежал бы сейчас на пляже. От нее вечно будут непри-

ятности. Знаю я таких. Будут без штанов ходить, но последние деньги отдадут какому-нибудь бездомному. Всё рвутся кому-нибудь помочь.

– Разве это плохо? Тебя бы закусили комары, если бы не Катин халат.

– Халат? Да не нужен мне никакой халат! – Черкашин сдернул с головы халат, протянул его Иванову. – Забери. Мне и без него хорошо. А чтобы просто жить, просто? Понимаешь, просто жить. Нет, подавай вам приключения.

– Лучше бы тебя утащил Бальбукэ. А может, у тебя уже началось помешательство? Нормальный человек такое говорить не будет.

– Нормальный как раз и будет.

– Тихо! Кажется, шаги. Молчим и не двигаемся.

Катя сразу поняла, что таким способом Иванов закрыл рот Черкашину. Она почти не обиделась на слова Черкашина, чему была удивлена. Она-то, дура, была в него влюблена. И если бы не письма Любы, вышла бы за него замуж. И, может быть, так бы и не узнала, с кем живет. Катя плотней прижалась к Любе, мелькнула мысль: а что, если придет Бальбукэ? Подумала просто так, без страха, и уснула.

А Любу слова Черкашина обидели, она даже беззвучно поплакала, но вскоре тоже уснула. Дремал и Иванов, закрыв лицо Катиним халатом и спрятав под него руки.

Черкашин быстро пожалел, что отдал халат, но попросить его обратно не позволяла гордость. Он было ложился, свернувшись калачиком и закрыв голову курткой, но комары тут же дружно впивались в поясницу, и Черкашин через пять минут вставал и, тихо постанывая, отмахивался веткой сосны. Комары так достали его, что ему хотелось плакать. А еще он ненавидел. Ненавидел Иванова, Катю, Любу, что преспокойненько спали, ему хотелось забрать карабин у Иванова и расстрелять спавших. Он ненавидел мать, что заставила его ехать в эту дыру, отца, что не смог его защитить от нападков матери, ненавидел женщин, которым сам зачем-то рассказывал о причине своего приезда в Крестовую.

Где-то в середине ночи усталость взяла свое, и Черкашин уснул. Проснулся от боли: жгло лицо, усыпанное впившимися комарами. Черкашин просто растер их по лицу, чувствуя, как начинают опухать веки, уши горели огнем. Это была самая ужасная ночь в его жизни.

Когда начало светать, и Иванов, не расставаясь с карабином, пошел к реке, чтобы набрать в котелок воды, Черкашин схватил халат и обмотал голову. Но это не принесло облегчения, казалось, что его лицо по-прежнему кусает тьма комаров.

Вернувшись, Иванов, глядя на Черкашина, предложил:

– Сходи к реке, вымой лицо, оно у тебя в раздавленных комарах и крови. Да и опухло, смотреть страшно.

Черкашин молча последовал его совету. Возле реки встал на колени и сунул голову в воду – это было блаженство, минутное блаженство. Но стоило отойти от реки, и мучение продолжилось.

***

Вода в котелке закипела быстро, Иванов бросил туда заварку и скомандовал:

– Девчата, подъем! Быстро к реке умываться, туалет тоже в той стороне.

И Черкашин позавидовал его бодрому виду. Когда Катя с Любой вернулись, Иванов заглянул в рюкзаки:

– Посмотрим, что у нас на завтрак. Вареную оленину и пирожки мы съели вчера, есть яйца, тушенка и рыбные консервы. Рыбные консервы оставим на обед, есть будем тушенку. Немного ее подогреем и будет самое то. Хлеба у нас целая буханка, так что пируем. И ложки есть. Люба, ты молодец!

Черкашин хотел было отказаться от еды, но передумал: нужны силы, чтобы добраться до райцентра. И ему плевать, что «троица» переговаривается между собой и, стараясь делать это незаметно, разглядывает его опухшее лицо. Черкашин давно понял, что он среди них лишний и надо этим воспользоваться.

После завтрака Иванов еще раз сходил к реке, принес воды и целую охапку тальника:

– Возьмем чай с собой, а то днем – такая жара... К реке же ходить будет опасно.

Дым от костра, особенно, если бросали тальник, отгонял комаров. И когда Иванов начал тушить костер, присыпая его землей, Черкашину никуда не хотелось уходить, так бы и сидел в спасительном дыму. Но пришлось вставать и идти. Когда проходили мимо того места, где Черкашин пытался разжечь костер, Иванов воскликнул:

– А вот и Бальбукэ, что напугал Максима. А что, издалека похож.

На сухостоину был насажен конский череп, и издали это сооружение напоминало человека со звериной головой.

– Жалко, – сказала Катя, – а я уж думала, что расскажу девчонкам про Бальбукэ.

«Да ты и так расскажешь, дура, – зло подумал Черкашин. – Расскажешь, как Максим Черкашин испугался конского черепа и орал, как оглашенный. И Иванов расскажет ментам, и те, при виде меня, будут ехидно улыбаться, и упоминать Бальбукэ».

Черкашин представил, как это будет, и сжал кулаки. Теперь, когда в их глазах он выглядел трусом, он не может дальше с ними оставаться. Что он сделал, чтобы его убивать? Ничего! Он узнал, что его невеста, будь она проклята, укатила зачем-то в Крестовую, и примчался следом. Только приехал, увидел, как его невеста бежит с двумя людьми к берегу, и побежал следом. Чтобы поговорить с невестой, ему пришлось подняться на теплоход, который тут же отошел от берега, и он стал на нем заложником. А когда узнал, зачем они сюда приехали, то поругался с невестой и порвал с ней. Все это он скажет полиции, но не тогда, когда в них начнут стрелять. Нет, он сам пойдет им навстречу и сдастся. А когда они его отпустят, побежит в райцентр, потому что еще одну такую ночь он не выдержит.

– Иванов, – глухо сказал Черкашин, – я ухожу от вас. Я пойду навстречу полиции, мне они ничего не сделают.

– Хорошо, – не стал отговаривать Иванов. – Хозяин – барин. Блажен, кто верует. Я думаю, ты хорошо продумал, что им скажешь. Говорить ты мастер.

– Я пошел.

– Ни пуха, ни пера! Мы разошлись, как в море корабли.

– А если они начнут в него стрелять? – глядела вслед Черкашину Катя. Обида на него не прошла, но уступила первое место жалости.

– Он Кычкину не нужен, но и отпустить они его не отпустят. Его жизнь полностью зависит от нашей. Если нас убьют, то следом и Максима, как свидетеля. Если мы благополучно доберемся до райцентра, то отпустят и его. Вот такая арифметика.

ка. А сейчас уходим с тропы в сторону и прячемся.

– Зачем?

– Николай умный, скорее всего, он не идет нам навстречу, а сидит в засаде и ждет, когда мы появимся. Так что, кто кого пересидит. Будем пить чай и разговаривать, – Иванов глянул в котелок. – Еще немного – и из чая получится суп с комарами, смотрите, сколько их сюда попадало. А вот и уютное местечко.

Устроились так, чтобы было видно тропу.

– Расскажу девчонкам на факультете – не поверят. Остросюжетный детектив. – Катя налила в кружку чай и вылавливала оттуда комаров. – Готовый сюжет для повести. Ты, Юра, пишешь детективы?

– Не угадала. А просто жизнь, разве она не интересна? Я пишу об отношениях между мужчиной и женщиной, о семье – это важнее и интереснее детективов. Ведь большую часть жизни мы проводим в семье. А отношения между мужчиной и женщиной – это вообще необъяснимо. У нас на теплоходе работала повараха Наташа, ничего особенного: обыкновенная фигура, лицо, жила она – как жена с мужем – с капитан-дублером Комышевым, симпатичным статным парнем. Отношения свои они не скрывали, собирались после навигации сыграть свадьбу. Но в середине навигации заболел моторист, и вместо него нам прислали Олега. Сразу было видно, что не спортсмен, по сравнению с Комышевым – заморыш. А ленивый... Зато мастер говорить. Как-то быстро он сошелся с Наташей. Мы не понимали, что она в нем нашла. На Комышева было страшно смотреть. И капитан помог ему перевестись на другое судно. А когда мы работали на рейде в Сангарах, Олег загулял, и три дня его не было на судне. Капитан решил отправить его в кадры. Наташа тут же заявила: если спишете на берег Олега, я тоже уйду. Была она отличной поварахой, и Олега оставили. А уже перед самым концом навигации стояли мы в порту – ждали, когда разгрузят баржи с щебнем, чтобы везти их в Мохсоголлох. И капитан отпустил на берег всех, кто не был на вахте. Наташа утром пришла зареванная. Оказалось, Олег встретил друга, отслужившего в армии, и предложил Наташе «дать» этому другу. А когда она отказалась, избил ее. На теплоходе Олег больше не показывался и даже не пришел за расчетом. А

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

уже позже выяснилось, что Наташа забеременела от Олега. Вот такая история.

– А Комышев, он простил Наташу? – спросила Люба.

Зная от Кати, что Люба в положении, Иванов понял, что она не зря задала такой вопрос. И не стал говорить правду:

– Чего не знаю, того не знаю. Я перешел в милицию, меня сразу же послали в учебку, потом служба в ППС, в ОМОНЕ. Это только кажется, что Якутск – маленький город. Можно жить на одной улице и не встречаться годами.

На самом деле Комышев уволился сразу же после навигации. Уехала к родителям в Братск и Наташа.

– А взять Максима, – перевел разговор Иванов. – Я знаю его с детства, дрались с ним с ребятами из соседнего двора, никогда не убежал. И вдруг – обиделся на весь белый свет. Такого наговорил, самому потом будет стыдно.

– Не надо было вам говорить, что нас могут убить, – стеснительно сказала Люба. – Никто не хочет умирать.

– Да еще комары, вон как у него лицо опухло. Тут любой не выдержит. – Непонятно было, жалеет Катя Максима или просто констатирует факты.

– А вот и он, легок на помине.

По тропе быстрым шагом шли полицейские и Черкашин.

– Что я говорил, живой и здоровый, – шепнул Иванов, он налил в кружку чай, выпил. – Будете? Тогда выливаю, – он вылил чай, сложил в котелок рыбные консервы и сунул его в рюкзак. – Пойдем следом за ними.

Шли, не приближаясь к полицейским, иногда на открытом месте видели их спины. Прошел час с небольшим, вдруг Иванов остановился:

– Быстро назад! Бегом!

Вслед им прогремел выстрел, второй...

– Бегите! Я догоню, – Иванов остановился и выстрелил по выбегающим из леса на тропу Ковалеву и Воронову.

Те сразу залегли, опасаясь новых выстрелов, но Иванов уже бежал за девушками:

– Сворачиваем в лес.

Лишь когда отбежали на достаточное расстояние, Иванов объявил отдых:

– Все! Надо отдышаться. Чуть не попались.

Полицейские, что шли с Максимом, встретились с Кычкиным, закурили, там валялись свежие окурки. И что они должны были делать дальше? Конечно, идти назад, ведь мы были позади них. Нет, они пошли вперед. Дураку ясно, что кто-то остался в засаде. Чуть не попались, но теперь кто кого. Что-то меня толкнуло в спину, когда побежали, – Иванов снял рюкзак, протянул: – Оп-па! Хорошо стреляют. – Он достал простреленный котелок. – Пуля прошла сквозь консервы и застряла в стенке котелка. Синяк, точно, будет. – Иванов передернул плечами. – Мой спаситель, заберу его с собой, буду показывать внукам. А вот консервы жалко, весь сок вытечет.

– Тебя чуть не убили! – вытаращила глаза Катя.

– Нас всех чуть не убили. Кому рассказать, что меня спасла камбала в томатном соусе, которую я терпеть не мог... Теперь, из уважения к ней, придется изредка покупать.

***

– Юра! – раздался голос Кычкина. – Выходи. А то мы твоему дружку сначала отрежем уши, потом нос и член.

– Черт! Вот об этом я не подумал, что они будут шантажировать Максимом. Не надо было его отпускать.

– Они, в самом деле, сделают то, о чем говорит Кычкин? – спросила Катя.

– Ковалев с Вороновым сделают и не такое. Значит, так: я пойду, посмотрю. А вы, что бы они не говорили, что бы не кричали, не отзываетесь. Люба в тайге своя, так что двигайтесь к райцентру. Я догоню. Честное слово! Все, я пошел. – Иванов снял с плеч рюкзак, передал Кате. – Не потеряй котелок.

– Никуда я не пойду, – упрямо сказала Катя, глядя, как Иванов, согнувшись и прячась за деревьями, двигается к тропе.

– Юра! Повторяю в последний раз: если не выйдешь со своими дамами, твоему дружку будет кирдык. Выходи, подлый трус!

Иванов подошел еще ближе к тропе и первым делом пересчитал преследователей – все были на месте, значит, можно было не опасаться удара в спину. Полицейские, с автоматами на изготовку, смотрели в сторону леса, за их спинами стоял Кычкин. Рядом с полицейскими Ковалев и Воронов

держали Максима, который и не думал вырывать-ся. У Ковалева в руке был нож.

– Юра! Ты оставляешь своего друга без ушей. Послушай, как он будет кричать.

Ковалев только поднял нож, собираясь отрезать Черкашину ухо, как Иванов выстрелил. Он всегда стрелял на «отлично», не промахнулся и на этот раз. Ковалев вскрикнул, выронил нож и схватился за простреленную руку. Тут же раздались автоматные очереди, и полицейские шеренгой медленно двинулись от тропы. Иванов не мог стрелять в полицейских, и потому начал отступать, петляя между деревьями. Но огонь был такой плотный, что избежать ранения ему не удалось – жгучей болью обожгло ногу возле паха. Идти стало трудней, а полицейские приближались, и не было времени остановиться и перевязать рану – кровь теплым ручейком стекала по ноге. Подбежали Катя с Любой, подхватили Иванова под руки.

– Я сказал, двигайте к райцентру.

– Вместе приехали, вместе уедем.

Полицейские, совсем молодые ребята, увидев девчат, дружно, как по команде, перестали стрелять. Но продолжали преследовать:

– Стоять! Будем стрелять!

Расстояние между убегающими и преследователями быстро сокращалось. И тут, усиленный громкоговорителем, раздался знакомый голос командира ОМОНа:

– Внимание! Говорит полковник Неустроев. Работает Росгвардия, вы окружены. Товарищи полицейские, вас обманули, капитан Кычкин предатель, связался с бандитами и преследует старшего лейтенанта Росгвардии Иванова и его жену, потому что они узнали, кто он на самом деле. Предлагаю вам арестовать Кычкина и его друзей бандитов, иначе вы будете уничтожены, как пособники преступников. На размышление даю пять минут. Время пошло. Николай, пока на тебе нет крови, сдавайся!

Полицейским на раздумье хватило минуты, развернувшись, они двинулись к тропе. Воронов быстро поднял руки, Кычкин положил пистолет на землю, но рук не поднимал. Ковалев же при первых словах Неустроева рванул к реке.

Иванов и девчата этого не видели, Катя командовала:

– Брюки приспусти, так, тебе повезло, пуля прошла навывлет. У тебя в рюкзаке бинты есть?

– У дяди Юры все есть.

Заканчивали перевязку, когда подошел Неустроев:

– Иванов, как всегда, в окружении женщин. Уж не кастрировать ли они тебя собрались? Давно пора. – И уже серьезно спросил: – Пуля в ноге?

– Навылет, и кость не задета.

– Ну и отлично. Пошли, пообщаемся с Николаем. Даже не верится, такой парень был.

Вместе с Неустроевым вышли к тропе. Кычкин и Воронов стояли в окружении омонцев и полицейских из райотдела, которые чувствовали себя не совсем уютно. Рядом, прислонившись к сосне, плакал Черкашин. От реки поднимались Виктор Говорин и Соловьев, у Говорина рука выше локтя была перевязана. Говорин обнял Иванова:

– Живой, чертяка! А мы за тебя с Айсеном переживали, думали, не успеем.

– Кто тебя?

– Ковалев, сука. Ерунда, слегка задело.

Обнимаясь с Соловьевым, Иванов спросил:

– Значит, ушел Ковалев.

– От нас не уйдешь, – похлопал себя по груди Виктор, – поймали. Лицо у него... Мы сразу поняли, что это ты поработал.

– Ковалев где?

– Там, – махнул в сторону реки Говорин. – Поймали мы его, а тут Алексей Петрович. Отдайте, говорит, его мне, я хочу с ним наедине поговорить, пусть расскажет, что он с моей семьей сделал. Ковалев так испугался, аж побелел, и начал бормотать: не оставляйте меня с ним, он меня убьет, пусть меня судит суд. Короче, Григорьев залепил ему рот скотчем, видно, заранее приготовил, и мы ушли.

– Представляю их разговор, – передернул плечами Иванов. – Не надо было отдавать ему Ковалева.

– Я тоже против этого, – Соловьев тяжело вздохнул, – но и дядю можно понять. Я смотрю, и девчонкам досталось.

– Досталось.

– А чего Максим такой, плакал, что ли?

– Кычкин грозился отрезать ему уши, нос и член.

– Весело было у вас.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

– Не подоспей вы, вообще бы со смеху померли.

– Как только Алексей Петрович позвонил, я – сразу к Неустроеву. Полковник доложил, кому следует, и нам выделили самолет МЧС. Быстро собрали тех, кто вернулся из командировки, и вылетели. С нами еще летели из прокуратуры и следственного комитета. Первым делом, как приземлились в райцентре, арестовали начальника райотдела и его заместителей. Короче, всю верхушку. И сразу сюда, думали, не успеем.

К ним подошли другие омовцы:

– Повезло Юре, пальнули бы чуть повыше – и остался бы без своего хозяйства.

– Морду бы набил тому, кто стрелял: скольких людей лишил радости.

– Да, не мешало бы посмотреть, что бы Юра без этого хозяйства делал.

– Да он и без этого хозяйства нашел бы, чем женщин ублажить.

– Нашли о чем говорить, рядом девушки.

– Все, молчим.

От реки тяжело поднимался Григорьев, лицо у него было усталое и постаревшее – так, во всяком случае, показалось Иванову, – и каждый шаг давался ему с трудом. Григорьев подошел к Неустроеву, доложил:

– Товарищ полковник, задержать Ковалева не удалось. Пытаясь уйти, он кинулся в реку, но, видимо, то ли не умел плавать, то ли его схватила судорога. Он утонул на моих глазах.

– Алексей Петрович, Алексей Петрович, как же вы так? Ведь это подсудное дело, – Неустроев сморщился как от сильной боли, что-то хотел еще сказать, но промолчал. Воронов, стоявший неподалеку, со страхом глянул на Григорьева и втянул голову в плечи. А Иванов сразу вспомнил, что в тот день, когда Кычкин показывал свой новый лодочный мотор, Ковалев переплыл реку туда и обратно.

Григорьев сошел с тропы, сел, прислонившись к дереву, и закрыл глаза.

Соловьев предложил:

– Пошли, Юра, поговорим с Николаем.

– Погоди, не будем мешать Неустроеву. Да и Николай сейчас в таком состоянии: пусть сначала привыкнет к своему новому положению. В дороге поговорим.

– Я бы поел чего-нибудь, – погладил живот Говорин.

– Есть камбала, правда, без томатного сока, – предложил Иванов.

– Сойдет.

Иванов достал прострелянные консервы. Говорин взял банку, удивленно протянул:

– Не понял. Зачем отверстия насверлили, бракованное, что ли?

– Эти консервы мне жизнь спасли.

– Так это пулевые, ни хрена себе!

– Пойду, рюкзак сполосну, – стал спускаться к реке Иванов. – Хорошо, футболки в пакетах, а то провоняли бы камбалой.

– Тебе камбала спасла жизнь, а меня спасет от голода, – Говорин начал ножом вскрывать банку. – Айсен, ты как относишься к камбале?

С Кычкиным поговорили, когда остановились на привал. Николай, когда они подошли, усмехнулся:

– Воспитывать меня будете?

– А нам это надо? – вопросом на вопрос ответил Соловьев. – Мне вот что интересно: ну, помогли тебе родственники остаться в полиции, так служил бы честно. Что тебя в криминал потянуло?

– Да не потянуло меня. Когда прибыл в район, сразу как-то наладил дружеские отношения с начальником райотдела Егоровым. Когда ездил по делам в район, останавливался у него, он часто приезжал ко мне поохотиться. И почувствовал я себя хозяином здешних мест, охотился и рыбачил, когда хотел. Охотовед, Иван Тулушев, предупреждал меня, да я плевал на его предупреждения. А когда он поймал меня во время браконьерства, причем при свидетелях, я сразу понял, что мне грозит, и позвонил Егорову. Егоров прислал Ковалева и Воронова, их лица показались мне знакомыми, и я подумал, что это бывшие менты. Вскоре они убили Тулушева, а потом утопили и следователя. И я вспомнил, где их видел – на доске «Разыскиваются». После этого Егоров попросил меня найти им жилье в Крестовой. А когда я спросил, знает ли он, кто они на самом деле, он спокойно ответил, что знает. Я, сказал он, их поймал и заключил с ними сделку, теперь они мой спецотряд, будут разруливать трудные ситуации. А то недавно одни козлы-предприниматели отказалась нам платить, так они

быстро поставили их на место. Тебе они помогли, помоги им. Они приедут в Крестовую как лесничество, документы у них в порядке, так что бояться тебе нечего... Надо было мне сразу доложить, куда следует, но начали бы разбираться, и неизвестно, чем бы это закончилось для меня. Я подумал о Зое, о детях и согласился. Жилье они выбрали сами, и я, как власть, поселил их как бы временно. Ковалева поселил к Любе – это была месть Тулушеву, я винил его в том, что из-за него мне приходится сотрудничать с бандитами. Несколько раз Егоров вызывал Ковалева и Воронова в район, после этого в газетах писали о зверском убийстве. А я вынужден был молчать.

– Но как ты мог устроить охоту на Юру?

– Он хотел разрушить мою жизнь, жизнь Зои...

– Подъем! – команда Неустроева прервала их разговор с Кычкиным.

Но между собой Иванов и Соловьев еще долго говорили о Кычкине.

***

С самого начала пути Иванов следил за Катей и видел, как она устала. И, переговорив с Соловьевым, подошел к Неустроеву:

– Товарищ полковник, девочки устали. Мы с Соловьевым вместе с ними отстанем, пусть хорошенько отдохнут.

– Согласен. Не заблудитесь?

– Люба местная, дорогу знает.

И когда после следующего привала все пошли дальше, Иванов придержал девочек:

– Отдыхайте. Не будем торопиться.

Остался с ними и Григорьев:

– Посижу и я с вами. Устал. Пора, видно, умирать. Да и зачем жить, ради кого?

Все промолчали, да и что можно было сказать.

К райцентру подошли, когда начало темнеть. Григорьев предложил:

– Двигаем ко мне. Столовая закрыта, в заезжей мест нет, а я и накормлю и спать уложу.

Только подошли к калитке, как примчался Тишка, и когда хозяин взял его на руки, облизал ему все лицо, повизгивая от счастья.

– Соскучился? Я, брат, тоже. Голодный? Вот вместе и поедим, – Григорьев опустил Тишку на землю. – Разрешите им Бог говорить, сколько бы хороших слов мы слышали бы от них в свой адрес.

Сами-то скупимся на нежные слова, а потом, когда теряем близких, спохватываемся. И, что заметил, собаке или кошке говорим такие нежные слова, а родному человеку стесняемся, что ли. Эх, люди-людишки. Все у нас не так.

Григорьев снял замок, открыл дверь дома:

– Проходите, переодевайтесь, мойтесь. Я сейчас воды в умывальник налью.

– Я вся от пота мокрая, даже неприятно. Пошли, Люба, переодеваемся. Юра, тебе что из рюкзака достать? А то мы его забираем.

– Футболку.

– Потом рану тебе перевяжем.

Переоделись, умылись, и Григорьев предложил:

– Отдыхайте, а я быстро поесть приготовлю.

– Я вам помогу, – тотчас вызвалась Катя. – Вы скажите, что делать.

– Сварим картошку – это будет наше главное блюдо. Есть соленая рыба, колбаса – ел, не отравился, отварная жеребятина. Но сначала покормлю Тишку.

Пока варилась картошка, хозяин с помощью Кати накрыл на стол:

– Вам бы водки с устатку, но давно сам – ни капли спиртного, и дома не держу. Будем пить чай. А не мешало бы выпить по стопке за Катю, это благодаря ей все так закрутилось. И за освобождение Любы.

Поужинав, девочки легли в соседней комнате, а мужчины сидели до полуночи.

– Вы думаете, я не понимаю, что совершил преступление? Понимаю! И готов понести наказание. Да у меня вся душа от горя выгорела, не мог я поступить иначе. Этот гад, когда семью порешил, позвонил мне – забрал, сволочь, телефон жены – и сказал: жди, скоро за тобой приду. И я ждал, и все эти годы боялся, что умру не отомстив. Перенес два обширных инфаркта, но выжил. А теперь можно и умирать. Ладно, дали бы пожизненно. А вдруг он бы снова сбежал? А теперь все, оттуда не убежишь. Так что вы, ребята, меня поймите, не могу я поступить иначе. Когда собрались с Верой распиваться, родители ее отговаривали: мент, могут убить, останешься вдовой. А вышло наоборот. Мы с женой как познакомились?.. Сейчас покажу, какая она, – Григорьев принес альбом. – Ни разу после их гибели не открывал, думал, вдруг шарахнет.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

Это Вера, – показал он на молодую улыбающуюся симпатичную женщину. – А познакомились мы с ней так... – Алексей Петрович вспоминал мельчайшие подробности их знакомства, женитьбы, семейной жизни, рождение детей. Вспоминая что-то смешное из их жизни, улыбался. Он вглядывался в близких, чтобы унести с собой их лица. Потому, как понял Иванов, Григорьев явно собирался умирать.

– А вот здесь мы последний раз собрались вместе. Егорке, – Алексей Петрович показал на карапуза, сидевшего на коленях у бабушки, – всего два года было. Его-то мог не тронуть, нет, зарезал и его. – На глазах Алексея Петровича показались слезы, он закрыл альбом, провел по нему ладонью. – А после этого я вроде и не жил... Заговорил я вас, давайте ложиться.

Несмотря на усталость, Иванов долго не мог уснуть, прислушиваясь к дыханию Алексея Петровича. Один раз ему показалось, что тот уже не дышит, и Иванов собрался было будить Соловьева. Но когда тронул его за плечо, тот прошептал:

– Спи, все нормально.

И лишь после этого Иванов, как лег, так моментально уснул.

Утром позавтракали, попрощались с Алексеем Петровичем, с Тишкой и двинули в заезжую.

Говорин, увидев их, шагнул навстречу:

– Уже собирались идти за вами, через час вылетаем. Остается следственная группа.

– Неустроен где?

– Да только что здесь был, в заезжей, наверное.

– Пойду скажу, где спрятал теплоход.

Из заезжей вышел Черкашин, увидел Иванова и отвернулся. Иванов усмехнулся и молча прошел мимо. Они ссорились и в детстве, но каждый раз мирились. Но на этот раз, как понял Иванов, их дружбе пришел конец.

А Черкашин отошел в сторону, чтобы не встретиться с Катей, с Соловьевым. У него было одно желание: быстрее попасть домой и больше никогда не видеть Катю (еще пожалеет, дура!), Иванова, всю эту ментовскую компанию, что видела его слезы.

Когда объявили посадку в самолет, Черкашин вошел одним из первых, словно боялся, что может что-то случиться, и он останется здесь еще на некоторое время. И когда самолет взлетел, он впервые за эти дни вздохнул свободно.

А Иванов думал о Кате: прилетят в Якутск, и пути их разойдутся, не встречались ведь они столько лет, хоть и жили почти рядом. И если бы ее не привез на дачу Черкашин, Иванов до сих пор бы не знал, что она существует на свете. У них нет общих интересов, у них разные друзья, он старше ее почти на десять лет. И почему бы ей не родиться пораньше? И как он теперь будет жить?

А Катя думала: как она появится с таким лицом перед матерью, что сказать, чтобы сгладить ситуацию, чтобы матери не стало плохо? За время полета она придумала десятки вариантов, но, по ее мнению, нашла нужные слова, когда самолет уже катился по полосе. Но, на всякий случай, решила посоветоваться с Ивановым, и только вышли из самолета, тронула его за рукав:

– Юра! Послушай. Ничего, если я про синяки скажу маме так: пока ты дрался с одним бандитом, появился второй и напал на меня, но прибежала Люба и стала бить его кочергой, а вскоре подросел ты и так избил обоих бандитов, что на них было страшно смотреть. Ну, как? Лучше ничего не придумала.

– Нормально. Главное, говори спокойным голосом и не вздумай заплакать.

– Постараюсь.

– Вы посмотрите, кто Виктора встречает! – воскликнул Соловьев.

Говорина обнимала стройная, красивая девушка, и Катя невольно подумала, имея в виду Иванова. И что ему надо?

– Я когда Маше звонил, сказал, что все хорошо, но легко ранили Юру и Виктора. А Маша, видно, позвонила Вере. Столько лет потеряли! Ладно, пошли, возьмем такси.

Сначала высадили Катю с Любой, пожелали, чтоб встреча прошла спокойно. Соловьев предложил:

– Поехали, Юра, к нам, Маша там наготовила.

– Спасибо! Я домой – спать. Но сначала приму душ и выпью кофе.

Но прежде, чем пойти в душ, Иванов вытряхнул содержимое рюкзака, поглядел на отверстие в котелке, потрогал застрявшую пулю. Затем положил в шкаф пакет с Катиным бельем, подумал: вот тебе и повод для встречи. И почему он не встретил ее раньше?

Иванов сидел в одних трусах, пил кофе, пред-

ставлял, что сейчас происходит в квартире Воробьевых, когда позвонила Римма.

– Ты почему не звонишь? Приехал и молчишь.

– У меня горе.

– Горе? Юра, что случилось? – обеспокоенно спросила Римма.

– Я влюбился.

– Вот оно что, – протянула Римма сразу поникшим голосом. – Уж не в Катю ли? Поздравляю! Как я понимаю, мне от ворот поворот?

– У тебя есть капитан, он объехал много стран.

А я один, и меня никто не любит.

– Эх, ты! – отключила Римма телефон.

Иванов допил кофе, глянул в зеркало и сделал печальное лицо:

– У меня горе, – и завалился на диван. Но прежде чем уснуть, успел подумать, что ему и рассказать некому, о том, что случилось в Крестовой. И это ненормально, и надо срочно исправлять ситуацию.

***

Зато Черкашину было кому поведать о своей эпопее.

Когда он вошел в квартиру, Елена Николаевна удивленно протянула:

– Быстро ты. Спасли девчонку?

– Спасли. Зря я, что ли, летал туда.

– А что у тебя с лицом? – поинтересовался Леонид Макарович.

– Бандитская пуля, – нашел силы пошутить Максим.

– Давай в душ, а мы с матерью стол накроем. Такое дело надо отметить.

Только сели за стол, Елена Николаевна нетерпеливо спросила:

– Как все произошло?

– Погоди, Елена, пусть поест человек. Давайте выпьем за удачную поездку и возвращение.

Рассказ Черкашина был красочен. Правда, в его повествовании он не сдавался полиции, не орал истошно, приняв лошадиный череп за голову Бальбукэ. Нет, он дрался с бандитами, в него стреляли, и только благодаря ему удалось спасти Любу Тулушеву. Все это Черкашин поведал тоном бывшего человека, но когда упомянул про комаров, голос его невольно дрогнул.

– Ну вот, а не хотел ехать. Посмотри, Леонид,

какой у нас сын вырос. Герой! – Елена Николаевна с любовью глядела на Максима.

Если бы она знала, что в эту минуту сын ненавидит ее лютой ненавистью.

– Максим, ты приведи к нам как-нибудь эту девчонку, может, поможем ей устроиться на работу. Да и посмотреть на нее хочется. Пусть с Катей забегут.

– Катя больше не забежит, не зайдет, не заползет!

– А что случилось?

– Она, она... – не мог сразу подобрать нужные слова Черкашин. – Она Иванову в рот смотрела, все возле него вертелась, словно меня и не было.

– Даже не верится, такая хорошая девочка.

– Дрянь она! Дрянь! – наконец-то дал волю эмоциям Черкашин. – Когда вышли из леса, столовая уже была закрыта, а мы с утра ничего не ели. В заезжей все места заняла следственная группа, и спать пришлось на голом полу. А эта хорошая девочка с Ивановым, Соловьевым и Любой ночевала у знакомого – ели, пили, спали на кроватях. Заявились утром сытые и довольные. Ненавижу!

– Да, – протянул Леонид Макарович. – На невестку она не тянет. Нам такую ненадь. Не переживай, такого добра хватает. А Катя еще пожалеет.

***

Чтобы отвлечь от себя внимание, Катя первой в квартиру пропустила Любу, сама зашла следом и из-за ее спины бодрым голосом возвестила:

– Знакомьтесь – это Люба Тулушева.

Вежливые дамы закивали головами, сообщили, что они рады знакомству, предложили Любе пройти и лишь только потом глянули на Катю.

– Катя! Что у тебя с лицом?

– Ерунда, – и Катя изложила версию, которую придумала в самолете, только после слов «и так избил бандитов, что на них страшно было смотреть», добавила: – Одного бандита арестовали, а тот, который меня ударил, утонул в реке, когда убегал от полицейских.

– Туда ему и дорога, – заключила Глафира Андреевна.

– Есть хочется, – жалобно протянула Катя. Это был второй отвлекающий маневр с предсказуемым последствием.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

И точно – мать и Глафира Семеновна, как по команде, кинулись на кухню.

– А мы в душ, – вслед им крикнула Катя.

И пока Люба мылась, Катя сообщила матери и тете, что Люба в положении. Но рожать от бандита не хочет, и будет делать аборт. И это был третий и последний отвлекающий маневр.

Скоро все сидели за столом. Выпили за приезд по рюмочке водки, и Катя начала рассказывать, что с ними приключилось в Крестовой. Слушали внимательно, лишь иногда Вера Семеновна, глянув на лицо дочери, молча качала головой.

– Юра все продумал: отремонтировал теплоход и должен был заманить туда участкового, связать его. И мы на теплоходе должны были уехать с Любой в райцентр. Но план разрушил Максим, он выдал нас.

– Максим! – враз воскликнули женщины. – А он-то как там оказался?

– По словам Максима, его чуть ли не силой заставила поехать в Крестовую Елена Николаевна.

– Елена такая, – улыбнулась Глафира Андреевна, – все пытается сделать из Максима настоящего мужчину. Так что же он натворил?

– Рассказал женщинам, с которыми ехал в Крестовую, что Юра полицейский, и что мы приехали спасать Любу от бандитов. Пришлось нам удирать на теплоходе, однако бандиты и участковый быстро догнали нас на моторке и хотели высадиться на судно. Но Юра выстрелил из карабина, попал в мотор и тот заглох. А у нас появилось время доехать до нужного места, откуда можно было пешком добраться до райцентра.

Катя рассказала, как шли по тропе, как заночевали в лесу, как скис Максим и начал кричать, что ненавидит романтиков – потому что от них все зло, что Любу не надо было спасать, пожила бы еще с бандитом и привыкла...

– Козел! – не вытерпела Глафира Андреевна.

– Еще сказал, что из меня получится никудышная жена. Такие, как я, вечно лезут, куда их не просят, и от меня будут только одни неприятности.

– А казался таким хорошим парнем.

Рассказала Катя и о том, как утром чуть не угодили в западню, но Иванов вовремя почуял неладное. Как им стреляли вслед и попали в спину Иванова, но его спас котелок. Как прострелили Иванову ногу, как подоспели его друзья во главе с

командиром ОМОНа, как арестовали участкового и бандита.

– А Максим... Я даже подумать не могла, что он такой.

– Зато узнала, кто он есть на самом деле. А это многого стоит, – подняла указательный палец Глафира Андреевна. – Надо молодые пары перед женитьбой посылать в такие экстремальные ситуации. Досталось вам, зато все это позади. Люба будет жить у нас, найдем ей хорошую работу.

– Спасибо, но я вернусь в Крестовую, – заговорила молчавшая Люба. – Сделаю аборт и вернусь. Там у меня дом, могилы родителей, все меня в Крестовой знают, и я знаю всех, и работа у меня хорошая. Осенью должен вернуться со службы мой парень. Конечно, кто-нибудь да расскажет ему, что со мной было. Но все равно буду его ждать. Неудобно, столько людей из-за меня потревожили.

– Так, девочка, и должно быть. Испокон веку на Руси помогали людям всем миром. А таких, как Максим, – махнула рукой Глафира Андреевна, – всегда было меньшинство.

– А я буду приезжать к тебе в гости, ты теперь мне как сестра, – заявила Катя.

– Завтра приготовим чего-нибудь вкусненького и пригласим Юру, он мне сразу понравился своей надежностью, – потрясла кулачком Глафира Андреевна. – Да и хочется прочесть, что он там написал.

Утром Иванову позвонил Соловьев. Умер Алексей Петрович.

27–28 марта в Якутске прошло XXI Республиканское совещание молодых писателей. Сегодня наш журнал публикует стихотворные подборки участников совещания Натальи Доменицыной и Ольги Янцен.

Наталья Доменицына

Кофейно-перечное безумие

Наталья Доменицына проживает в г. Ленске, работает в Центральной городской библиотеке. В литературном объединении «Фламинго» состоит с 2017 года. Стихи пишет давно, но до этой подборки нигде не печаталась.

СНЫ

В твоём городе дождь и + семь.
А в моём – за окном февраль.
Ты стал сбоем моих систем.
Мы уснули в разных мирах.
Пусть приснится тебе весна.
Шум дождя за твоим окном.
А в моём сне – опять февраль...
Пахнет снегом и коньяком.

СНОВА В ОМУТ...

Снова в омут, по кругу и вниз.
В синий мир и в безумный круиз.
В лабиринты изломанных снов.
Вниз, к улыбкам Чеширских Котов,
Погружаюсь я каждую ночь.
Как Алиса из сказки – точь-в-точь.

Синий мир

Снег под полной луной,
Отливает серебряно-синим.
Синий мир,
Где нет полутонов,
И все чувства остры, как ножи.
Здесь тропинки из снов,
За деревьями прячутся тени.
Грань тонка
Меж миров.
И куда-то зовут миражи.

НАТАЛЬЯ ДОМЕНИЦЫНА. КОФЕЙНО-ПЕРЕЧНОЕ БЕЗУМИЕ.

Ночь

Вы слышали, как пахнет ночь? Она пахнет пылью уставших дорог, зрелой листвой, терпким запахом дальних странствий, будоражащих кровь. Абсентом, лимоном и неизведанными странами... Безбашенными приключениями, танцами у костра, искрами, взмывающими в небо... Безудержной страстью и... нежными светлячками...

Ночь – лучшее время суток.

Город

Город... Огромный, живой... Я чувствую его пульсирующее сердце. Неоновые огни... Потоки машин... Сталкивающиеся Вселенные человеческих судеб... Там взрываются Сверхновые и рождаются Галактики... Кого-то засыпает осколками разбившихся надежд, а кто-то рядом идет по старому парку и уютно шуршит опавшей листвой...

Душа-кошка

Ложился снег
Бриллиантовой крошкой,
На черные, изломанные ели.
Моя душа бежала черной кошкой
Из края буреломов и метелей.
Хотелось ей тепла
И буйства красок.
Клубком свернуться,
Лежа у камина.
И наблюдать,
Чуть-чуть прищурив глазки,
За танцами
Невидимых пылинок.
Но снова снег –
Бриллиантовой крошкой.
Все те же черные, изломанные ели.
Не стать мне черной и свободной кошкой
Средь этих нескончаемых метелей.

Я не ангел...

Я не ангел.
И я не спасаю,
Не врачую

Уставшие души.
А свеча за окном
Догорает,
Чей-то мир
Оказался разрушен.
Кто-то шепчет сухими губами
О любви, о забвеньи, о мести.
Капли крови
В снегу расцветают,
И душе уже не воскреснуть.
Я не ангел.
И я не спасаю,
Не врачую
Уставшие души.
Крылья темные
Я расправляю,
Равновесия не нарушив.

***

В.В.

Старинный замок,
Лунный свет.
Зажата в тонких пальцах сигарета.
Вновь вижу я
Твой хрупкий силуэт.
В глазах зеленых
Я ищу ответы.
Лишь тихий перебор
Гитарных струн,
И голос твой
Таинственно-глубокий,
Зовут меня
В объятья зимних лун.
В твой темный мир –
Прекрасный и далекий.

Пришелец

На перекрестке двух миров,
Где жизнь и смерть
Слились в объятья страстном,
Живет пришелец
Из порочных снов.
Зеленоглазый,
Притягательно-опасный.
Он бродит среди ангелов слепых,

И шепчущих на призрачном наречьи.
Он собирает капли крови их –
Рубиновые искорки бессмертья.

Мурашки по коже...

Мурашки по коже,
И громкий стук сердца.
Мне хочется
Рядом с тобою согреться.
Но ты – словно выстрел,
Опасный и странный...
Такой пряный микс,
Кокаиново-пьяный.
И бесят мурашки,
И громкий стук сердца...
Ты пахнешь так вкусно –
Кофе и перцем.

Лето пьётся легко...

Лето пьётся легко,
Как бокал коньяка.
Небо ЕЩЕ глубоко,
А ночь – УЖЕ коротка.
Выпью тебя до дна,
Сразу, за три глотка.
Кофе и перца вкус
На кончике языка.
Заклею стигматы души
Крест-накрест полночной тьмой.
Растаю, как призрак в тиши,
Забрав твою душу с собой.

Крестики-нолики

Ожидание в венах течет,
И пульсирует сердце под кожей.
Между нами открыт новый счет –
Нарисую я крестик в прихожей.
На экране пропущен звонок,
Нарисуешь ты нолик мелом.
Снова странный судьбы виток.
Впрочем, этого я и хотела.

Я знаю...

Я знаю, все
Наладится.
Что сказано,
То сделано.
И судьбы наши
Свяжутся.
Заполним все пробелы
Мы.
Мы встретимся
Нечаянно.
Среди дождя
Осеннего.
Под взглядами
Случайными
Столкнутся две
Вселенные.

Скоро осень

Скоро осень –
Пора стихов.
И стирается лета
Синь.
Строим замки
Из облаков,
Примеряя лики
Богинь.
Сыплет золотом
Листопад.
Кружевами упал
Туман.
Вкус у осени
Горьковат.
И абсентен
Ее дурман.

Я хочу просто дымом уйти...

Я хочу просто дымом уйти.
Незаметно и безвозвратно.
Оказавшись в конце пути
Оборвать бытие беспощадно.
Больше нет меня.
ПЕРЕРЫВ.
Ни слова, ни поступки не ранят.
И на линии жизни – обрыв...
Не хочу даже воспоминаний.

НАТАЛЬЯ ДОМЕНИЦЫНА. КОФЕЙНО-ПЕРЕЧНОЕ БЕЗУМИЕ.

Ольга Янцен

”И от сердца к сердцу Нитью ляжет стих...”

Ольга Андреевна Фролова – Ольга Янцен родилась 11 ноября 1980 г. Окончила Арылахскую среднюю школу Чурапчинского района, филологический факультет ЯГУ (отделение русского языка, литературы и мировой художественной культуры). В школе посещала кружок юного корреспондента, первые детские публикации появились еще в газете «Бэлэм буол».

В 2004 году стала лауреатом Литературной премии имени Алексея Михайлова, в том же году выпустила первый сборник стихов «Звук». Публиковалась в журналах «Полярная звезда», «Далбар Хотун», в газетах «Якутия», «Она+», «Эдэр Саас», «Молодежь Якутии». Участница Республиканских совещаний молодых писателей (2004, 2014, 2018 гг.).

Работает в ГБУ РС (Я) «Бизнес-инкубатор РС (Я)».

***

Лето пролетело, лишь коснувшись
Краешком горячего крыла.
Не хватило в суете отдушин,
По ветру летит листва-зола.

Приморозило до хруста ворс газонов,
Солнце яркое не греет, но спит.
Застывают синие затоны,
Мимо, мимо жизнь моя летит.

В этой осени на миг остановиться,
Оглянуться на сгоревший день.
Пролетают мимо листья-лица...
Воском тает в небе Лета тень.

***

Мне не нужно твоего прощенья,
Если от прощанья не уйти.
Неужели безголосой тенью
Лишь маячить на твоём пути?
Хуже нет молчания такого,
Хоть единым словом одари.
Призрачной надеждою готова
Жить до каждой утренней зари.
Мне не нужно твоего прощенья,
Если от прощанья не уйти.
Так и быть. Позволь хотя бы тенью
Изредка маячить на пути.

***

Мы идём и смотрим друг на друга,
Параллельные тропинки-берега...
Боже мой, какая это мука –
Не протянутая вовремя рука...
Видеть, знать, не смея прикоснуться,
И искать скрещение дорог.
Тщетно всё. Печально улыбнуться.
Взмах рукой. Подавленный упрек.

Здравствуй, Осень!
Здравствуй, Осень! Рада видеть
Как подругу, как сестру.
Мы с тобой в лесочек выйдем,
Погуляем поутру.

Пошуршим по палым листьям,
Поглядимся в гладь воды.
В этот миг остановиться,
Не спешить могла бы ты?

Ты мне нравишься такая –
С ясным небом, ярким днем,
Бесконечно золотая,
Как охвачена огнем.

Не люблю, когда ты плачешь,
С тополей сорвав наряд.
Почему ты снова прячешь
Свой усталый темный взгляд?

Ты уходишь... Понимаю...
Вслед махну тебе рукой.
Снова встретимся, я знаю,
Пошуршим еще листвою.

***

Над Туймадою туманы
Белым кутают дома:
Как же ты опять неожиданно,
Седовласая Зима!
Тускло рдеют фонарями
В пышном ином мосты.

Меж высокими холмами
Жизнь течет без суеты.
Сердце северного края
Бьется мерно, как во сне.
За зарей закат сгорает,
Тихо двигаясь к весне.

***

Осень, лужи-грыжи,
Ключья рыжины,
Осень еле дышит,
Ночи сочтены.
Осень. Дыры в тучах
Пропускают синь.
Эта синь беззвучно
Переходит в стынь.

***

Отпустило. Нет волнения.
И обида улеглась.
Долго в сердце наводнение
Было... Схлынуло. Спаслась.
Устояла. Отряхнулась.
Дерзким взглядом обвела.
Спину – прямо. Усмехнулась.
Гордой павой поплыла.

***

Подрастим детей,
Раздадим долги,
И пойдем скорей
Нарезать круги
Вдоль земных широт
Из страны в страну,
Через речки вброд,
Из одной в одну,
Через гор хребты,
И пески пустынь.
И забудешь ты
Про мирскую стынь.

ОЛЬГА ЯНЦЕН. "И ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ НИТЬЮ ЛЯЖЕТ СТИХ..."

А пока, увы,
Только час ночной,
Как глоток воды
На двоих с тобой.
Суета уйдет,
Как и вой пурги,
И пойдем с тобой
Нарезать круги.

***

Рисую снега, темноту, тишину,
Бездонный покой.
Рисую, как осень отходит ко сну,
С улыбкой скупой.
Рисую холодную звездную высь,
Бесстрастную даль.
И Время само приглашаю: «Садись!
Писать себя дай!»

***

Я не вижу себя стареющей,
С теплым пледом, с вязаньем в руках,
У камина косточки греющей,
Не летающей в облаках.
Я не вижу себя спокойною,

Отшумевшей колючей пургой,
Проходящею чинной Осенью,
С благородною сединой.
Проносься ураганом бушующим,
Так же резко, как и пришла,
Пыль столбом поднимая по улице,
Вдаль умчусь, прогорая дотла.

***

У меня такие странные друзья
Некоторых вовсе не видала я,
В трубке телефонной голоса – не их,
Только нитью тонкой к ним протянут стих.
Не пишу им писем, не звоню в ночи,
От дверей в квартире не даю ключи,
Дни рожденья тоже провожу без них.
...Только нитью тонкой к ним протянут стих.
У меня такие чуткие друзья,
По аллеям-рифмам прихожу к ним я,
Надышусь прекрасным между строчек их,
И от сердца к сердцу нитью ляжет стих.

Историк, этнограф, краевед...

13 ноября 2017 г. исполнилось 130 лет со дня рождения крупного ученого, профессионального историка Якутии, зав. сектором истории Института языка и культуры при СНК ЯАССР, одного из первых преподавателей Педагогического института, члена Русского географического общества, кандидата богословия Григория Андреевича Попова.

Г.А. Попов (1887–1942) – автор многих научных работ, учебных пособий по истории, этнографии, краеведению. После окончания

Казанской духовной академии он с 1917 г. преподавал в различных учебных заведениях города Якутска, вел большую научную и общественную работу.

В 1924–1929 гг. – председатель Якутского отдела Русского Географического общества, руководил печатным изданием отдела «Известия РГО». Как член РГО, принимал активное участие в работах Академической экспедиции, организованной в 1925 г. по инициативе М.К. Аммосова.

Г.А. Попов является одним из учредителей научного общества «Саха Кэскилэ» (Якутское Возрождение) (1925 г.), где заведовал этнографической секцией. В первом выпуске Сборника трудов общества он опубликовал «Программу и инструкцию по сборанию образцов народного творчества». Общество «Саха Кэскилэ» в 1926 г. рекомендовало Г.А. Попова к участию в работе этнографического отряда Академической экспедиции (1925–1930 гг.). В 1926 г. он был избран членом-корреспондентом Центрального Бюро краеведения при Академии наук СССР.

С 1927 г. Г.А. Попов – зав. научным отделом при Народном комиссариате просвещения и здравоохранения ЯАССР, которому были переданы все обще-

ства и учреждения научно-исследовательского характера, а также краеведческие кружки. Он являлся инспектором научных учреждений НКПЗ. Проводя многогранную работу как ученый-краевед, Г.А. Попов с 1914 г. опубликовал около 90 статей по различным вопросам истории Якутии. В 1927 г. был награжден Малой серебряной медалью Русского географического общества.

В 1920–1930-ые гг. читал лекции по истории Якутии в Якутском пединституте и педтехникуме. В числе его студентов и слушателей были такие известные впоследствии деятели науки и искусства, как Г.П. Башарин, Д.К. Сивцев – Суорун-Омоллоон, Г.Г. Макаров и другие.

В 1936–1937 гг. заведовал сектором истории Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН).

В 1937–1938 гг. Г.А. Попов подвергся репрессиям, погиб в Караганде, в ГУЛАГе. Реабилитирован в 1956 г.

Внучкой историка, этнографом-юкагироведем, к.и.н. Л.Н. Жуковой в 2004 г. инициировано издание «Собрания сочинений» Г.А. Попова. В период 2005–2017 гг. при участии постоянного члена редколлегии, зав. сектором истории ИГИИПМНС СО РАН, к.и.н. Е.П. Антонова и других коллег-историков издано 8 томов. В 8-ой том вошли «Автобиографические записки», дневники, письма и документы.

Завершает издание трудов Григория Андреевича фотоальбом о его жизни и деятельности. Многие страницы альбома посвящены супруге, Марии Яковлевне Поповой – заслуженной учительнице школ ЯАССР и РСФСР, награжденной в 1949 г. орденом Ленина. 17 января 2017 г. ей исполнилось 125 лет со дня рождения.

Многоотомное издание стало возможным благодаря поддержке, в том числе финансовой, Правительства РС(Я), Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Академии наук РС(Я), Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Национального архива РС(Я), Национальной библиотеки РС(Я), Якутского Государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем.

ЛЮДМИЛА ЖУКОВА. ИСТОРИК, ЭТНОГРАФ, КРАЕВЕД...

Экскурс в историю

Ярославского, Архива УФСБ РФ по РС(Я), Якутской Епархии Русской Православной Церкви, Администрации города Якутска и частных спонсоров.

1 том – 2005 г. В книгу вошли две ранние работы Г.А. Попова: кандидатское сочинение «История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области» и монографическое исследование «Очерки по истории Якутии». 282 с.

2 том – 2006 г. Том включает в себя учебное пособие по краеведению «Якутский край» в двух частях, научные статьи, отчеты, публикации документов за период с 1914 г. по 1937 г. 367 с.

3 том – 2007 г. Опубликована монография «История города Якутска. 1632–1917: Краткие очерки». 312 с. Два приложения включают 6 планов г. Якутска (1770–1917 гг.) и отдельный Комментарий к плану 1770 г. (Издан при финансовой поддержке Администрации г. Якутска.)

4 том – 2009 г. Сборник документов и материалов по истории Якутской АССР «Прошлое Якутии» (от глубокой древности до установления советской власти). 480 с.

5 том – 2014 г. Очерки и статьи по истории, экономике и культуре северных районов Якутской АССР, большая часть которых написана по заказу Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). 304 с.

6 том – 2016 г. Очерки по истории национального движения якутов (XVII в. – 1917 г.). В том включены статьи на другие темы, в том числе публикация архивных документов о границах Кангаласского и Батурусского улусов и подборка статей, опубликованных в газете «Автономная Якутия» (1922–1932 гг.). 264 с.

7 том – 2016 г. Ранее не публиковавшиеся очерки, обзоры, статьи, таблицы по истории освоения северных районов Якутии и деятельности ЯТУ ГУСМП (1930–1936 гг.), а также материалы по истории якутов и статьи краеведческого направления. (336 с.)

8 том – 2017 г. «Автобиографические записки», дневники, письма, документы. (340 с.)

В юбилейном 2017 г., посвященном 385-летию Республики Саха (Якутия) и города Якутска, ИГИ-иПМНС СО РАН, АН РС(Я), Администрация г. Якутска, Национальный архив РС(Я), Национальная библиотека РС(Я), ЯГОМИИиКНС им. Ем. Ярославского, Национальный Художественный музей РС(Я), Музей истории развития образования г. Якутска 6–11 ноября провели презентацию 8-томного «Собрания сочинений» Г.А. Попова и фотоальбома. В рамках мероприятий прошла научно-практическая конференция «Судьбы интеллигенции в Якутии начала XX в.

и вопросы краеведения» и городская конференция школьников по краеведению, посвященная памяти Г.А. и М.Я. Поповых.

Григорий Андреевич Попов внес значительный вклад в сибиреведение, в развитие исторической науки и краеведческого движения в Якутии, в осуществление культурной революции в первые десятилетия советской власти.

*Людмила Жукова,
кандидат исторических наук.*

Григорий ПОПОВ

Происхождение якутов и их прародина*

Якуты-саха, по господствующему представлению исследователей, в племенном отношении являются «омонголившейся ветвью турецкого племени», т.е. древние турки или тюрки, подвергшиеся в поздние времена влиянию монголов.

Это заключение основано, главным образом, на изучении якутского языка. Видный тюрколог, академик В.В. Радлов находит в языке якутов: 32,5% турецких элементов, 29,9% – монгольских и 41,6% – элементов неизвестного происхождения. По мнению В.В. Радлова, язык якутов в основе своей – не турецкого корня: какой-то доселе неизвестный сибирский диалект был постепенно, в несколько приёмов омонголен и отуречен, и в результате появился современный якутский язык, известный нам с XVII в.

Это мнение подтверждается лингвистами-тюркологами. Значит, якуты не принадлежат к чистому, однородному племени и являются продуктом смешения многих народностей, в числе которых всё-таки господствующими являются монголо-турецкие народности.

Такой взгляд подтверждается и антропологическими данными. Так, Н.Л.Геккер в результате антро-

*Статья написана в середине 1930-ых гг.

пологических работ среди якутов приходит к выводу о том, что «якуты не представляют однородной и антропологической чистой среды и являются ныне продуктом долгого смешения двух или нескольких родственных племён».

Таким образом, и язык и физический тип якутов говорит нам о том, что этот народ – конгломерат, образовавшийся от смешения нескольких народностей. Об этом наука не спорит.

Да и само якутское сознание не отрицает этого. Якутские народные предания указывают, что когда-то в глубокую старину на Лену пришли их предки Омогой-бай и Эллей. При этом указывают, что Омогой был бурятом (т. е. монгольского происхождения), а Эллей – татарин (т. е. турецкого происхождения). Другие же предания, кроме Омогоя и Эллея, присоединяют и других пришельцев: Тюеня-могола (монгол), Сай-Сар, жену киргиза Сарабай-тойона и, наконец, со стороны Алдана, через Усть-Амгу, группу неизвестного народа хоро.

Таким образом, все эти пришельцы на Лену – буряты, монголы, татары, киргизы и хоринцы, по преданиям якутов, объединились, породнились и положили начало образованию саха-якутов.

Если объединить научные выводы и данные фольклора, то нужно признать, что сильным ядром в образовании якутов были монголо-турецкие группы, а приходившие к ним – местные аборигены (эвенки) и «неизвестные сибирского диалекта» (хоринцы). Есть предание, что в глубокую старину до якутов на Ленской долине жили одулы (юкагиры), удалившиеся потом на север.

Основное образующее ядро якутов – монголо-турки, по нашему мнению, явились организующим началом в сфере языка, быта, общественного строя, верований и пр., к каковому присоединились [отдельные] элементы материальной и духовной культуры [древних] насельников Лены.

Преобладающие монголо-турецкие элементы в [общественном] строе якутов дали возможность ряду исследователей искать родину якутов в различных областях Сибири и Азии. Нужно сказать, что в большинстве случаев основанием для этого служили отдельные термины, выражения и географические номенклатуры, наблюдаемые у якутов.

Так, выражение «уранхай-саха» дало повод искать родину якутов в Урянхайском крае, в современной Тану – Туве (Д.А. Кочнев, В.Ф. Трошанский, В.И. Иохельсон и проф. В.И. Огородников). Слово «саха» заставило других искать родину якутов среди тюркоязычного населения южного Енисея, в современной Хакасии, где обитает небольшое племя «сагай»

(сагайцы). Это [предположение] выдвигают Остолопов, Н.С. Щукин, Н.А. Костров, П.Э. Кларк, Н.А. Аристов, Н.Н. Козьмин, из них Н.С. Щукин и Н.Н. Козьмин настаивают на тождестве имени «саха» с именем одного рода среди тех же хакасов (точнее, качинских татар «сохы», «сохылар»). Г.В. Ксенофонтов ведёт нас к бассейну Селенги, в степную Монголию, т.к. в былинах якутов упоминаются притоки Селенги – рр. Толу, Орхон. По словам Г.В. Ксенофонтова, племя сыгэ (отсюда, саха) занимали кочевьями долину р. Толы, где найдены остатки древнего города Цаган-Балагжун, т.е., по Ксенофонтову, «Сагаин балгасун», наш Город сага и саха (якутов). Между прочим, слово «цаган» на языке монголо-бурят значит «белый» (т. е. «Белый Город»).

Кто же из них прав? По нашему мнению – все, и никто.

Отдельные слова, выражения, географические названия, если на них основываться, проведут нас чуть не по всей Сибири и Азии, где обитают монголо-турецкие народности, родственные предкам якутов. По нашему мнению, выхватив отдельные выражения и термины, нельзя их приспособить к определенному географическому пункту, тем паче при наличии многих монголо-турецких народностей на свете.

Мы позволим себе высказать мнение, что якуты, как таковые, образовались на р. Лене, на современной им [ныне] территории.

Мне возражат – позвольте, а что же значат «уранхай-саха» (уранхайцы), саха-сыгэ, Толу, Орхон и прочее? Что же значат знаменитые орхонские письмены, близкие к якутскому языку; наконец, средневековый азиатский турецкий феодальный строй с его «тегинами», «беками», «хара-будунами» и проч., отчасти скопированный якутами в XVI и XVII вв.?

Вполне с этим согласен, но все это является монгольским и турецким, но не якутским. На Лену, по нашему мнению, пришли тюрки (турки), предки которых были на Орхоне и видели знаменитых каганов Ельтереса, Кюльтегина и др., переживших турецкий феодализм (они-то и бросили среди якутов слова «Джүльджегин», «Эл-терёс Толу», «Орхон», «тегин» и пр., а еще ранее – «уйгур», «тогуз-огуз»).

На Лену пришли монголы, бросили свои монгольские слова и термины. Во время чингисхановых пертурбаций в Азии эти беженцы успели побывать и в Урянхае («уранхай-саха») и среди бурят (ср. тождество бурятского божества с острова Ольхон Хуто-Бабай с якутским Хотой).

Несомненно, якутские следы мы найдем и на Алтае, в Казахстане и т.д. Ничуть не умоляя изыска-

Экскурс в историю

ний в области прародины якутов, мы хотим только сказать, что все это является местами обитания когда-то монголов, тюрков и др., но не якутов.

Если мы пожелаем развернуть прошлое [только] тюрков-якутов, то это будет верно лишь для 32,5% якутской нации. А где же родина 29,9% монгольской части якутов? Наконец, где же родина 41,6% якутской нации – неизвестных народностей? Ведь все они, взятые вместе, только [в таком случае] составят якутский народ, а в отдельности будут не якуты, а монголы, тюрки и еще кто-то «неизвестные».

Проникновение на Лену монголов, тюрков и др. происходило не одновременно и не всей массой сразу. Эти группы просачивались и попадали в разное время. Сначала явились одни, затем, быть может, через значительный промежуток времени, другие, потом – третьи и т. д. По якутским преданиям, первым прибыл на р. Лену бурят Омогой-бай, а потом уже явился татарин (тюрк) Эллей.

Таким образом, монгольская группа пришельцев была первой на Лене. Так, по-видимому, и было на самом деле. Этот факт подтверждается данными якутского языка. Как было указано выше, академик Радлов высказал мнение, что якутский язык в основе своей не турецкого корня, а какой-то доселе неизвестный сибирский диалект.

Позднее некоторые лингвисты (А.И. Степанов) определенно высказались о древней природе якутского языка как монгольского. А.И. Степанов указывает, что в строе якутской речи наблюдаются явления, общие только для якутского и монгольского языков и совершенно отсутствующие в языке тюркском. Например, употребление творительного падежа, употребление повелительного наклонения будущего времени, совместного падежа. Анализ аморфных аффиксов позволил А.И. Степанову сделать заключение, что большая часть их – монгольского происхождения, а происхождение жизненных аффиксов, т.е. позднейших, по преимуществу – тюркского. Автор допускает мысль, что в якутском языке большее количество монгольских основ, сравнительно с основами тюркскими. На основании этих лингвистических данных А.И. Степанов приходит к выводу о том, что «в своем древнем состоянии язык ближе стоял, по своей внутренней природе, к языку монгольскому, чем к языку тюркскому, и что он, вероятно, был языком монгольским по своему существу, как, равным образом, к монгольской же группе принадлежали сами якуты»¹.

¹Степанов А.И. Происхождение якутов по лингвистическим данным. Незданная рукопись, хранящаяся в Якутском институте языка и культуры.

Этот же автор указывает, что современная номенклатура якутского языка – тюркская, с заметным уклоном в сторону абаканского наречия (абаканские татары, по Радлову, распадаются на четыре племени: качинцев, сагаев, койбахов и кызыльцев).

«На устье р. Алдана Эллей увидел становище Омогоя и явился туда. Народ Омогоя дивился появлению незнакомого человека. Другое обличие, чуждая речь, невиданная одежда вызывали у них сомнение – человек ли он?» В дальнейшем «согласовались взаимоотношения, выработался общий язык. Эллей стал для народа Омогоя своим и они для Эллея не чуждыми»². Таким образом, и в якутском сознании остался след из того отдаленного прошлого о том, что на Лену приходили разноязычные группы и уже впоследствии выработали они общий язык, т.е. современный якутский.

По нашему мнению, говоря о происхождении якутов, о прародине якутов нужно иметь в виду определенную, сложившуюся нацию, т.е. якутскую. Последняя сложилась и оформилась на р. Лене из разноязычных и разноплеменных народностей: бурят, монголов, тюрков, древнеазиатцев, эвенков и т. д. У каждого из них есть своя прародина и свое происхождение. Кому же отдавать предпочтение?

Если говорят о якутах, что они есть омонголившаяся ветвь турецкого племени, то с таким же правом можно говорить и о том, что они есть отуреченная ветвь монгольского племени. Итак, якуты в основе [своей имеют элементы] монгольского племени или турецкого, или какого еще другого? Пока не будет разрешен этот вопрос – трудно говорить об основной их прародине.

Мы можем только сказать, что якутская нация с ее языком, физическими признаками сложилась на р. Лене. Лена – родина якутского народа, а другие области Сибири и Азии – не родина якутов, а местобитания тюрков, монголов, бурят и др., эмигрировавших на Лену.

(Из семейного архива Поповых.)

(Ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – Ред.)

²Носов Н.Н. Предки якутов по преданиям потомков // Сб. трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». – Вып. 3. – Якутск, 1926.

Фёдор Михайлович Ошевнев родился в 1955 г. в городе Усмани Липецкой области. Окончил химический факультет Воронежского технологического института (1978 г.) и факультет прозы Литературного института им. А.М. Горького (1990 г.).

Четверть века отдал службе в армии и милиции. Участник боевых действий. Майор внутренней службы в отставке.

Прозаик, публицист, журналист. Член Союза журналистов России и Союза российских писателей.

В центральной печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны в журнале «Литературная учеба» в 1989-ом. Автор одиннадцати книг и более двухсот пятидесяти публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Печатался в ряде изданий Москвы и Санкт-Петербурга, во многих региональных журналах – от Калининграда до Владивостока и от Ставрополя до Приморского края. Также в Германии, Чехии, Бельгии, Финляндии, Франции, нескольких изданиях США, Канаде, Австралии, Израиле, Беларуси, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Азербайджане, Армении, Донецкой Народной Республике и в многочисленных Интернет-ресурсах.

Награждён медалями «За ратную доблесть» – за создание повести «Да минует вас чаша сия», «За отличие в воинской службе» I степени – по итогам командировки в Республику Ингушетию, «За отличие в охране общественного порядка» – по итогам командировки в Чеченскую Республику.

Фёдор ОШЕВНЕВ

Верующий батюшка

Плох тот диакон, который не мечтает стать священником, хотя упоминать и даже думать об этом среди церковников считается греховным. Мол, подобное самообольщение отнимает время, отпущенное Господом для спасения души.

Однако сын протоиерея одного из соборов южного российского города Владислав Кураков в глубине сердца мечтал. Собственно, будучи сыном духовного лица, он попросту не мыслил себе иной жизненной дороги. И еще характерно, что с раннего детства мальчик отличался глубокой рассудительностью.

В первый раз в первый класс – в семьдесят восьмом году – он пришел, ведомый за руки не только матерью, но и отцом, тогда еще совсем молодым батюшкой, облаченным в рясу. И, разумеется, уже потому обратил на себя особое внимание – как своей учительницы, так и директора школы.

Миновал месяц, и однажды учительница задержала Владика после занятий.

– Вот ты говоришь, что Бог есть, а наши космонавты, сколько ни летали, никогда его не видели, – авторитетно заявила она. – И почему?

– А для Бога космический корабль – это только малю-усенький из многих-многих коридорчик. Потому они Всевышнего из него и не видят. И никогда не увидят, если еще и не веруют, – был неожиданный ответ.

Учительница сразу не нашлась как возразить и сухо произнесла:

– Иди...

ФЁДОР ОШЕВНЕВ. ВЕРУЮЩИЙ БАТЮШКА.

Писатели России. Два рассказа

С ровесниками мальчик держался несколько обособленно, полагая, что среди них он по-своему избранный. Но когда требовалось постоять за себя – стоял, и до конца. Лишь сначала обязательно крестился. И одноклассники быстро усвоили: если уж он это сделал, быть битве серьезной...

После школы – учеба в Ставропольской духовной семинарии. А перед самым поступлением в нее – так было угодно свыше – Владислав потерял мать. Она еще с детства страдала сердечной недостаточностью. И за год так и не смогла оправиться от обширного инфаркта, случившегося, когда сыну исполнилось шестнадцать.

В двадцать один год Кураков был рукоположен в диаконы. И во славу Господа начал путь служителя алтаря в старинном храме – небольшим и уютном, окрашенном в голубые тона, с шатровой звонницей и протяженным притвором, отделанным настенными росписями. Сам храм когда-то возвели на краю основанного задолго до революции кладбища. В середине тридцатых его полностью снесли и похоронили под масштабными производственными строениями. С тех пор об уничтоженном погосте напоминало лишь несколько давних могил, волею случая оказавшихся внутри церковного двора.

Прошло немало лет, пока к ним неожиданно прибавилась еще одна.

Тогда по заданию настоятеля углубляли подвал под храмом (там новые шкафы по высоте не помещались) и случайно пробили внутреннюю каменную кладку, оказавшуюся перегородкой. За ней открылась потайная комната, на глаз три на три метра. Посреди нее лежали два скелета с простреленными черепами и в полуистлевшей казачьей форме. С погонами сотника и подъесаула – голубые просветы на серебряном поле, указывающем на принадлежность к войску Донскому. Убиенных перезахоронили в одной могиле и отпели.

Случай этот произвел на Куракова весьма гнетущее впечатление: насколько же сугубо бесчеловечным надо быть, чтобы вершить казнь в святилище, под сенью креста! А семьи погибших

явно остались в полном неведении об их ужасной судьбе.

Однако сравнительно молодой еще на тот момент диакон в углу тайника углядел обрывки плотного картона: это оказались остатки паспарту – специальной картонной рамки под снимок. Куски его за без малого век сильно выцвели, приобретя коричневатый оттенок. Аккуратно склеив полосками скотча фото и вооружившись лупой, Владислав разглядел на нем семейный портрет. Сидящий закинув ногу на ногу моложавый мужчина в казачьей повседневной форме имел ярко выраженные надбровья, крупный подбородок и широкие усы стиля «шеvron». Рядом, с ребенком полутора–двух лет на руках, наряженным в матросский костюмчик, стояла приглядная женщина. С овальным лицом, прямым пробором на идеально гладких волосах и косой, уложенной на затылке корзиночкой. Одетая в светлые юбку и блузку с богатой отделкой.

На обороте снимка трудно прочитывалась чернильная надпись: «Дорогому супругу и батеньке Платону Акимычу от жены Настасьи и сына Димитрия. Станица Новойдарская 1914-го года 16-го ноября». Здесь же имелось мастичное клеймо мастера, заключенное в прямоугольник: «Фото В. Квасова».

Пытаясь установить личность хотя бы одного из казенных, Кураков с благословения настоятеля обратился в епархиальный отдел по работе с казачеством. Сотрудники его связались с Новойдарской, и вскоре Владислав выехал туда на автобусе. Атаман тамошнего казачьего общества – дородный мужчина с погонами есаула – привел диакона к старейшему из жителей станицы. Владислав предъявил иссохшему древнему деду улучшенный фотошопом снимок.

Долгожитель нацепил очки, подслеповато прищурился.

– Да это же... Это Дмитрий Забазнов, друг детства мой, и с родителями, перед тем как отцу его на Империалистическую отправляться. Говорили, приезжал он, кажись, в шестнадцатом, в отпуск. Уже в чине подъесаула, с двумя «Георгиями». А потом без следа сгинул. Ну, я о ту пору мал был, сам его не помню. Вот фото-

графья у тетки Настасьи точь-в-точь такая же под образами в рамочке висела. Упокоились они давно – и мать дружка моего, и он сам. С Отечественной-то с большими легкими вернулся. Всё кашлял, кровью харкал, потом исходил – едва за полста лет перевалил. Еле успел послевоенную дочку в техникуме выучить. Она сама, как на пенсию вышла, сразу к сыну в область и перебралась...

Дед взглянул еще раз на снимок, совсем подетски шмыгнув носом.

– Чую, свидимся мы скоро, вышло и мое времечко. Эх-х! Как и не жил...

Спустя несколько дней Кураков принимал в храме гостей: интересную пожилую женщину с прической а-ля Маргарет Тэтчер и розовощекого полнеющего мужчину лет тридцати.

Возложив на казачью могилу охапку редких черных калл, таинственных и элегантных, потомки подъясаула отстояли панихиду, поставили заупокойные свечи, пожертвовали храму круглую сумку. И всё душевно благодарили диакона за разгадку тайны их рода и обретение могилы предка.

А имя павшего за Россию его сослуживца так и осталось неизвестным...

Кому-то из диаконов счастливится подняться рангом выше и стать священником чуть ли не на следующий день после первого рукоположения, а кому-то предстоит надолго задержаться на уровне низшего духовного сана. На всё воля Божия. Ну и людская тоже.

Когда-то, в самом начале приснопамятной Перестройки, несколько прихожан обратились к отцу Владислава: а не согласится ли батюшка баллотироваться депутатом в районный орган местного самоуправления, так сказать, самовыдвиженцем? Паства же, мол, и поддержит, и разрекламирует. Тогда протоиерей – скажем так, не очень продуманно – письменно испросил разрешения на это чуждое действие у каждого из постоянных членов Святейшего Синода.

Официального ответа ни от кого из них он не получил, но этот вопрос на заседании Синода разбирался, и в итоге священника едва не лишили сана (с перевесом в его пользу лишь в два голоса). Посчитали, что гордыня обуяла, раз в

мирские дела ввязаться восхотел. А чтобы впредь всяк сверчок знал свой шесток, покарали, услав в далекий райцентр, в маломощный и скудный приход.

«Сын за отца не отвечает», – сказал еще до войны на совещании передовых комбайнеров товарищ Сталин, и эту знаменитую фразу немедленно и широко растиражировали советские газеты. Но последовавшие репрессии, увы, ее не подтвердили: в серпастом обществе ответ за родителя держать приходилось практически всегда. А священнослужителям – пусть даже и высокого сана – ничто общечеловеческое не чуждо. Вот потому-то, когда, не единожды за многие лета, на епархиальном уровне обсуждался вопрос рукоположения диакона Владислава, кто-то обязательно вспоминал: «Это ведь у него отца за малым не расстригли?»

И – общее резюме: «Пока подождем...»

К слову: хотя всякое сравнение и хромает, однако подобное поведение служителей культа отчасти походило на детскую склонность переносить личную неприязнь к какому-то учителю на его предмет.

«Всякая власть от Бога». Знаменитейшие слова апостола Павла. Библейская аксиома. Так что неупустительно исполнявшему свои, согласно сану, обязанности диакону оставалось только смиряться и терпеливо ждать... ждать... ждать...

«Летят года неуловимо, куда-то быстро вдаль спешат, торопят нас неудержимо законы Божии познать...» Отец Владислав даже и не помнил, где и когда прочел он эти бесхитростные строки, глубоко врезавшиеся в память. А года действительно летели... И вот уже минуло более двадцати лет церковной службы, близилась дата серебряной свадьбы – «окольцевался» Кураков еще будучи семинаристом, – и дочь, окончив вуз, невестилась, а младшенькие, мальчики-близнецы, доросли до старшеклассников, постаревший же отец теперь часто прихварывал. Склонный к полноте служитель подобрел, широкоскулое лицо его совсем округлилось, а вдоль развитого лба обозначились короткие морщины. Появились и вертикальные складки над основанием крупного, с маленькой горбинкой носа. Симптом

ФЁДОР ОШЕВНЕВ. ВЕРУЮЩИЙ БАТЮШКА.

Писатели России. Два рассказа

зарождающейся аритмии сердца: у матери Владислава они после инфаркта были выражены особенно сильно.

К этому времени засидевшийся в диаконах человек устал безропотно ожидать рукоположения, и его матовые глаза минорно взирали на белый свет. Нет, бунтовать он вовсе не собирался. Он просто устал...

И вдруг – исполнение давней, еще детской мечты, с которой человек с дошкольных лет следовал по жизни, произошло не во сне, а наяву!

Хотя, конечно, «вдруг» – сказано неточно: этому предшествовала беседа с архиереем, обьявившим Куракову об избрании его для хиротонии, затем «ставленническая исповедь» у духовника духовенства, в заключение которой отец Владислав смиренно просил о даровании ему непорочного священства, последующее говение...

Августовским воскресным днем, на литургии святого Иоанна Златоуста, церемония рукоположения, внушительная и торжественная, наконец содеялась.

«Аксиус!» (с греческого: достоин) – произнес в завершение ее архиерей, а преклонивший колени теперь уже бывший диакон ощутил прикосновение благословляющей его десницы и под торжественное пение хора, трижды повторившего это восклицание, получил из рук владыки атрибуты служения священника: епитрахиль¹, пояс, фелонь², наперсный крест и Служебник³, отныне став иереем. Трепетно и с непередаваемыми словами чувствами поцеловал он каждый из этих символических предметов и невольно прослезился. Совершилось!

По окончании таинства не обошлось, конеч-

¹ Епитрахиль – длинная раздвоенная лента, огибающая шею священника и соединенными концами спускающаяся на грудь.

² Фелонь – длинное широкое одеяние священника без рукавов, с отверстием для головы, вырезами спереди для рук, украшенное крестами (крестчатая риза). Своим видом напоминает ту багряницу, в которую был облачен надругавшимися над ним воинами страждущий Спаситель.

³ Служебник – книга, содержащая основные богослужебные тексты, произносимые священником; непременный атрибут для совершения литургии.

но, без традиционного в таких случаях основательного застолья.

Впрочем, всё это было вчера. А сегодня утром новоявленный батюшка – пока еще в гражданском облачении – сошел с маршрутки и без четверти десять шагнул на столь знакомый церковный двор. Перед центральным входом в храм привычно осенил себя крестом и прошествовал в отведенную ему келью, располагавшуюся в отдельно стоящем здании.

Там вновь перекрестился: теперь на иконы, двумя рядами висевшие на дальней стене довольно просторной комнаты на три небольших окна, облачился в песочный подрясник и черные туфли и взглянул на часы – близилось время приема прихожан и других лиц. Попутно отец Владислав отметил: хотя отныне обязанности его стали иными, чего-то особенного, подсудно ожидаемого им в первый день своей службы Господу в новой ипостаси, вовсе не происходило.

Собственно говоря, а чего именно следовало бы ожидать?

Ранее Куракову в подобных приемах напрямую участвовать не приходилось: не диаконовский это ранг. Вот молча слушать, как первый его настоятель ведет беседы с людьми, мудрости набираться да стараться таковую перенимать – это, конечно, куда легче. А тут – за всех и вся в ответе сам. Потому и волновался иерей: а вдруг да с каким необычным вопросом обратится кто-либо? Впрочем, на крайний случай всегда можно посоветоваться с опытным батюшкой – именно он сегодня по графику был дежурным священником в храме и вел богослужения.

Но никаких сюрпризов нынешний день пока не обещал. Прихожане спрашивали благословения на рождение отроча (ребенка) или на сдачу вступительных экзаменов в вуз, кто-то желал освятить квартиру, другой – икону, договаривались по времени о крестинах младенца, а пожилая супружеская пара наконец-то надумала венчаться. Однако вот и трагический случай: «Батюшка, у меня сын двадцатилетний разбился на машине, сейчас в реанимации в тяжелейшем состоянии. Умоляю: научите, что делать дальше?»

И каждому надлежало разъяснить, дать совет, успокоить...

Когда все просители наконец разошлись, отец Владислав вышел на церковный двор: проветриться и обозреть, всё ли на храмовой территории в надлежащем порядке. Вскоре ноги привели его в маленький садик, в глубине которого располагались пять сохранившихся вековых могил и казачья, недавняя.

На одном из старых захоронений высился исполненный в неординарном, масонском стиле гранитный памятник в виде толстого ствола дерева с двумя отпиленными по бокам суками. Увенчивался он четырехконечным, из того же вечного камня, крестом. На срезах суков выбиты надписи: «Спаси, Господи, душу раба Твоего» и «Мир праху твоему», а в центре ствола – вырубленная ниша со стеклянной, в металлической рамке, дверкой: под лампадку. Под нишей же красовалась ритуальная и опять-таки сработанная из гранита табличка, внешне походившая на старинную грамоту со слегка заворачивающимися краями. Текст на ней гласил: «Здесь покоится прах коллежского асессора И.А. Кафтановского, скончавшегося 25 апреля 1890 на 51 году».

– Здравствуйте, батюшка...

Отец Владислав повернулся влево: перед ним стоял маленький тощенький мужчина неопределенного возраста: то ли тридцать, то ли за сорок. Смущало сильно морщинистое и осунувшееся, плохо выбритое лицо. Но седина, даже на висках, вовсе не проглядывала. Серая рубашка, похоже, специально наполовину расстегнута, чтобы на хилой, но выпяченной груди хорошо был виден простенький нательный крестик. Очередной прихожанин? И следом мелькнула мысль: вот именно таких невзрачных мелко-травчатых мужичков на Руси издавна прозывали фуфлыгами.

– Здравствуй.

– Можно ли к вам обратиться?

– Обращайся, пожалуйста.

– Помогите, батюшка, чем можете, материально. Жена очень больная, после сильного инфаркта почти не ходит, только, пардон, до горшка. На лекарства бы...

Обычно священники денег прихожанам не дают, а советуют молиться, и Бог, мол, тебе поможет. Но сегодня иерей без раздумий решил сделать исключение: ведь послезавтра исполнялось двадцать пять лет со дня кончины его матери, слишком рано ушедшей в лучший мир, и от той же самой летальноисходчивой сердечной болезни, которой хворала жена просителя.

Отец Владислав молча достал бумажник и вынул из него единственную тысячную, оставив лишь три или четыре медно-стальных десятирублевика – чисто на проезд. Нет, дома-то еще деньги наличествовали. Но именно на эту имеющуюся при себе «штуку» Кураков сегодня вечером рассчитывал приобрести колбасы-ветчины-сыра-селетки на поминки.

«Ладно, как-нибудь обойдемся. На благое дело ведь. Такой же страдальце, как и матушка была. А продукты... Что ж, в конце концов, еще завтра день будет, успеем закупиться», – подумал он.

– Спаси Вас Господи, батюшка, за вашу доброту и помощь, – жадно цапнул крупную купюру тощенький. – Благословите на покупку лекарств.

– Бог благословит, – отвечив иерей, и даже обещание-то не стал брать, что не на предосудительные дела благопокаяние употребится.

Проситель быстренько упрятал деньги во внутренний карман пиджака, для надежности еще и застегнув его на булавку. И вдруг, сверх всякого чаяния, произнес, указуя на гранитное «суковатое» надгробие:

– Батюшка, а ведь здесь мой родственник лежит.

– Откуда ведомо?

– У меня прабабка почти век протянула – и чудное дело: всё на своих ногах, – так она уверяла, что это дед ее был. Только не родной, а двоюродный, родному-то он почти в отцы годился. Совсем пацаном меня сюда в церковь приводила и могилку предъявляла. Я это «дерево недевянное» с закидонами, – кивнул тощенький на монумент, – по его кошмарности враз упомянул... – И неожиданно подытожил: – А прабабка до чего набожна была – прямо страсть!

ФЁДОР ОШЕВНЕВ. ВЕРУЮЩИЙ БАТЮШКА.

Писатели России. Два рассказа

– Уважения достойно, – заключил отец Владислав, изумившись: надо же, насколько тесен оказался мир поднебесный! Насчет «недеревянного дерева» и «кошмарности» он выговаривать не стал, памятуя, что горбатого могила исправит.

Удовлетворенный проситель для приличия потоптался еще с полминуты.

– Ну, я пойду?

– Иди с миром...

Тощенький скорым шагом удалился. А священник вновь воззрился на столь необычной формы памятник.

«Видать, не из бедных покойный-то был, коль ему на этукую вычурность расстарались, – подумалось иерею. – Интересно, коллежский асессор – это высокий считался чин? Надо бы в Интернете глянуть... Полвека жизни... Немного, однако, он намерил. Удалось ли детей переженить? А собственно, были они у него? Одному Господу нынче ведомо... И сколь нагрешить успел и успел ли исповедоваться... Эх, жизнь наша скоротечная! Зато гранит второй век незыблем стоит. Но тоже: от всеобщего кладбищенского порушения лишь чудом уцелел...»

Кураков повернулся к соседствующей казачьей могиле: на деревянном кресте её теперь была установлена пластиковая, с окантовкой табличка серебряного оттенка с черным текстом: «Подъесаул войска Донского Забазнов Платон Акимович. 1889 – 19??» – и ниже: «Сотник войска Донского. Фамилия неизвестна».

«Обидно: так второй офицер безымянным и лежит, – оформилась у отца Владислава новая мысль. – Тут атаман ничем не помог: видать, этот убиенный из другой станицы был родом. А из какой – опять только Господу известно. Но хотя бы останки теперь в земле покоятся, родственники же подъесаула уход за последним пристанищем воинов блюдут. Вот совсем недавно опять каллы на могилу возлагали, панихиду заказывали».

Тут к размышляющему о телесной бренности и долговечности монументов подошла пожилая свечница, которая лет десять уж как работала в церкви.

– Батюшка, извиняюсь, у вас спросить можно?

– Спрашивай.

– Вот к вам сейчас мужчина такой мелковатый подходил, он денег просил?

– Да.

– И вы дали?

– Да.

– Ох, не на доброе дело он их у вас выцыганил!

– «Не судите, да не судимы будете». Он для больной жены, на лекарства.

– Батюшка, да он сроду никогда женат не был! Я ж его как облупленного знаю! По соседству живет. Бездельник и горький пьяница, креста на нем нет!

– Так имелся ведь.

– Значит, для блезиру нацепил. Он в церковь-то и носу никогда не кажет! А тут – сподобился. Видать, узнал откуда-то про ваше рукоположение и момент выигрышный подгадал. В свою пользу. Ну а когда со двора-то поспешал, увидел меня у ворот, приостановился да и заявляет: мол, батюшка-то новый ваш – и дальше с издевкой в голосе, – сильно верующий оказался. Я ему: «Окстись, охальник, а каким же ему еще быть?» А этот алкоголик ухмыляется и ответно: «Да я в том плане, что всякому встречному-поперечному сразу-то верить не след». И помчался – небось до ближайшего гастронома, побыстрее зенки залить».

– Что ж... Бог ему судья, – только и вымолвил священник, разом ощутивший душевный дискомфорт: ведь на чем удалось сыграть грешнику! На святом, на памяти о самом близком и родном человеке!

...Спустя двое суток, аккуратно в день поминовения матери, свечница с утра вновь подошла к отцу Владиславу.

– Батюшка, можно обратиться?

– Пожалуйста.

– Помните, у вас позавчера мой сосед неблагополучный денег выпросил?

– Помню, конечно, – поморщился иерей: придумала же баба опять на больную мозоль наступить! И к чему?

– Ну так вот: не пошли они ему на пользу. Он в тот же день какой-то дряни паленой опился и к ночи помер. Сегодня похороны.

– Да-а-а, – поразился отец Владислав. – Надо же, насколько быстро его Божий гнев настиг. Господь ведь всё видит и никогда не бывает поруган.

Про себя же он подумал, что поскольку не признающих Бога и Он не может спасти, а в их числе и опочившего, то пусть останется это на Его воле. Другое дело, что дающий не во благо грех берущего разделяет. Посему помолиться за новопреставленного, в гибели которого, сам того не желая, оказался повинен, в любом случае необходимо. И хотя не дано понять, за что именно столь тяжко наказан, а с этим трагичным уроком как-то и дальше по жизни идти надобно.

У каждого – своё

Над затихающим селом стыл морозный зимний вечер...

Вдруг задремавшая под яркой луной улица ожила и на ней раздались частые нетерпеливые выкрики: «Пошла-а! Ну же, пошла!»

Молодой мужчина, стоя в санях, безжалостно нахлестывал взмыленную, закусившую блестящие удила караковую лошадь, бешеным скоком несущуюся меж сугробами рыхлого, поутру выпавшего снега. Мужчина рывком натянул задубевшие на холоде вожжи и еще на ходу прыжком вымахнул из саней. Подбежал к большому крестовому дому, настойчиво застучал кнутовищем в одиноко светившееся окошко.

Человек за стеклом привык к неожиданным визитам – обязывала профессия врача...

На крыльчке дома, в теплой болоньевой куртке нараспашку, стоял агроном из хутора – человек редкой, почти медвежьей силы. Из-под затертой пыжиковой шапки, искрящейся блестя-

ками морозной пыли, выбивались темные пряди мокрых волос; руки в меховых перчатках нервно сгибали упругое вишневое кнутовище.

– Доктор, скорее! – прерывисто выкрикнул поздний гость. – Жена с утра не разродится!

Врач молча скрылся в сенях. И через минуту выбежал на порог дома, хрустнув утоптанном снегом под зимними полусапожками и на ходу застегивая пальто. В руках держал чемоданчик с намалеванным на его крышке красным крестом в центре белого круга.

– Когда начались схватки? – привычно поинтересовался врач и бережно уложил чемоданчик на цветное одеяло, подоткнутое поверх умятой, слабо пахнущей овсяной соломы.

– Утром, часов в восемь еще, – скороговоркой отозвался агроном, торопливо запрыгивая в сани. – Я только на работу ушел...

– А кто с роженицей сейчас? – перебил врач, боком садясь в сани и натягивая на длинные пальцы с аккуратно остриженными ногтями перчатки козьего дымчатого пуха.

– Кто? Да мать же и... – тут агроном на секунду запнулся было, взмахнув кнутом. – Ну и соседка-повитуха. Акушерка наша в отпуске, к родственникам укатила...

– И что же?

– А то! Чтоб у этой коновалки руки отсохли! Ч-черт... – агроном не окончил фразы, зло рассек воздух кнутом. Сапно вздымавшая парующие бока лошадь испуганно дернулась черным кругом и нехотя тронула с места...

До хутора – километров шесть по накатанной санями и машинами проселочной дороге. Понукаемая лошадь мчалась, обидчиво подтянув нижнюю губу и отрывисто выстукивая копытами частый ритм по глухо отзывавшейся мерзлой земле. Крепко придерживая на одеяле свой чемоданчик, врач, сочувствуя агроному, подумал: «При родах солнце не должно заходить дважды! Сутки, не больше суток, иначе... Спешить! Спешить!!!»

Неожиданно в сухом, выжимающем из прищуренных глаз слезу воздухе, перекрывая легкий скрип полозьев на льдистых местах дороги, послышались голоса, кричащие не в лад игри-

ФЁДОР ОШЕВНЕВ. У КАЖДОГО – СВОЁ.

Писатели России. Два рассказа

вым переборам гармошки. Ближе, четче становились развеселые голоса.

– Эгей! Побереги-ись! – зычно крикнул вперед агроном.

Вот они уже – рукой подать – две разукрашенные, с колокольцами на дугах, тройки.

– Давай, родимые! Еще давай! – деловито и радостно покрикивал на вороных лошадей с вплетенными в гривы разноцветными лентами дюжий возница-бородач передней тройки, одетый в белую дубленку и по-ямщицки подпоясанный брусничным кушаком. Рядом, на этих же санях, нескладно выкрикивали: «Горррько!» хмельные дружки с полотенцами, переброшенными через плечо, а гармонист перебирал перламутровые клавиши трехрядки.

Второй тройкой (коренник – гнедой жеребец и серые в яблоках пристяжные) молодецки правил статный лейтенант в распахнутой ветром парадной шинели. В центре расписных саней жених обнимал обложенную шубами, закутанную пуховым платком невесту с раскрасневшимися щеками; здесь был и ряженный в костюм полногрудой цыганки парень, и кто-то в бурой медвежьей шкуре...

– И-эхх, гуляй, так твою перетак!

– Маэстро, дави на клавиши!

– А ну, пошли, родимые!

Смех. Крики. Цокот копыт. Частые переборы гармошки. Свадьба!..

– Доктора везу! Пропустите! – вновь зычно и резко прокричал агроном.

Но голос его, наполовину заглушаемый голосистой гармошкой и пьяными криками, относил ветер. Агроном крикнул еще, еще, уже почти догнав вторые свадебные сани. На тройках его наконец хорошо расслышали, но не поняли. А вернее, не захотели понять.

«Чего надрываешься, дурень? Неужели не знаешь, не понимаешь, что мы – свадьба – просто не можем пропускать вперед никого? Плохая примета: тогда, по поверью, молодым всю жизнь не будет в доме счастья», – возможно, подумалось на тройках тем, кто был потрезвей. А вернее всего, что и нет...

– Бесплезно! – сквозь зубы, по-звериному,

прорычал агроном. – А что, если... – и, сплюнув через угол рта, нервно дернул вожжами влево, пытаюсь обогнать свадьбу обочь, но запаренная в беге лошадь сразу увязла в глубоком придорожном снегу.

Агроном, чертыхнувшись, круто и трудно вывернул на грунтовку. Врач с тревогой приподнялся и крикнул ему:

– Опоздаем!..

Агроном затравленно молчал, до боли сжимаемая в руках твердые от мороза вожжи с ремennыми наконечниками, а в прищуренных от ветра глазах его зарождался невиданной силы гнев.

Со свадебных саней заорали неприличную частушку про обрюхатевшую в девках. И тут агроном, придерживав вожжи и наполовину даже сам не осознавая, что же делает, закричал – отчаянно и иступленно, что есть мочи и срываясь на хрип. Он страшно, грязно обругал невесту...

Резко тормознули тройки. Так резко, что парень, одетый в костюм дородной цыганки, и еще кто-то с передних саней кувыркнулись в снег. Захлебнулась на высокой ноте трехрядка, с растянутыми мехами полетела в сани...

Лейтенант пытался остановить разом рванувшихся к агроному парней, но успел лишь сшибить с ног гармониста и тут же упал сам, намертво сцепившись в яростном объятии драки с бородачом-возницей, оравшим лейтенанту: «Уйди!» – вперемешку с руганью; жених грубо волочил за собой плачущую, ухватившуюся за полы его тулупа, невесту и тоже через слово матерился; запутавшись в длинной юбке, подвернула ногу «цыганка»; неумело ломал оглоблю из саней трусоватый дружка, а его товарищ первым набегал на агронома; испуганно визжали, съжившись в санях, невестины подружки...

Агроном завернул лошадь и швырнул вожжи врачу, который неловко поймал их. Стеганув напоследок мокрый от пота конский круп, агроном прыгнул с саней, сжимая в руке кнут.

– Гони!!!

Объезжая по сугробам остановившиеся вдоль дороги свадебные тройки, чуть не сцепившись отводами с передними санями, врач еще успел заметить, как агроном в два движения

сдернул с плеч стеснявшую его куртку и с силой, с оттягом, дважды полоснул нападающих кнутом, а дальше все смешалось в один рычащий, бесформенный клубок дерущихся, каждый за свое.

Врач стиснул зубы и хлестнул вожжами тяжело бегущую лошадь, заставляя ее наддать ходу. Совсем рядом мучилась жесточайшей человеческой болью роженица, уповающая на его помощь, истово надеющаяся на нее...

– Но-о! Но-о! – понукал врач лошадь.

Да, умом он сейчас понимал, что при родах солнце не должно заходить дважды, а значит, надо мчаться и мчаться, и только вперед, сквозь ночь, к будущей матери. И как же он ненавидел в душе это понимание...

Вот и замелькали по сторонам дома соседней деревни, за которой уже был виден нужный хутор, и по улице прокатился заливистый собачий брех. Припозднившийся прохожий, остановившись, проводил удивленно-любопытным взглядом мчащиеся сани. Еще минуты две – и лошадь сама остановилась у родного порога.

В прочищенном от снега дворе, у калитки, сосредоточенно дымили отец и младший брат агронома – парень лет восемнадцати, которые тут же поспешили навстречу долгожданному гостю.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнул отец, отбрасывая в сторону и окурки, и пустую смятую пачку из-под «Примы». – А почему один?

– Он на дороге со свадьбой дерется, – единым духом выпалил врач и стремительно взбежал на крыльцо...

Отец и брат агронома примчались на место драки, вконец загнав несчастную лошадь, со страхом прижимавшую уши под нещадными ударами вожжей и кнута. К тому времени агроном уже давно не сопротивлялся свалившим его наземь и теперь насмерть забивающим парням, лишь в полутьме сознания инстинктивно прикрывал голову.

Лейтенант оттаскивал озверевших парней от лежащего ничком агронома; невеста, до бровей вывалившаяся в снег, плача, всё цеплялась за жениха; стонал возле саней дружка, получив-

ший первый удар кнутом, бережно прикрывая ладонью поврежденный глаз и ритмично покачиваясь туловищем влево-вправо; держался за свернутую челюсть второй, трусоватый дружка; кое-как поднимался на ноги гармонист, в свалке оглушенный кем-то из своих же; снова мешала «цыганке» юбка, не дающая сильного размаха для удара ногой... Вокруг места драки на снегу и исчерканном каблуками ледяном покрове дороги валялись оторванный рукав грязно-белой дубленки, несколько рукавиц, затоптанная ондатровая шапка.

То один, то другой нападающий прорывались мимо лейтенанта к агроному и пинали его ногами: в живот, в лицо – зло, люто, иной раз с хакающим вскриком мясника, разрубающего тушу.

Брат агронома еще из саней выстрелил в воздух из захваченной тулки-двустволки. От грома выстрела парни разом опаматовались, остановились и молча, с тупым удивлением уперлись взглядами в человека, недвижно лежащего перед ними на испятнанном кровью снегу.

Агроном с помощью отца тяжело, со стоном поднялся и сделал шаг, закусив губу. Потом выхаркнул на истоптанную и продранную до сизого льда дорогу темно-красный сгусток. Еле внятно произнес:

– Не по злобе я, парни. Не по злобе. Ведь жена умирает... Но и вы-то... Э-х-х!

И, слабо оттолкнув отца, со словами: «Я сам», шатаясь от нечеловеческого напряжения сил, медленно побрел к саням.

ФЁДОР ОШЕВНЕВ. У КАЖДОГО – СВОЁ.

Светлана Семёновна Фёдорова родилась в Якутске в 1947 г. Окончила геолого-разведочное отделение инженерно-технического факультета ЯГУ. В системе геологии Якутии служит около 50 лет. Работала в геолого-съёмочных партиях на Яне, Индигирке и Колыме старшим техником-геологом, геологом, ведущим геологом.

Награждена знаками «300 лет горно-геологической службе России», «Отличник разведки недр» и «Гражданская доблесть». В настоящее время работает в Якутском филиале ФБУ «Территориальный фонд геологической информации по Дальневосточному федеральному округу» заместителем начальника отдела.

Светлана ФЁДОРОВА

Дети СССР

(Отрывок из повести)

Воспоминания автора – это путешествие в пространстве времени, когда наша большая страна существовала под именем «СССР». Время не проходит. Проходит человек – свое детство, отрочество, юность. Время выступает как пространство воспоминаний. «Пестрые главы» повествования связаны единством сюжета, в котором семья, родители играют главную связующую роль. В основе всех взаимоотношений в нашей семье лежали уважение и любовь.

Главное, помнить всегда: существует доверие и недоверие. Существует уважение или отсутствие его. Существует душевно-духовная связь. Ты всегда в минуты сомнения и неуверенности сможешь обратиться к бесценному опыту семьи, детства. Пережитое и удивляет, и учит.

С каждым днем все интереснее учиться. Не только у книг, у шедевров искусства, у друзей и родственников, но и у собственного прошлого.

Автор.

ПЕРЕЕЗД В ЖИГАНСК

Лето после подготовительного класса мы провели в Немюгинцах. Я ничего из этого лета не помню, так как большую часть его проболела неизвестно чем и провела в постели в доме у тети Агаши.

Помню только начало болезни. У меня начала сильно болеть голова и дядя Афоня повез меня

с утра на своем велосипеде в Покровск, к врачу. Помню, как в Покровске мы остановились на улице, встретив знакомого дяди Афони. Дальше я ничего не помню.

Очнулась я ночью в кровати, жутко болела голова. Не помню, сколько дней или ночей прошло. Была сумеречная летняя ночь, я одна в комнате с двумя окнами – одно напротив меня, второе сбоку, слева от кровати. Боль тисками сжала виски, в голове как будто зазвенели тонкие скрипичные струны, и вдруг в окне напротив появился маленький черный человек в черном цилиндре и стал в упор сверлить меня взглядом. Я застонала от боли и страха, пытаюсь не смотреть на этого человека. Тут в комнату вошла тетя Шура, я стала показывать рукой на человека в окне. Она подошла к окну, в этот момент человек переметнулся к окну слева от меня и с еще более близкого расстояния стал смотреть на меня, пряча свое тело за стеной дома.

– Нету никого, нету, – испуганно проговорила тетя Шура, заворачивая меня в тонкое одеяло и беря на руки. Она стала со мной на руках ходить по комнате, успокаивая и пытаюсь убаюкать меня. Но человек не уходил и упорно сверлил меня взглядом.

– Он здесь, здесь... – говорила я.

Тетя Шура по моей указке металась от одного окна к другому, но человек ловко уворачивался от неё, оставаясь видимым только для меня. Только с наступлением рассвета, с первыми лучами солнца он покинул угол дома и исчез. Тетя Шура в совершенном изнеможении опустила меня на кровать, прося тут же заснуть. Голова моя болела, но, жалея тетю Шуру, я закрыла глаза. Теперь можно было закрыть глаза, так как человек ушел.

Но наступила следующая ночь, и все повторилось в точности, как вчера. Сначала в голове зазвенели тонко металлические струны, стиснуло с обеих сторон виски, и адская боль закрутилась в голове. И в окне снова появился маленький человек в цилиндре и опять стал на меня смотреть. Не знаю, сколько ночей это длилось. Но наступило утро, когда я проснулась почти здоровой. Я открыла глаза, было очень светло, на чистом крашеном полу сверкали блики солнца. Дома

было очень тихо, только слышно, как в соседней комнате, служившей столовой, за стенкой тикали настенные часы. У меня ничего не болело, голова была ясная и легкая. Я встала, надела тапочки, лежавшие возле кровати, и, увидев на вешалке возле двери свое малиново-красное вельветовое пальто, почему-то накинула и его.

Сделав шаг к выходу, я поняла, что ослабела, меня шатало при ходьбе. Дома действительно никого не было, миновав пустые комнаты и сени, я вышла во двор и невольно зажмурилась от яркого солнечного света. На улице сияло августовское лето, празднично зеленела травка, на траве сидели Сеня с Линой, гладили собаку по кличке «Кырса» (она была белая, как песок), приговаривая: «Умная-умная Кырса, поймала зайца и принесла хозяевам домой!» Действительно, перед собакой лежал задавленный ею подросток сиреньский зайчонок. Значит, была где-то уже середина августа, когда подрастали зайчата. Увидев меня, дети остолбенели, потом с криками «Света встала! Света встала!» вскочили. Тут же откуда-то появились бабушка и тетя Шура, окружили меня, стали расспрашивать о самочувствии, началась суета, послали зачем-то за тетей Агашей в пекарню.

– Девочка голодна! Надо её покормить!

– Погодите-погодите, – вмешалась бабушка, – она давно не евши, ей нужна мягкая жидкая еда, и то – совсем понемножку. Я сварю ей жиденькую кашку и бульончик из цыплят.

Так началось мое выздоровление.

А что касается маленького черного человечка, то дядя Афоня, оказывается, выходил во двор по ночам, обходил кругом дом, высматривая следы ног этого существа, пугавшего меня!

В конце лета мои родители приехали из города с новостью, что наша семья прямо из Немюгинцев отправится в Жиганск, куда получил назначение папа после окончания совпартшколы. Были устроены проводины в доме у тети Агаши. Прохладным августовским утром, перед отъездом в Якутск, все сфотографировались на память во дворе. На фотокарточке запечатлены все многочисленные домочадцы тети Агаши, включая лежащую на земле Кырсу, и наша семья. Я на

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

снимке бледная, худенькая, с тонкими руками и ногами и измученным выражением лица.

Из Якутска в Жиганск отправлялись на теплоходе, где мы заняли отдельную каюту второго класса. Нас провожала Эдьий Еля, она оставалась в Якутске учиться на курсах бухгалтеров. Когда объявили, чтобы провожающие покинули теплоход, Эдьий Еля разрыдалась, ей не хотелось оставаться без нас. Мама стала уговаривать её, пришла проводница и, видя эту душераздирающую сцену, стала тоже говорить, чтоб родители купили ей билет. Папа, жалея Эдьий Елю, сказал: пусть едет с нами. Но разумная мама настояла на том, чтобы Елена осталась в Якутске. Она со слезами покинула теплоход, мы все вышли на палубу, и я долго махала ей рукой. И Эдьий Еля махала нам, пока не превратилась в точку и исчезла. Когда я вернулась в каюту, застала разговор родителей. Отец тогда горько сказал: «Лучше бы она поехала с нами, как она будет одна?» На что мама строго ему вразумляла, что Елена не выдержит сурового северного климата, что нас там никто не ждёт, что мы едем навстречу неизвестности с малыши детьми.

Как она была права, наша умная мама! Папа был назначен инструктором райкома КПСС. Первое время мы попросту обретались при райкоме, так как не оказалось свободного жилья. Днём нас, детей, отправляли на улицу, где мы и проводили целый рабочий день до его конца. В обеденный перерыв мать заводила нас в служебную каморку сторожихи-уборщицы, где наскоро кормила нас чем-нибудь, а потом опять выпроваживала на улицу, чтоб мы не мешались в учреждении. Лишь маленькая Наташа оставалась в каморке, где она спала целыми днями. Я же, взяв Лину и капризного своенравного Володю, отправлялась на берег Лены, который был тут же рядом, в ста шагах от райкома. Занимала детей, в основном Володю, чем могла, лишь чтобы он не пошел отвлекать папу от работы. Вечером, по окончании рабочего дня, заходили в здание, где ужинали и спали в одном из кабинетов. Наташа, которая спала днями, вечерами долго одна возилась на полу, пока сон не уморит и её.

Папа тоже старался чем-нибудь помочь мне

занять детей и, в один из выходных, соорудил качели, и мы целыми днями качались на них. Мне казалось, что я раскачивала качели так, что взлетали мы аж до неба. До неба или не до неба, но выше соседского забора мы взлетали, и я видела там русского мальчика, моего ровесника, всегда одиноко пребывающего во дворе. Однажды этого мальчика привела к нам за руку молодая женщина, его мама, и обратилась ко мне с просьбой принять его в нашу веселую компанию, сказав при этом, что каждый раз он замирает от зависти, видя, как мы взлетаем вверх. Также она сказала, что скоро они уедут на материк (так и сказала: «на материк»), а сюда они с сыном приезжали погостить к папе, начальнику экспедиции. Конечно, я согласилась, и мальчик с удовольствием несколько дней до отъезда общался с нами.

Тем временем родителям выделили жилье в одноэтажном бараке, притулившемся недалеко от райкома, на противоположной стороне улицы. Родители были рады этому. Несколько дней они вдвоем красили там полы, ремонтировали печь, в общем, как могли, благоустраивали жилье. Жилье это имело отдельный вход и состояло из одной комнатенки и кухоньки. Когда мы там заселились, Володе выделили место в детсаду, куда его утром отводили и забирали вечером. А для Лины, которой еще не было 5-ти лет, и двухгодовалой Наташи места в детском учреждении не нашлось. Лина с Наташей вдвоем оставались дома. Сама дошкольница, Лина присматривала одна за маленькой Наташей, пока я не приду из школы.

В школу, где занятия уже шли, с опозданием из-за отсутствия жилья повела меня мама. Оставив меня в коридоре, она зашла к завучу, вышла оттуда смущенная и сказала, что завуч без табели не хочет принять меня в первый класс и что сейчас она устроит мне проверку. Оказалось, мама не забрала в Якутске мое «Личное дело» из 15-ой школы. Я одна зашла в кабинет, где меня встретила очень строгая, высокая и тонкая русская дама в очках, в костюме в полоску и с кудрявыми волосами. Спросив, как меня зовут, сколько мне лет, откуда я приехала, где раньше жила и училась, она велела прочитать мне какое-нибудь стихотворение. Я знала много стихотворений и прочи-

тала ей одно из них. Тогда она открыла, как Капин папа, учебник «Родная речь» и велела прочитать, что я и сделала. Очередь дошла и до примеров по арифметике. В конце она погладила меня по голове и сказала: «Молодец, отличница! Учись и дальше так!»

Школа находилась достаточно далеко от дома, где мы жили. Днем после школы я заходила к маме на работу, и мы вместе шли домой. Обычно Лина, прилипнув носом к окну, ждала нашего прихода, а Наташа в верхней одежде (шапке, зимнем пальто, рукавицах) спала прямо на пороге дома. Это она так «выходила гулять на улицу». А мы их запирали снаружи, чтобы они сидели дома. Покормив нас, мама убегала обратно на работу. Мы с Линой, уложив Наташу, у которой не было зимней обуви, выходили поиграть на улицу и возвращались до того, как она проснется. Не знаю, сколько бы так продолжалось, если б не случай. Однажды, как всегда, мы пришли на обед вместе с мамой. Мама сразу увидела, что лицо Наташи испачкано чем-то красным. Еще с порога мама тревожно произнесла: «Как они с полки достали варенье, ума не приложу».

Подойдя к Наташе, мама охнула, протерла её лицо влажной тряпкой и сразу отправила меня к папе. Тем временем она расспросила Лину, которая рассказала, что Наташа упала на острие ножницы, плакала, а потом заснула. Мама была в шоке от случившегося. Не пообедав, мама с папой понесли Наташу в больницу (в поселке в то время вообще не было ни одной машины!). Там Наташе промыли рану, зашили, мама несколько дней не работала, сидела с Наташей. После этого случая Наташе выделили место в яслях, и мы с Линой теперь были дома одни. Нашим любимым занятием стало вырезание из бумаги человечков, я сочиняла всякие истории про них, что очень нравилось Лине. Поиграв, мы складывали человечков в коробочку до следующего дня.

Событием в семье стало мое вступление в пионеры, куда меня приняли досрочно, как отличницу учебы, в 8 лет. Я выучила наизусть торжественную клятву пионера, но само событие состоялось лишь с третьего захода: в первый раз в школе отключили электричество, во второй раз

заболела старшая пионервожатая и только с третьего раза я пришла домой в галстук! Радость и гордость мамы за дочь отличницу-пионерку, расспросы, все это оставило неизгладимое впечатление. Меня заставляли рассказывать, как все это происходило, поздравляли, рассматривали галстук, словно его видели впервые.

Вообще, мама очень любила мои рассказы о событиях в школе, о том, что мы проходим, какой у нас учитель, кто со мной учится. Все это ей было интересно, она усаживала меня на стул в кухне, стряпала, гладила или стирала, а я рассказывала.

В Жиганске мы впервые увидели оленей, собачью упряжь. Отец завел собаку, которую запрягал в нарты, и на них отвозил и привозил Володю и Наташу из детсада.

По воскресеньям папа водил меня в клуб на детский киносеанс, а сами они с мамой ходили туда по вечерам. Я их всегда дожидалась, мы вместе пили чай, и они мне рассказывали, что видели в фильме.

Еще в Якутске, начиная с Рабочего городка, родители свои выходные посвящали нам, детям. Весной мы обязательно все вместе ходили любоваться на ледоход, ранним летом гуляли в парке, нас водили в Краеведческий музей, Горкино, на выставки. В то время во дворе Краеведческого музея, справа от центрального входа, стоял памятник И.В. Сталину в полный рост. В здании музея посетителей встречал муляж медведя в натуральную величину. Помню также выезды за город, густые березовые рощи за ГИМЕИНОм, трель жаворонков, бабочек, молодого папу, бегающего по полю с нами.

Меня всегда брали с собой в колонну на демонстрации 1 Мая. Пышно, с помпой отпраздновали в 1954-ом году в Якутске 300-летие воссоединения Украины с Россией. Вся наша семья, включая 8-месячную Наташу на руках родителей, в полном составе прошла в праздничной колонне, и потом целый день мы гуляли по городу. Народ буквально ликовал! Песни, пляски, украинские костюмы людей, ветки зелени в руках надолго отложились в памяти. В тот день мы сфотографировались всей семьей – папа при орденах, мама в васильково-синем крепдешиновом платье с мел-

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

кими розовыми цветочками, мы, дети (кроме малышки-Наташи) в нарядных матросских костюмах по моде тех послевоенных лет.

С выездами за город на лежковушке по Старопокровскому шоссе у меня ассоциируется следующее воспоминание. Машина останавливается ненадолго на обочине. Недалеко горы коренной террасы реки Лены, и я пристаю к маме с просьбой сбежать на гору и посмотреть, что там, с высоты. Мне каждый раз прямо жгуче хотелось этого. Я упрашивала маму меня отпустить, говорила, что я бегаю быстро и поэтому быстро вернусь. Но мама ни разу не разрешила мне этого, мотивируя свой отказ тем, что нельзя задерживать дядю шофера, что машину нам дали на короткое время. Через много лет, когда моему сыну Жене было 8 лет, я, проездом в Покровск, остановила машину на обочине и предложила Жене вместе с ним сбежать на эту самую гору. Ответ сына меня удивил и озадачил до крайности: «Что ты, мама! Во-первых, там, под горой, глубокая вода, мы не сможем его перейти просто так. А во-вторых, с этой горы ничего не увидишь, кроме части нашего города. Так что не надо нам туда идти, лучше поедем поскорей». Да, там, под горой, конечно, была старика протоки! Конечно, с горы можно обозреть город, но каков ответ! Практичность моего ребенка очень удивила меня, я не была такой не только в его возрасте, но готова была и сейчас бежать на эту гору! Да, за нами шло поколение прагматиков!

Все бы хорошо в Жиганске, но в последний день первой четверти я заболела прямо школе. Учитель у нас был мужчина, после первого урока он отправил меня в поликлинику. Я послушно пришла в поликлинику, разделась и села в коридоре в ожидании, что меня вызовут. У меня болел живот, и болела голова. Когда проходящих мимо женщин в белых халатах я спрашивала, когда меня вызовут к доктору, отвечали или «подожди», или отмахивались. Взрослые с детьми всё проходили, а я сидела и сидела, а потом встала и пошла домой. Дома в обед мама спросила, что у меня болит, но я, поняв, что у меня аппендицит (до этого у меня уже был один приступ еще в Якутске), сказала, что совсем немного болит голова. К вечеру мне стало лучше, утром мама ушла на работу, но

днем к ее приходу мне стало плохо. Мама вызвала фельдшера (фельдшером работала знакомая родителей Вера Владимировна, жена первого секретаря райкома Алексеева Василия Иосифовича), которая велела немедленно отвезти меня в больницу. Папа уложил меня на нарты, по дороге матрац вместе со мной свалился с нарт на обочину, а он, не замечая, всё продолжал бежать и бежать рядом с собакой...

В больнице меня сразу положили на операционный стол. Оперировала хирург Галина Владимировна Некрасова (в будущем главный детский хирург республики). После операции я долго лежала в больнице. Видимо, я была «тяжелая», и мама с папой по очереди непрерывно дежурили около меня. Я этого не помню, но поняла, когда на обходе женщина-врач спросила: я что, единственный ребенок в семье? На что я отвечала, что я старшая среди четверых. Не поверив своим ушам, она вернулась после общего обхода и еще раз уточнила у меня, что я далеко не единственное чадо. Настолько безмерно было её удивление, что она вслух выразила, что думала: мои родители «так трясутся, так носятся со мной» из-за того, что я у них единственная. Лежала я сначала в палате с двумя взрослыми женщинами. У меня не было аппетита, и мама все время спрашивала, хочу ли я чего-нибудь. И тут вдруг мне захотелось консервированного абрикосового компота.

К несчастью, во всем поселке не было никакого компота, с трудом удалось купить грушевый. Мне в тот вечер стало лучше, и мама, уходя домой, переложила груши из банки в стакан, чтобы мне удобно было достать, а остальную часть компота в банке поставила в тумбочку. Утром, проснувшись, я с удивлением обнаружила одну грушу на дне стакана. И в тумбочке тоже не оказалось компота. Пришла мама и, в свою очередь, удивилась, что я так много съела за один раз. Мои соседки хором сказали, что это я сама ела груши вечером и ночью. При этом у одной из них был настолько нахальный (другого, более точного, слова я не изыщу), плутовской взгляд, что у меня от такой наглости затряслись губы, но оспаривать её слова я не стала. На вопрос мамы, действительно ли я съела груши, ничего не ответила, но попро-

сила маму выкинуть остаток груш. Мама поняла мое состояние, и в тот же день меня перевели в другую палату.

Перед Новым годом ко мне в палату учитель привел целую делегацию одноклассников, подарок от Деда Мороза, книжку-премию за отличную учебу. Выписали меня после новогодних каникул, но в школу я так и не пошла, так как была слаба после перенесенного перитонита. Родителей очень беспокоило то, что я совсем не ела. А я отчетливо помню рыбный запах, который преследовал меня всюду. Дело в том, что основной едой в Жиганске была рыба, притом разная и хорошая. Из мяса была только оленина. Я не была капризной в еде никогда, но есть рыбные блюда (ни в каком виде) и оленину совершенно не могла. Мне казалось, что весь Жиганск пропах рыбой, и нигде не спрятаться от этого запаха. Но будучи старшим ребенком, приученная делить с родителями все возникающие трудности, я не жаловалась.

Так прошли январь, февраль, март, я не ходила в школу. В это время отец после работы часто сидел возле меня. Я просила его, чтобы он что-нибудь мне нарисовал. Отец смущенно, как бы оправдываясь, говорил мне, что, кроме лошадей, он ничего не умеет рисовать. Но каких лошадей он вырисовывал на белом листке простой писчей бумаги! Вставших на дыбы, бегущих рысью, купающихся в снегу, тревожно вглядывающихся вдаль, мирно пасущихся. Я, лежа в постели, следила за рукой рисующего папы. Да, он любил якутских лошадей! Любил ездить верхом, умело их запрягал, вообще возился с ними, когда был председателем колхоза «Коммунизм» в Хадаре и колхоза имени Сталина в Сылане. Любил скачки и до конца жизни посещал ипподром.

В конце марта отец выехал в Якутск, в командировку. Когда он вернулся, мы узнали, что возвращаемся в Якутск.

Как я радовалась переезду в родной Якутск! В Якутск наша семья полетела спецрейсом на АН-2. На мой недоуменный вопрос, почему летим только мы, почему без билетов, мама отвечала, что так надо. Но я не отставала, почти требовала ответа, потому что видела огромное скопление людей в аэропорту, очередь возле авиакасс, да

и некоторые дяденьки-тетеньки подходили ко мне, когда мы, дети, оставались одни на вокзале, спрашивали, как мы полетим. Уже потом, в Якутске, родители мне объяснили, что этот рейс организовал папин друг, начальник стационарной экспедиции.

Я не знаю, какая это была экспедиция, но отец действительно дружил с кем-то из этих бородастых русских людей, часто бывал у них в доме (они жили недалеко от нас), и они к нам приходили на праздники. Из уже более поздних воспоминаний родителей я поняла, что отец подружился с начальником экспедиции (тоже фронтовиком), они вместе рыбачили, охотились, пока мы жили в Жиганске. Отец с благодарностью вспоминал, что этот человек (к сожалению, забылось его имя), увидев нашу семью, видя, в каком затруднительном материальном положении мы находимся, старался нас поддерживать. У моего отца совсем не было теплой зимней одежды (отец долго донашивал армейскую шинель и китель), и этот человек полностью бесплатно его экипировал!

Тут следует сказать еще вот о чем. В моих детских воспоминаниях слово «экспедиция» укоренилось гораздо раньше. Дело в том, что когда мы жили в Рабочем городке, мои родители и Эдьий Еля часто вспоминали какую-то ленинградку Антонину. И в моей детской памяти очень зыбко и смутно возникал образ молодой русской женщины, перезимовавшей у нас в доме, когда мы жили в Ытык-Кюёле. Возникла картина, как она лежала в кровати за печкой, как мои родители ухаживали за нею, поили молоком, кормили кашей и бульоном с ложечки. Помню, как она начала вставать, общаться с нами, детьми, заплетала мне косички и говорила (это я четко помню):

– Это ленинградские косички. Девочки в Ленинграде носят такие косички.

На мои расспросы уже в Рабочем городке про эти их воспоминания мне отвечали, что она была геологом.

Как и почему она оказалось у нас в Ытык-Кюёле, я сейчас не припомню. Но через это село возили дальстроевцев на Хандыгу, Усть-Неру, «колымчан», как говорила наша соседка тетя Катя. Почему-то мне кажется (судя по воспомина-

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

ниям-рассказам родителей), что её бросили умирать на улице в ноябре возле здания суда в Ытык-Кюёле. «Списали, составили акт о смерти», – и это осталось в моей цепкой детской памяти.

Когда мы пересекли Лену, переезжая из Ытык-Кюёля в Якутск, я помню, что она была с нами. Потом родители оставили нас на берегу и вместе с Антониной куда-то ушли. Их не было очень-очень долго. Все это время мы, дети, сидели на вещах, и я наблюдала за происходящим. Было много милиционеров в темно-синей форме, которые присматривали за множеством заключенных, которых выгружали из прибывающих, крытых брезентом, автомашин. Продержав какое-то время на берегу, их загружали в баржи. Постоянно через рупор отдавались громкие команды.

Это 1952 год! Некоторые группы прибывающих–убывающих заключенных оказывались очень близко от того места, где нас оставили родители. И я видела взгляды этих людей, обращенные на нас, детей.

Но вот подошли родители вместе с Антониной, она стала нас обнимать-целовать, плакать и прощаться. Потом они опять ушли и довольно скоро подошли без Антонины, очень грустные-печальные. «Как она доедет? Лишь бы ничего не случилось по дороге. Ну, на барже ничего не будет, за ней присмотрят. Но вот на железке...», – вот суть беспокойства родителей. Теперь я понимаю, что они её отправили в Ленинград, сначала на барже до железной дороги. Видимо, отец, знавший речников, с кем-то договорился. Что было потом, доехала ли она до своего родного города, я не знаю. И очень жалею, что пока были живы родители и Эдьий, я так и не удосужилась расспросить, кто такая была это Антонина, как сложилась её дальнейшая судьба.

Но я отвлеклась. Наш АН-2 из Жиганска приземлился в аэропорту Якутска. Только выйдя из самолета, я, ребенок, ощутила, насколько соскучилась по этому городу, как мне его не хватало! Мне так не терпелось скорей увидеть родные улицы, пробежаться по ним, что я уговорила родителей отпустить нас с Линой одних (куда я без неё!) в город, что мы сами приедем в Рабочий городок к дяде-Васиным.

Нас отпустили, мы с Линой сели в автобус. А в Якутске бушевала ранняя весна! Снега не было, всюду лужи. Все лица в автобусе, на улицах мне казались бесконечно родными! Двух маленьких девочек в зимних одеждах наперебой спрашивали, кто мы и откуда. Раньше люди были другие, сердечные. Я всем объясняла, откуда мы приехали, говорила, как я соскучилась по городу. И слышала сладкое: «С приездом!», «С приездом!» Кондуктор не взяла протянутые мной копейки, сказав, чтобы я купила на них мороженое. Каждый глоток воздуха в этом городе возвращал мне силу, энергию, и я, ребенок, ощутила это почти физически.

Тем временем мы проехали остановку «ДЗ», откуда должны были идти в Рабочий городок, доехали до Горкино, но вышли из автобуса только возле гастронома (сейчас остановка «Площадь Ленина»). Я решила идти в совпартшколу к Капе. На пропускном пункте, как всегда, сидел дядя Егор, который открыл рот, увидев нас с Линой, и так и остался с открытым ртом. Лишь вдогонку кинул с опозданием:

– Вы что, в городе? Когда приехали?

– Сейчас! – был мой ответ дяде Егору, которого я не очень жаловала за то, что он следил за всеми моими вылазками в город в отсутствие родителей и всегда им обо всем докладывал.

Комната Капиных родителей оказалась закрытой. Мы пошли в парткабинет, где работала тетя Маша. Она сидела спиной к нам, склонившись над столом, и что-то читала. Мы тихо застыли возле двери. Она, что-то почувствовав, обернулась и тихо охнула от неожиданности. Тут же вскочила, подбежала к нам, обняла, стала расспрашивать. Её удивлению не было предела, когда выяснилось, что мы только что с самолета. Тут же был приготовлен чай, какая-то еда. Капа оказалась в школе во второй смене, мальчики в детсаду, папа Капы в обкоме на работе. Пообщавшись с тетей Машей, мы поехали в Рабочий городок, куда приехали наравне с родителями, которые с вещами только-только въезжали во двор на машине.

В Якутске мы пробыли около недели. И далее мы должны были выехать в село Хадар Чурапчинского района, куда папа был назначен председа-

телем колхоза «Коммунизм», влившись по зову партии в движение «тридцатитысячников»¹. Надо сказать, что это родное село папы, откуда он родом.

ХАДАР

В Хадар в 1956 г. мы, дети, выехали с мамой на «газике». Отец остался в городе по делам уже вверенного ему колхоза. Повез нас Федор Васильевич Посельский, бывший председатель колхоза, которого сменил наш папа (Федор Васильевич перешел на работу в райцентр). Всю дорогу – 200 с лишним км – Федор Васильевич просвещал маму насчёт ожидающей нас жизни в деревне. Я, по обыкновению, встревала в разговор, но прекраснейшего человека, Федора Васильевича, это нисколько не удивляло, и он обстоятельно отвечал на мои вопросы. Особенно меня удивил тот факт, что в Хадаре всего 17 (!) домов-дворов.

В Хадар мы прибыли поздно вечером, было уже совсем темно. Мы все устали, и я ничего не рассмотрела, въезжая в саму деревню. Во двор, когда мы разгружались, влетел раздетый (без верхней одежды) шустрый разговорчивый мальчишка моих лет, назвался Колей, порасспросил, что и кто мы, и был таков. Но перед тем, как он убежал, я с ним договорилась, что он за мной утром зайдет и мы вместе пойдем в школу.

В доме, куда нас привез Федор Васильевич (сам он с шофером буквально сразу уехали в райцентр), пока проживала его семья: жена Люба, сын Вася, младше Лины на год, и дочь Надюша 3-х лет.

Утром я рано встала, позавтракала, приготовила портфель, надела форму и стала ждать Колю. Скоро 9 часов, а он все не идет. Тут тетя Люба удивленно мне говорит:

– Опоздаешь, чего ты ждешь, иди уже!

– Я жду Колю, мне он обещал, что зайдет. Я же не знаю, на какой улице школа.

¹ В 50-ые годы партия призвала коммунистов с промышленных предприятий и партработников возглавить отстающие колхозы.

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

– Да какая улица! Школа недалеко, тут тебе не город! А Колю не жди и больше не верь ему, он болтун и балаболка!

Стоял апрель, наверно, первая его декада, но меня отправили в школу в черной меховой шубке, в зимней шапке и валенках. В деревне еще лежал снег, и не было признаков его таяния, но уже было тепло. Я пошла в ту сторону, куда мне показала тетя Люба, и вскоре догадалась, что большое здание, стоявшее поодаль, это и есть школа. Мимо меня откуда-то, но все явно с одного какого-то места, пробежали группками (по двое-трое) дети, совершенно раздетые (!), отчего я обалдела. Дети были без головных уборов, без пальто, без варежек, и, что самое удивительное, без валенок. Вместо валенок на ногах у них были доселе невиданные мной торбаза с завязками! Ни у кого из них, что меня поразило, не было портфелей, а книжки и тетради они все несли под мышками, в руках!

Дети все оглядывали меня и, ничего не произнеся, неслись мимо-мимо. Я увидела, что они обходят здание и заходят со стороны, не видной мне. Подошла и я к школе, открыла дверь и, ступив в просторный коридор, замерла от удивления. Никакого беспорядочного движения и галдежа, бывающих в коридорах 15-й школы г. Якутска и в средней школы пос. Жиганск, здесь не было! Меня поразило чисто вымытый пол коридора, а во второй его половине, перед сценой, стояла молчаливая толпа детей, которая хором, как по команде, поздоровалась со мной. От такого невиданного почтения к своей персоне я смутилась и тихо ответила на приветствие. Сняв шубу, взглядом стала искать раздевалку. Тут подошел высокий мальчик, вернее, подросток-переросток, взял из моих рук шубу и повесил ее на крючок простой деревянной вешалки, стоящей тут же прямо в углу коридора. Тут я опять удивилась тому, что на вешалке ничего не висело из верхней одежды, а, во-вторых, крючки вешалки были настолько высоко расположены, что вряд ли кто из детей, кроме этого подростка, мог достать до нее.

Дети с любопытством разглядывали меня, а я заметила среди них вчерашнего мальчика Колю, который, как ни в чем не бывало, смотрел

на меня. Казалось, что он совсем не помнил про свое обещание проводить меня в школу. В это время в коридоре появилась русская девушка со светлыми волосами, подошла ко мне и стала разговаривать со мной. Услышав, что я первоклассница, показала на дверь моего класса, показала на «Учительскую» и сказала, что очень рада мне, так как в школе нет ни одного ребенка, владеющего русским языком. Дети ошеломленно слушали наш диалог и раздалась возгласы:

– Так эта девочка русская, русская!

Из боковой двери позади сцены вышла женщина с маленьким колокольчиком в руке, и прозвенел удивительно громкий залиvistый звонок.

Так состоялось мое знакомство с Хадарской начальной школой, где я училась до окончания третьего класса.

Эта была удивительная школа в деревне с патриархальным якутским бытом.

Школа, конечно, была малокомплектной. В ней и были-то всего две классные комнаты: в одной из них учились первый и четвертый классы, в другой – подготовительный и второй. Учителей было трое: молодые супруги Михаил Васильевич и Матрена Петровна Эверстовы и Валентина Николаевна, русская приезжая девушка. Михаил Васильевич вел первый и третий классы, Матрена Петровна – соответственно подготовительный и второй. Валентина Николаевна преподавала русский язык во всех этих классах. Но какие это были учителя! Сподвижники, профессионалы, Учителя в полном смысле этого слова!

Я благодарна судьбе за встречу с такими Учителями и благодарна родителям, которые дали возможность познакомиться с бытом и жизнью настоящей якутской деревни!

Здесь я увидела простой быт деревенского жителя, бедность на грани нищеты. Узнала жизнь колхозников, отсутствие у них паспортов и денег, про натуральную оплату за труд (трудодни) мясом, маслом, зерном. Люди жили за счет своего маленького хозяйства, мясо, то есть мясной суп, ели через день зимой, а летом вовсе переходили лишь на молоко да черную лепешку. Пекарни здесь не было, по старинке на таганке перед открытым огнем печи или камелька пекли лепеш-

ки из черной муки грубого помола. Оладьи выпекались по праздникам. Большинство, включая и взрослых и детей, носили самодельную обувь (торбаза) из коровьих шкур. Сапоги и ботинки были редкостью, имелись лишь у более зажиточных крестьян и «служащих», как здесь называли учителей, бухгалтеров, медработников.

К нашему приезду в Хадаре не было электричества, радио, бани, медпункта, почты. Не было в колхозе, а значит, и в селе, ни одной машины. Мой отец приехал из города весной после нас на новеньком грузовом ГАЗ-56 с новеньким же водителем Степой, окончившим курсы шоферов в Якутске. Степа был сирота, отслуживший в армии, которого мой отец нашел в городе и пригласил с собой. Все три года он жил у нас в доме. С приездом отца в колхоз в селе летом появилось радио, заработал медпункт, от дизельной станции стали подавать в дома электричество. Была построена баня, куда мы и ходили всей семьей. Стала приезжать кинопередвижка, и по вечерам в клубе показывали фильмы тех лет: «Карнавальную ночь», «Волгу-Волгу» и другие.

Мама, за неимением другой работы, стала заведовать библиотекой при клубе и добровольно, по личной инициативе, вела культурно-просветительскую работу среди населения, приобщала сельскую молодежь к чтению, организовывала самодеятельность. В клубе ставились спектакли, концерты с участием школьников, читательские конференции. На самодеятельный спектакль «Ини-бии» («Братья») по пьесе Степана Ефремова в качестве реквизита пошли белая меховая шапка и муфта мамы, армейские кожаный ремень, фляжка и планшетка папы.

У нас появилось и собственное хозяйство. Во дворе построили маленькую избу-балаганчик, где держали свинью и кур. В первое лето мы дети с нетерпением ждали выводка цыплят, с удивлением наблюдали их появление на свет. Молоко мама покупала, и у нас каждое утро был свежий кёрчех. С наступлением первых холодов свинью забивали. На столе всегда было домашнее соленое сало, которое я очень любила.

У меня появилось множество новых друзей и среди детей, и среди взрослых. Мы с мамой на

пару подружились с семьей колхозника Уйбаана (Ивана) Ноева. Я особенно подружилась с его женой Балайей (Пелагеей). И Уйбаан, и его жена выделялись в деревне своим необычно высоким для якутов ростом. Балайя была мачехой тому высокому подростку Баачану (Ване), который в первый день в школе принял мою шубу. Кроме Баачана, который в то время учился в 3-ем классе, у них был младший сын Коля, ровесник нашей Лины. Балайя со своим мужем были неграмотны. Я любила бывать у них в доме и наблюдать, как Балайя управляется с домашними делами.

Всюду я следовала за ней, рассказывая ей о всякой-всячине, и в то же время с интересом наблюдая за тем, что она делает: как месит тесто для лепешки, как разделявает мясо для супа, как пропускает молоко через сепаратор, чистит хотон, загоняет скот, раздает сено для корма. А ей было интересно все, что я рассказываю. Так мы взаимно обогащали друг друга. Помню, как однажды мое удивление вызвало какое-то варево, которое готовилось в огромном чане на печи. Мне объяснили, что это кости от мяса, которое две семьи, жившие в этом доме, ели всю зиму. Оказалось, что эти кости копились, и теперь их будут уваривать до полужидкого состояния. Затем полученную студенистую массу процеживают, вынесут на холод и будут употреблять до лета вместо закончившихся припасов масла.

В их доме, кроме них, жила семья младшего брата Уйбаана Сэмэнчика. Сэмэнчик, в отличие от Уйбаана, маленького роста, служил бухгалтером в колхозе и был, что говорится, с претензиями на интеллигентность и образованность. Сэмэнчик носил отутюженные брюки, светлые рубашки с жилетом поверх них и на фоне остальных выглядел франтом. Любитель порассуждать на всякие текущие политические и производственные темы, он критиковал руководство, как районное, так и колхозное, включая папу. У них в комнате висела застекленная картина в богатой багетной раме. На картине был изображен нездешний иностранный замок, окруженный нездешней растительностью или садом.

Что-то меня притягивало в этой картине, какая-то тайна, заключенная в ней. Хотелось узнать,

что это за замок, что находится в этом саду? Сэмэнчик заметил это, и однажды, подводя меня к картине, задал задачку: определи, где на картине запад, а где восток, с какой стороны замка восходит солнце. Я выдала свою версию, на что Сэмэнчик сказал, что это неправильно, и длинно, пространно объяснил, как это нужно определять. Но объяснил так заумно, так многословно, что я ничего толком не поняла. Зато в конце его тирады я спросила, откуда это картина, на что он, важничая, ответил, что это военный трофей из Германии, что изображенный замок – есть на самом деле. В нем жил немецкий барон, впоследствии офицер, воевавший против СССР. Сэмэнчик брал эту местность и даже жил в этом замке, и посему взял на память его изображение.

Жена Сэмэнчика Арыпай (Аграфена), светлая красавица, всегда сохранявшая молчание в присутствии мужа, тоже, казалось, несла какую-то тайну в себе. У них было двое детей: очень светленькая, похожая на славянку, красивенькая Феня, ровесница нашего Володи, и сын Коля, младше ее на год, точная копия отца Сэмэнчика. Как были непохожи эти пары – Уйбаан с Балайей и Сэмэнчик с Арыпай! Первые – огромные, с грубо сработанными обветренными темными лицами, более чем просто одетые, и вторая пара – миниатюрные, красивые, в чем-то даже холеные, ухоженные, хорошо одетые даже по нынешним меркам. Они прекрасно уживались в одном доме, но вели хозяйство абсолютно раздельно. В этом доме царили почти стерильная чистота и аккуратность. Не было ничего лишнего, всё на своих местах.

С этими и еще несколькими другими женщинами я ходила по ягоды, мы вместе, собрав всех детей, ходили весной собирать дикий лук. Летом я еще рвала щавель, который деревенские не брали. Они меня любили и уважали как взрослую, даже советовались со мной по каким-то жизненным ситуациям. У меня сохранилась любительская черно-белая фотография, где мы стоим вместе с Балайей. Балайя рано, в начале 60-ых, умерла от инсульта в хотоне. Вся наша семья оплакивала её, мы всегда с большой теплотой вспоминали о ней.

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

А с Арыпыйай я еще раз встретилась в 1966-ом году осенью, новоиспеченной первокурсницей университета выехав в район на сельхозработы. В поселке Дирин, куда нас привезли, жила теперь семья Сэмэнчика, бухгалтера совхоза. Аграфена после случайной встречи пригласила меня в гости, мужа и подростков детей дома не было. Мы сердечно проговорили о прошлом, о настоящем. Она попотчевала меня деревенскими деликатесами того времени: жареным с соленым диким луком мясом, якутскими вафлями, испеченными в чугунной форме на открытом огне, сметаной, кёрчехом с брусникой, моей любимой якутской лепешкой из муки грубого помола. Последнее, специально испеченное для меня, тронуло меня до слез. Той же зимой Арыпыйай умерла, Сэмэнчик с детьми переехал в Якутск. Он приходил к моему отцу, маленький, пожилой, не узнать было в нем былого напыщенного Сэмэнчика. Я спросила у него о той картине, сохранилась ли она? К сожалению, Сэмэнчик совсем не помнил о ней или сделал вид, и словно флер какой-то тайны напроочь отлетел от его жизни с Арыпыйай.

Почему я вспоминаю о жителях села Хадар с такой теплотой, награждая их какими-то особенными человеческими чертами? Сейчас-то я понимаю, что все село состояло из переселенцев, совсем недавно, едва живыми, вернувшихся с Севера. Именно поэтому в селе не было стариков, могилы которых остались там, вдали от родных аласов. Немногие мужчины села – это были все фронтовики, как и мой отец. Вернувшись с войны, многие низ них не нашли ни своих родителей, ни детей, а некоторые – полностью всю семью, которых поглотило это переселение. Село начинало, по сути, жить заново, люди восстанавливали свое утерянное хозяйство с нуля.

Слышала я от этих людей, из первых уст, всю правду об их переселении. Знаю, как это происходило и чем закончилось. Знаю правду об их тяжелом пути на Север, о том, как смерть начала косить ослабленных детей и стариков еще в Нижнем Бестяхе той холодной осенью 1942 года. Люди просто, без всякого надрыва, без слез рассказывали, как их с парохода буквально высаживали на пустынные безлюдные места. Более

здоровые из них отправлялись по прибытии на поиски местных жителей, а остальные, оставаясь с малыми детьми, больными стариками под открытым небом, начинали сооружать какое-либо подобие жилья уже под засыпающим их снегопадом! О, это первая страшная, голодная зимовка на Севере! Не все переселенцы нашли местных жителей, которые даже не подозревали, что к ним прибыли издалека люди! Гибли-умирали от голода, холода. Умерших, не имея сил хоронить, складывали до оттепели, до весны! Как они выжили?!

Выжили и не озлобились на власть, которая сотворила с ними такое! Поистине ангельское терпение у этих людей! Ни разу тогда в детстве ни от кого из них я не услышала ни одного ругательства, ни одного плохого слова, ни одного сетования на свою судьбу! Они, эти люди, считали, что просто разделили судьбу своей страны, объята войной. Об этом я узнала еще тогда, когда все это было покрыто мраком тайны и не было широко известно народу, как сейчас. Тогда эти люди каждый день, прожитый в родной деревне, воспринимали как награду, как благодать. Они ценили и принимали с благодарностью самую малость: тепло очага, хлеб и кров, мир в доме – то, что человека делает человеком. Я, замирая от участия, сочувствуя им всем сердцем и душой, слушала их рассказы о переселении на Север, и они это видели. Я стала им родной, как и они мне.

Воспоминания о Хадаре хочу закончить описанием объединенного Ысыаха трёх соседних колхозов, возглавляемых Мэхэччей (Михаилом) Климовым, Кёстёкюнем (Константином) Далбаевым и нашим отцом. Ысыах состоялся в 1958 году в селе Дирин. Помню, как мы все сидели на зеленой траве, на поляне, обнесенной живой изгородью-чэчир. Народ был одет во все лучшее, что было у них по тем временам. Людей в национальных костюмах не было, хотя у многих женщин и маленьких девочек, в том числе у меня и Лины, были платья фасона «халадай». Но мы летом всегда носили такие платья, это было общепринятым обыденным явлением. Некоторые мужчины, несмотря на летний зной, были в черных костюмах (пиджак, брюки). У всех мужчин брюки были

заправлены в кирзовые сапоги. Кирзовые сапоги были приметой 50-ых годов, их носили все, в том числе женщины и дети. День был яркий, солнечный, жаркий. Царило всеобщее, приподнятое происходящим событием, радостное настроение.

Посреди поляны стояло деревянное возвышение – трибуна, на которую по очереди выходили председатели колхозов. Они докладывали о делах своего коллектива, об успехах и проблемах. Началось награждение колхозников. Помню отца, зачитывающего имя и фамилию награждаемого и перечисляющего его трудовые достижения. Затем он вручал ему премию от имени правления колхоза, крепко жал руку и благодарил за труд. Народ одобрительными возгласами приветствовал награждаемых. Премировали колхозников тульскими никелированными самоварами послевоенного советского производства, отрезами на платье или костюм, обувью (сапогами или ботинками). Помню радость колхозников и свою огромную радость за награждаемых.

После торжественной части всех сидящих на поляне обнесли чоронами с кумысом и чашами с кусками вареного мяса. Никогда более и нигде я не пила столь вкусный кумыс! Тогда еще были в обиходе большие чороны, из которых девушки и молодые женщины наливали этот чудесный напиток в подставленные кружки. В кумысе плавали крошки и даже кусочки желтого сливочного масла. Некоторые из женщин, в основном, пожилые, вылавливали эти кусочки из своих кружек прямо пальцами и складывали в отдельные маленькие мисочки. Народ с удовольствием вкушал на этом празднике. Мужчины ели мясо, высоко держа его возле рта, ловко отрезая кусочки якутскими ножами.

Говор людей, радость встреч, крепость рукопожатий, ласковые переглядывания – эта картина яркого летнего праздника вновь и вновь возникает в моей памяти! А какой радостью сияли лица моих родителей, когда люди подходили к ним со словами благодарности!

Такая же приподнятость всеобщего настроения наблюдалась во время выборов в Верховный Совет ЯАССР. Помню, что моя мама была в

числе лучших агитаторов, о чем писали в «Блокноте агитатора». Было такое летучее издание в те годы. Накануне выборов в клубе села Хадар был концерт. Колхозная молодежь после концерта осталась в клубе на массовые игры и танцы, где и провела ночь до открытия в 6 часов утра избирательного участка для голосования.

Я все это помню, потому что наша семья жила жизнью колхоза. Однажды поздно вечером из фермы «Сирэ холлогос» (а может быть, из фермы «Сэттэ торбос») принесли в наш дом известие, что умирает теленок. Отец сразу засобирился туда с ветеринаром. Как мы переживали с мамой, а при возвращении отца накинудись на него с распросами. К счастью, тогда все обошлось.

Не было бы у меня таких воспоминаний, будь у меня другие родители! Это были годы, когда народ в глубинке только-только оправлялся от бед, связанных с войной, переселением, начинал строить новую жизнь. Призывы партии живо воспринимались народом, так как они звали их строить эту самую жизнь. И мои родители были плоть от плоти этого народа, и мы, их дети, разделили судьбу родителей, куда бы их не забрасывала жизнь по зову партии. Именно поэтому воспоминания об отце и матери – это воспоминания о жизни народа того времени.

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.